

Колдовство и ясновидение в горных
районах и на островах Шотландии.
Сказки и предания, собранные
ПОЛНОСТЬЮ ИЗ УСТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Джон Грегорсон Кэмпбелл

Witchcraft & Second Sight

in the

Highlands & Islands of Scotland

*Tales and Traditions collected entirely
from Oral Sources*

By the late

John Gregorson Campbell

Author of "Superstitions of the Highlands and
Islands of Scotland"

Glasgow

James MacLehose and Sons

Publishers to the University

1902

The Project Gutenberg eBook of Witchcraft & Second Sight in the Highlands & Islands of Scotland.

Эта электронная книга может быть использована любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Колдовство и второе зрение в Горной Шотландии и на островах

Автор: Джон Грегорсон Кэмпбелл

Дата выхода: 15 февраля 2019 [eBook #58894]

Язык: Английский

Credits: Электронный текст подготовлен Сьюзен Скиннер и командой Online Distributed Proofreading Team (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Google Books Library Project (<https://books.google.com>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK WITCHCRAFT & SECOND SIGHT IN THE HIGHLANDS AND ISLANDS OF SCOTLAND ***

Электронный текст подготовлен Сьюзен Скиннер и группой онлайн-распределенной корректуры

(<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных библиотечным проектом Google Books (<https://books.google.com>)

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через библиотечный проект Google Books. См. <https://books.google.com/books?id=LuY0AAAAMAAJ&hl=en>

ТОГО ЖЕ АВТОРА.

Унифицировано с данным томом: Цена 6 с. нетто.

Суеверия высокогорья и островов Шотландии. Собрано полностью из устных источников покойным Джоном Грегорсоном Кэмпбеллом, министром Тири.

НЕКОТОРЫЕ МНЕНИЯ ПРЕССЫ

Пересечение границы сказочной страны - это путь, с которого немногие антиквары возвращаются. Мы сами с большим трудом вернулись обратно, ведомые соблазнительным Джоном Грегорсоном Кэмпбеллом, который, если верить Кэмпбеллу с острова Айла, когда-либо был человеком, посвященным в сокровенные тайны эльфийского народа.

Действительно, "*Народные сказки Западного нагорья*" Кэмпбелла, хотя и полны до краев, но, как нам кажется, не выражают с такой же полнотой и полнотой туманные легенды, романтику и причудливый реализм кельтского сверхъестественного, как эта более простая и прозаичная записная книжка старого приходского священника 1861-1891 годов. Фольклор, кельтский или саксонский, отныне должен считаться с посмертными записными книжками Джона Грегорсона Кэмпбелла как с незаменимым разделом своего аппарата изучения.- АНТИКВАРИАТ.

Важность этой работы с научной точки зрения трудно преувеличить, поскольку ее точность абсолютно неоспорима. И все же, будучи не более чем сборником историй, рассказанных на самом простом английском языке, она так же приятна, как одна из книг сказок мистера Лэнга.-THE SPECTATOR.

В целом книга необычайно интересна и представляет собой богатую жилу для фольклориста. Некоторые из историй можно встретить в других версиях, но большинство из них появляются здесь впервые и отличаются удивительным разнообразием. Свет, который они бросают на образ мыслей горцев, замечателен.- Шотландское обозрение.

Высказывания и убеждения приводятся в точности в том виде, в каком они дошли до автора, и я не думаю, что можно обнаружить хоть один случай, когда более широкие знания или предрасположенность любого рода побудили бы его изменить или исказить какой-либо факт. Эта строгая добросовестность всегда обеспечит работе мистера Кэмпбелла доверие и уважение истинных фольклористов..... Кэмпбелл из Тири занимает место рядом с Кирком и Уолтером Грегором из Питслиго среди тех записывателей фольклора, к которым студент всегда может обратиться с большим доверием и восхищением.- Мистер Альфред Натт в FOLKLORE.

Изучающие традиции найдут много интересного в этом новом сборнике фольклора Хайленда, ибо, хотя значительная часть информации схожа с той, что содержалась в предыдущих работах подобного рода, многие детали являются новыми, и даже те, которые уже знакомы, имеют эту большую рекомендацию - они были получены из первых рук от крестьян, а не из других книг.-RELIQUARY.

В целом можно найти немного более богатых полей древних народных поверий, особенно мрачных и суровых, чем то, которое так успешно возделывал оплакиваемый автор этой книги.-ATHENÆUM.

Мистер Кэмпбелл избежал большинства трудностей, с которыми столкнулись его предшественники. В книге собрана очень интересная серия историй, которая завораживает читателя. На такие темы, как гадание, заклинания, дьявол и т. д., дается много интересной информации. Несмотря на тщательную научную обработку, книга прекрасно подходит для общего ознакомления.- Примечания и вопросы.

Сказки взяты прямо с их родной почвы в народной памяти; и хотя немногие из них являются абсолютными редкостями, едва ли найдется хоть одна, которая не иллюстрирует в какой-то

мере бесконечное разнообразие и яркую образную окраску, а также богатство суеверий горцев.-SCOTSMAN.

Этот том издан посмертно, и мы не можем не сожалеть о том, что автор не пожалел о том, чтобы увидеть его благополучно выпущенным в свет. Это капитальная книга, написанная в совершенно здоровом и трезвом духе. Этим она отличается от большинства книг, посвященных нравам, обычаям и нравам шотландских гэлов, поскольку в них самые дикие теории, основанные в основном на причудливых идеях, рассматриваются как факты и излагаются как истины. При сборе материала покойный мистер Кэмпбелл опирался исключительно на устные сообщения, сделанные им самим, так что в каждом случае сомнения он мог допросить своего информатора.- SCOTTISH GEOGRAPHICAL MAGAZINE.

В целом книга является заметным и ценным дополнением к литературе британского фольклора и не лишена права занять место рядом с классическими "Народными сказками Западного нагорья" мистера Дж. Ф. Кэмпбелла.

Чем больше подобных коллекций мы получим, тем лучше, - таков будет вердикт всех, кто прочтет эту интересную книгу; и те, кто смотрит на этот вопрос больше с научной точки зрения, присоединятся к этому пожеланию.- Мэн.

Феи и рассказы о них, собранные им самим или его корреспондентами во всех уголках Хайлендса и Айленда, занимают половину представленной нам книги, примечательной особенностью которой является то, что все ее содержание было взято из устных источников. Существует много вариантов и много общих историй, которые по-разному локализованы. Печатные рассказы о феях религиозно игнорируются.-THE NORTHERN CHRONICLE.

Те, кто интересуется нашими западными нагорьями и островами - а кто не интересуется? - найдут книгу мистера Кэмпбелла прекрасной копилкой странных, чудаковатых историй и легенд, последние полностью характерны для этого народа, а первые касаются магии, гаданий и суеверий сказочной страны. Действительно, она занимает самостоятельное и очень важное место в нашей фольклорной литературе.- БАЙЛИ.

Сказки очень разнообразны. Они связаны с "феями" и суевериями, связанными с ними. Одна глава посвящена предсказаниям, другая - предчувствиям и гаданиям, снам и пророчествам, проклятиям, заклинаниям и черному искусству. Одним словом, перед нами очень разнообразная и многогранная коллекция верований горцев, рассказанная с большой свежестью и живостью.-OBAN TIMES.

Глазго

Джеймс Маклехоуз и сыновья

Издательство Университета

Лондон и Нью-Йорк: Macmillan and Co., Limited

КОЛДОВСТВО И ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ В ГОРНЫХ РАЙОНАХ И НА ОСТРОВАХ ШОТЛАНДИИ

ОПУБЛИКОВАНО ДЖЕЙМСОМ МАКЛЕХОУЗОМ И СЫНОВЬЯМИ, ГЛАЗГО,
Издательство Университета.

MACMILLAN AND CO., LTD., LONDON.

Нью-Йорк, Макмиллан Ко.

Лондон, Симпкин, Гамильтон и Ко.

Кембридж, Макмиллан и Боус.

Эдинбург, Дуглас и Фоулис.

МСМII.

Колдовство и второе зрение в Горной Шотландии и на островах

Сказки и предания, собранные полностью из устных источников

Покойный Джон Грегорсон Кэмпбелл

Автор книги "Суеверия горцев и островов Шотландии".

Глазго

Джеймс Маклехоуз и сыновья

Издательство Университета

1902

ГЛАЗГОУ: НАПЕЧАТАНО В УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ
BY ROBERT MACLEHOSE AND CO.

СОДЕРЖАНИЕ

	СТРАНИЦА
<i>ГЛАВА I</i>	
Черное колдовство	
Вводная часть	1
Ведьмы и молоко	7
Контрколдуны	10
Отправляемся в море	15
Поднимать бури и топить людей	19
Ведьмы в роли овец	30
Ведьмы как зайцы	33

Ведьмы в образе кошек	34
Ведьмы в роли крыс	42
Ведьмы в образе чаек	42
Ведьма в образе баклана	43
Ведьмы в образе китов	44
Отсрочка рождения ребенка	45
Глиняный труп	46
Серебряный шестипенсовик	49
Спасение лошадей	50
Портной и ведьмы	50
Знаменитые ведьмы	50
Волшебник, восставший после смерти	52
Как распознать ведьм	53

ГЛАВА II

Белое колдовство	
Вводная часть	54
Eòlas	57
Лекарство от сглаза	59
Средство от растяжения связок	66
Очарование от ушибов	67
Амулет от ревматических болей	67
Амулет от чахотки	68
Для лечения заболеваний грудной клетки	68
Амулет от зубной боли	69
Сделано для Мерриона Макфадина	70
Амулеты для скота	71
Чары против опасности	73
Амулет старой жены для ее коровы	73
Талисман для овцы в колыбели	74
Против утопления и на войне	74
Амулет против опасностей на войне	75
Амулет для ткани	77
Амулет для общего пользования	79
"Евангелие Христа"	79
Амулет для присвоения милостей	80
Шарм для лица молодых женщин	81
Любовный талисман	82
Амулет для защиты от вреда в судебном процессе	83
Змеинный камень	84

Улиточные бусы	88
Лягушачий камень	89
Камни	90
Стрела феи	91
Камень Крубана	92
Разное	93
Gospel	94
Разные способы лечения	94
Бородавки	94
Натоптыши	95
Tetter	95
Икота	96
Икота-кашель	96
Неподвижная шея	96
Зубная боль	96
Болезнь при падении	97
Безумие	97
Отек подмышечной впадины	99
Люмбаго	100
Употребление	100
Проказа	100
Лох Ма Нар	101
Уэллс	101
Горный ясень	103
Жемчужница	103
Зверобой	104
Можжевельник	105
Тысячелистник	106
Манящее растение	106
Дочь короля чародеев	107
<i>ГЛАВА III</i>	
Предупреждения о смерти	
Вступление	109
Хью из Маленькой Головы	111
<i>ГЛАВА IV</i>	
Второе зрение	
Вступление	120
Призраки живых	132
Явления мертвых	137
Сильные и несильные желания	141

Tàradh	144
Брак	147
Грядущее несчастье	148
События на расстоянии	149
Смерть	150
Гроб	151
Шум бокалов, используемых на похоронах	154
Похоронная процессия	155
Рейфы, которых видят перед смертью	158
Утопление	160
Лошади и собаки	163
Плач, услышанный перед смертью	166
Огни	169
Духи, увиденные перед смертью	172
Возвращение мертвых	172
Кости умерших и место захоронения	176
Духи, появляющиеся в снах	179
Как избавиться от второго зрения	180
ГЛАВА V	
Хобгоблины	
Вступление	181
Бодах, или Карле	187
Фуат	188
Sachlaidh Na Feusaig, остров Айла	189
Тело без головы	191
Серая лапа	194
Юэн и жена Карлина	198
Черный ходок из Форда	201
Строуэн, Атол	203
Неземной свист	204
Битва при Гауре	205
Чудовище с перевала Одал	207
Луидеаг, "Тряпка"	208
Лохань Доймиг	208
Возвращение мертвых	210
Призрак Дональда Горма	211
Taibhse Choimhlig	213
Кингэрлох, Аргайлшир	214
Fladdachuaín	215
Дома с привидениями	217

Бокаин, гоблины	220
<i>ГЛАВА VI</i>	
Кельтский год	
Вступление	224
Nollaig	229
Каллуинн	230
Рождественские рифмы	233
Новогодняя ночь	236
День Нового года	238
Двенадцать дней Рождества	243
Зимний сезон	244
Февраль	245
Earrach beag nam Faochag	247
День святой невесты	247
Весна	250
Свисток	250
Остроклювый	251
Подметальщик	251
Геарран, мерин, или, возможно, Геарран, жалобщик	251
Старая жена	253
Три свиных дня	254
Время посева	255
Масленица	256
Великий пост	258
День святого Кессока	259
День святого Патрика	259
День леди	261
Шор или Маунди-четверг	261
Страстная пятница	262
Пасха	263
День всех дураков	266
Bailc na Bealltainn	267
Майский день	267
Месяц май	272
Неделя свиста	273
Май	273
Избегающий день в году	273
Уитсунтид, Пятидесятница	274
День святого Иоанна или канун середины	276

лета	
Собачьи дни	276
Перевод Мартина	277
Ламмас	277
Жаркий месяц (<i>т.е.</i> август)	279
Успенский день	279
Рудма, 14-26 сентября	280
Михайловы дни	281
Хэллоумас	281

ГЛАВА I. ЧЕРНОЕ КОЛДОВСТВО.

Колдовство представляет нам класс народных суеверий, совершенно отличный от тех, что связаны с феями. Феи, водяные кони и подобные им сверхъестественные существа отличались от злых духов, которые наделяли ведьм своими нечистыми силами. Их нельзя было заставить или призвать, чтобы они появились в нужный момент или заключили договор об услугах. Силы Тьмы, напротив, всегда были к услугам своих жертвователей, и с помощью чар и заклинаний, известных посвященным, их можно было заставить оказать помощь в любом злодейском замысле.

Вера в магию широко, почти повсеместно, преобладает среди человеческих племен, и колдовство христианской эпохи, хотя оно, несомненно, приобрело силу и характер благодаря ошибочным толкованиям Священного Писания, многим обязано заблуждениям языческих времен.

Конечно, у ведьм Хайленда есть много общего с их южными сестрами, но в сравнении с ними в их характере мало отталкивающего или ужасного. В рассказах о них нет упоминаний об инкубах и суккубах, полуночных встречах и танцах с дьяволом, пальцах мертвецов и прочих ужасных и кошмарных вещах - бреде бедных женщин, сошедших с ума от преследований и пыток. Не упоминается ни о том, что они скакали по воздуху на метлах, ни о том, что, подобно ведьме из Эндора, воскрешали мертвых. Их искусство было запрещено, а их сила исходила от дьявола, но не известно, под каким предлогом, да и не было ли вообще какого-либо предлога, эта сила должна была быть получена. Они творили свои заклинания во имя дьявола и против имени Троицы, но знание необходимых чар и смелость в их использовании, похоже, были всем необходимым. Те, кто пользовался репутацией ведьм, были (и есть, поскольку немногие из них еще сохранились) обычно старыми женщинами, лишенными друзей и средств к существованию и, естественно, готовыми добывать жалкие средства к существованию, работая на страхах или простоте своих более благополучных соседей.

Известны случаи, когда фермер подкупал ведьму ежегодными подарками, чтобы она не причиняла вреда его скоту; и мы должны помнить, что в дни скудости и голода бедность с ледяной рукой и медленно разрушающий возраст заставляют людей прибегать к таким действиям, о которых они и не мечтали, когда пища была в изобилии. В большинстве случаев предполагаемая ведьма была просто суеверной и, возможно, недоброжелательной старухой, знающей рифмы и чары для лечения болезней у людей и животных и старающейся

уберечь свой скот, если он у нее был, от вреда. Иногда она была и нечестной, желая, чтобы на нее смотрели с благоговением, и, пользуясь сумерками, воровала молоко у соседей и кукурузу из их стогов. Ее колдовские способности вполне объясняли народному сознанию, что ее масло и сыр - даже если у нее не было коров - были в изобилии, когда у других не было запасов. В темные некультурные времена претензии на влияние на невидимые силы природы и общение с духами нужно было только предъявить, чтобы получить разрешение, а само притязание слишком легко внушает претенденту благоговейный страх, чтобы кто-нибудь мог осудить самозванство. Многие верили в действенность тех искусств, которые они практиковали, и в то, что они сами обладают силой, которую легкое верование человечества готово было им приписать. Необычные природные события и явления легко превращаются в доказательства притязаний ведьмы; самозванство легко приводит к заблуждению, поэтому среди бедных и необразованных людей неудивительно встретить колдовство, которое практикуется и в которое верят.

Сила ведьм всегда находилась в распоряжении тех, кто был готов за нее заплатить, и тот факт, что вознаграждение за колдовство иногда не превышало фунта табака, показывает, насколько нужда заставляла претендовать на сверхъестественные способности. Если ведьма не получала вознаграждения, она ничего не могла сделать; ее заклинания были бесполезны. Чтобы объяснить аномалию, когда ведьмы обладали такими огромными способностями и при этом всегда оставались в нищете, говорили, что бедные несчастные не могут принести себе пользу; их сила, как и следовало ожидать, учитывая источник, из которого она исходила, заключалась только в том, чтобы причинять зло и наносить вред другим. Многие в суевериях расходится с этим популярным объяснением, как, например, получение молока от соседских коров и вещества из их масла и сыра, но противоречия и абсурды никогда не стоят на пути легкого верования и суеверных страхов.

Гэльское название "*Buidseach*" идентично по значению английскому "*witch*", и это слово также несколько напоминает его по форме. Термин "*Бао*" иногда переводят как "волшебница", но на самом деле это всего лишь небрежная разговорная форма "*Баобх*", дикой яростной женщины, злой озорницы, которая бранится, бушует и проклинает, не заботясь ни о том, что она говорит, ни о том, что она делает, молясь, чтобы дома были разрушены (*làrach lom*) и имущество уничтожено (*sgrios an codach*) тех, кто ее обидел. Это слово используется в пословицах. "Буйная женщина добивается своего, но душа ее не получает пощады".^[1] *Baoth*, слабый, глупый, часто путают с ним. М'Интош^[2] использует выражение "*маса бао*", "сын волшебника", вместо "*масан бао*", "слабый или маленький ребенок". "Жалость к матери беспомощного ребенка, когда майский день выпадает на четверг", т. е.^[3] из-за младенческой смертности в это время года.

На вопрос "Что могли делать ведьмы?" обычно отвечают: "Чего они не могли делать? Однако классы действий, приписываемых им, немногочисленны. Они могли отбирать молоко у скота соседей, приносить рыбу к своим берегам, делать рыбаков удачливыми, сами отправляться в море за рыбой и приносить домой целые фуражиры, поднимать бури, топить корабли, топить тех, кто их обижал; давать морякам веревки с узлами, развязывание которых поднимало ветер; они могли ходить в винные погреба в Лондоне или Ирландии и пить вино до утра; летать по воздуху с волшебной быстротой и пересекать моря на самых маловероятных судах - ситах, яичной скорлупе или сухих коровьих стадах; вызывать у врага болезнь, приводящую к истощению, сбивать с пути и подвергать опасности запоздалого путника и своими проклятыми трюками удерживать ребенка во чреве матери до положенного срока; сосать коров и принимать различные обличья. Они могли приносить пользу или, по крайней мере,

отгонять зло от любимого человека, но их способность к этому, похоже, была гораздо слабее, чем способность к злословию.

Выполняя свои нечестивые заклинания, ведьмы принимали различные обличья. Они становились чайками, бакланами, воронами, крысами, мышами, черными овцами, вздымающимися волнами, китами, а очень часто кошками и зайцами. Форма не всегда соответствовала цели, которую нужно было достичь: заяц, например, плохо подходил для того, чтобы сосать корову, а кошка - чтобы пить вино; сито или яичная скорлупа не были подходящим судном для выхода в море, кусок клубка - для переноски молока, а дымовая труба - вероятной заменой коровьего вымени. Однако это не имеет никакого значения. Это лишь часть дьявольского способа ведьмы работать. Правда заключается в том, что эти безобидные животные, чьи обличья, как говорят, принимают ведьмы, появляясь в необычных местах в необычное время или ведя себя необычным образом, превращались испуганным воображением в ведьм, занимающихся своими противозаконными делами. Многие сказки, похоже, возникли в тщетных попытках поколебать легкое верие и в том удовольствии, которое люди с живым воображением иногда испытывают, "подкалывая" своих более глупых собратьев.

Помимо изменения формы, у ведьм был целый арсенал чар, заклинаний, красных, черных и синих нитей, волшебных колпаков и особенно волшебного посоха, который назывался "*an luirgean*" "*an lorg ohn*".

В определенные ночи года они были необычайно заняты. В частности, это была последняя ночь каждого квартала. В ночь на Бельтайн они бодрствовали всю ночь. Их цель, по-видимому, заключалась в том, чтобы *саунить*, то есть отгонять зло от своего скота или скота фермеров, которые нанимали их для этой цели. Другие, несомненно, воспользовались пренебрежением в этом отношении, чтобы обеспечить себя маслом и сыром на ближайшие три месяца. Никто, однако, не знает, чего они добивались, поскольку одна женщина, верившая в то, что они бодрствуют в ночь на Бельтайн, благочестиво сказала: "Бог и сами знают, что они делают".^[4]

Многие истории, связанные с колдовством, как уже было отмечено, наверняка возникли в попытках высмеять людей, отказавшихся от своей веры, и в необузданном воображении. Они лишь служат доказательством того, что люди верят в невероятное.

ВЕДЬМЫ И МОЛОКО.

Для бедняков корова бесценна, и ее недуги, естественно, вызывают беспокойство. Поэтому бедняк чаще всего становился жертвой самозванства, а его корова чаще всего теряла молоко из-за проделок ведьм. Редко подвергались нападению складки зажиточных людей, а также те байры, в которых следили за чистотой и опрятностью.

Истории о ведьмах, принимающих облик зайцев и сосущих коров, бесчисленны. Мальчик, видевший одну из них, описал зайца как сидящего на задних лапах, а его передние лапы лежали на вымени коровы. Некоторые люди утверждают, что, занимаясь этим, ночью настигли ведьму и поймали ее. После этого заяц превращался в женщину.

Когда ведьма принимает такой облик, опасно стрелять в нее, не положив в ружье серебро, шестипенсовик или пуговицу из этого металла. Если заяц, в которого стреляли, был, как это часто бывало, замаскированной ведьмой, ружье разрывалось, выстрел возвращался и

убивал стрелявшего, или следовало какое-нибудь несчастье. Поэтому старухи рекомендовали класть в ружье шесть пенсов, когда стреляли в зайца.

Стороны, вошедшие в дом предполагаемой ведьмы в Корнайге (Тири), обнаружили на полу две кувшинки, полные воды, а на столе - неглубокую молочную посудину (*measair*), полную масла.

В давние времена хозяина корабля, обедавшего у лэрда Колла, спросили, не очень ли хорошее масло на столе. Он ответил, что это свиное масло. Вызвали доярку и допросили ее. Она призналась, что, увидев проплывающего мимо кита (*muc-mhara*, дословно - морской свин) и услышав его рев (*geumraich*), она взяла у него субстанцию (*toradh*) молока. Если лэрд поверил ей, то он был честным и недоверчивым человеком, которому и в голову не приходило сговариваться между ней и его гостем.

Однажды ведьма с Тири забрала у коров лэрда Колла все их молоко и возвращалась домой, намотав его на свое тело в *дуитеамане* - черных водорослях, похожих на клубок. Навстречу ей попался мужчина, он разрезал черный клубок своим ножом, и все молоко вытекло на землю. Ведьмы также уносили молоко в иголках, навозных вилках и т. д., а также были замечены за тем, как оно вытекало струей из дымохода. Моряк, чей корабль шел через Кайлы Бьюта (*na saoil Bhòdach*), услышав рев быка на побережье Ковала, забрал молоко у стада, из которого оно выходило, перерубив трос топором. Молоко потекло из троса.

О мистере Лахлане, бывшем священнике из Кинтайла, рассказывают, что однажды он пришел в дом известной ведьмы и, не сказав, кто он такой, попросил ее в качестве примера ее силы подоить корову из дымохода.^[5] Корова, от которой нужно было получить молоко, принадлежала священнику. Ведьма принялась за работу, пока не выдоила все молоко, а затем спросила священника, доволен ли он. Он велел ей продолжать, и она доила корову до тех пор, пока не появилась кровь. Когда священник вернулся домой, он обнаружил, что его корова мертва.

У одной ведьмы в Лохабере была маленькая домашняя овечка, доя которую, она собирала себе молоко из отар всех соседних фермеров.

Волосатый Дональд (Dò'ull Molach), морвенская знаменитость прошлого века, исповедовавший великое умение исцелять или причинять вред скоту с помощью магических чар, был осмеян приходским священником за свои притязания, а его способности стали предметом игры. Дональда, по его собственной просьбе, закрыли в комнате, а священник назвал конкретную корову, на которой он мог бы применить свои способности. Не успел он закончить свои заклинания, как корова упала на камни.

Человек покупал на рынке у незнакомца корову зимней породы. Когда ее убивали, удары топора не произвели никакого впечатления. Старик, который шел по дороге, рассказав об этом, осмотрел хвост коровы и обнаружил, что вокруг него привязана *красная веревка*. Когда ее сняли, корова упала от первого же удара.

КОНТРЗАКЛИНАНИЯ.

Конечно, колдовским заклинаниям можно противостоять. Было бы неправильно, если бы такие опасные силы оставались без контроля. Некоторые из контрзаклинаний были

хорошими дезинфицирующими средствами, но в целом эффективность средства была столь же мнимой, как и враг, чьи козни нужно было победить. Почти все контрчармы использовались именно для предотвращения приема молока от коров. Достаточно было любого средства, в которое люди верили, но в обиходе были следующие противоядия.

Можжевельник (Iubhar-beinne, aiteal), сорванный особым образом, сжигали перед скотом и клали коровам в хвосты.

Клубок волос (*gaousid*), называемый *ронаг*, клали в молочник в день Ламмаса или в четверг после него, чтобы его вещество оставалось в молоке в течение всего остального года. В прежние времена к услугам Мак-Саймона (*Мак-Шиомуна*, септа Макартуров), уроженца Балемартина (Тири), часто прибегали для изготовления этих конституционных шариков. В день Ламмаса (*Lùnasdal*) он давал всем, кто приходил к нему, маленький мешочек с растениями, зашитый, чтобы положить его в кувшин для сливок (*croggan uachdair*) на следующий год, чтобы скот и молоко сохранили свою добродетель или вещество (*toradh*).

Несвежей мочой (*maistir*) следует окропить дверные косяки и придомовую территорию. Это отпугивает сглаз. В Колле жила старуха, на которую соседи обращали внимание за то, что она каждую ночь окропляла коров и дверные косяки. Ее намерением, несомненно, было удвоить уверенность.

Самым сильным талисманом из всех была рябина (*Caorunn*).

"Рован и красная нить

Заставляют ведьм танцевать до смерти".

Ее эффективность была известна как в Англии, так и в Горных горах. Из него должны быть сделаны колышек коровьей дужки (*Cnag chaorruinn sa bhuaraich*), а также рукоятка и крест (*crois na loinid*) посоха для чурки^[6]. На острове Айла, не так давно, у одного человека был ошейник из рябины для фиксации коровы на ночь, и каждый раз, когда животное посещало быка, он трижды пропускал этот ошейник через дымоход. Ежегодно в день Бельтана он украшал рябиной все дома. О человеке из Крейгниша, который в день святого Свитина собирал сильнодействующие травы и изучал магию, стоя одной ногой в дымоходе, говорили следующее:

"Ветка рябины

С лица Эйлсы Крейг,

Накиньте на него красную нить и завяжите узел,

И поместите его на конец разбрызгивателя,

И хотя ведьма из Эндора пришла,

Аллан мог справиться с ней".^[7]

Лошадиный башмак обладал огромной силой для защиты скота от колдовства. Как и в Англии, его нужно было найти случайно. Его клали над дверью байра, и гвоздь из него, вбитый в самый нижний обруч (*searcal*) молочника (*mias*), сохранял его вещество в молоке. Он сохранял лошадей, когда его клали над дверью конюшни, и корабли, когда его прибавляли к мачте. К целой лошади не могли прикоснуться злые духи, а ее всадник был защищен от

колдовских атак. Один человек в окрестностях Луинга (Аргайлшир), возвращаясь с похорон, обнаружил, что не может продвинуться по дороге домой, хотя всю ночь делал все возможное, чтобы добраться. Его тормозило какое-то невидимое влияние. Он оседлал целую лошадь и на рассвете оказался в безопасности. Его безопасность заключалась в лошади, на которой он ехал. Знаменитая *Красная книга Аппина*, согласно одной из версий сказки, была получена тем, кто прискакал на целой лошади на собрание ведьм и, завладев книгой, скрылся с ней, несмотря на дьявола и всех его слуг. В одной из сказок Вест-Хайленда (ii., 87) владелец *Красной книги* советует прибить к двери байра ботинок целой лошади, чтобы противостоять ведьмам, которые отбирают молоко у коров. Вероятно, именно ботинки целых лошадей и следует использовать, хотя в обиход вошли и другие, оказавшиеся не менее эффективными.

Деготь, нанесенный на дверь, отпугивал ведьм, а нанесенный на коровье ухо, как считалось, предотвращал *ceathramh gorm*, или четверть болезни.

Если, несмотря на все эти меры предосторожности или из-за пренебрежения ими, у коровы пропадало молоко или молоко переставало давать масло или сливки, существовало несколько методов, с помощью которых можно было противостоять колдовству, которое, несомненно, было тому причиной. Некоторые из этих средств больше похожи на изобретения шутников, чем на обряды, в которых можно найти рациональный смысл.

Когда корова перестает давать молоко, и возникает подозрение в колдовстве, ее владелец должен взять немного мочи животного (*maistir*), положить ее в бутылку и хорошо закупорить. Ведьма, забравшая молоко, не может выпить ни капли воды, пока молоко не вернется обратно. Распространена история о том, что владелец заколдованных коров по совету "мудрых" людей из своего района ставил на огонь горшок с коровьим навозом и кипятил его. Затем он добавил пол-унции булавок и помешивал компост, пока, наконец, ведьма не появилась в отверстии, образующем окно, и не попросила его прекратить мучить ее, и все будет хорошо. Он перестал, и на следующее утро у его коров, как обычно, появилось молоко. Говорили также, что если положить булавки в коровье молоко и кипятить до тех пор, пока блюдо не высохнет, то ведьма явится и признается. Однажды так поступила одна женщина в Тири, и оказалось, что виновником был ее родной брат. Старики в восточной части острова Скай помнят, как быка ставили на вершину дома подозреваемой ведьмы, чтобы вернуть молоко коровам фермера. Более жестокий метод, когда ведьму *забивают* или берут у нее кровь дыханием - цель которого могла заключаться только в том, чтобы клоуны били бедных старушек кулаками по лицу, - был неизвестен в Горных горах. Растение *мотан*, жемчужница, положенная в молочник, была более щадящим, но столь же верным способом вернуть молоку его добродетель. Если кусочек этого растения находился в копыте быка во время спаривания, ни одна ведьма не могла прикоснуться к молоку потомства.

В Тири один человек потерял несколько мешанок из-за того, что колья упали и задушили их в байре. Одна "мудрая" женщина, считавшаяся ведьмой, посоветовала, хотя ее совет не был принят, положить *правую часть передней лошадиной подковы с тремя гвоздями в ней под порог (stairsneach)* байра вместе с серебряной монетой, а заднюю четверть одного из животных отнести *на запад* и закопать за пределами фермы. Это было сделано для того, чтобы предотвратить подобное несчастье в будущем.

ОТПРАВЛЯЯСЬ В МОРЕ.

Ведьмы Льюиса считались лучшими для поднятия ветра. В свое время большое их количество было уничтожено следующим образом. Жена фермера сказала портному,

работавшему в доме фермера, где в то время не хватало приправы к ужину (*gann-dh'annlan*), что завтра этого не будет, если он успеет позавтракать без того, чтобы хозяин сказал "милость". Портному это удалось, и его любопытство пробудилось, и он не спал всю следующую ночь, чтобы посмотреть, как поступит жена. Он увидел, как несколько женщин, среди которых он узнал свою собственную жену, собрались в доме фермера и в сопровождении жены фермера исчезли в дымоходе, каждая в своем плетеном вертеле. Утром жена фермера вернулась со своим вертелом, полным свежей сельди. Портной, вернувшись домой, настоятельно рекомендовал жене разрешить ему сопровождать ведьм в их будущих рыболовных экспедициях. Тогда им будет доставаться не одна, а две доли рыбы. Это предложение было вынесено на собрание ведьм, и при сложившихся обстоятельствах они согласились. Восемнадцать ведьм отправились в море на веревке из камвольной нити, а жена портного осталась на берегу, чтобы держать в руке клубок, или конец веревки. Портной уговорил ее пойти с остальными и оставить его за леску. Она ушла, а портной стал выкладывать все больше лески, пока не решил, что ведьмы уже далеко в море. Тогда он оборвал нить и позволил всем утонуть.

Точно так же где-то на севере (все чудеса такого рода, как говорят в Южном нагорье, происходили на севере) портной работал в доме одной старухи, которая знала запретные искусства, но в то время испытывала недостаток в кухне для ужина. Она взяла вертел, села в него и, пробормотав несколько мистических слов, исчезла через отверстие в крыше, которое образовывало дымоход. Через некоторое время она вернулась с вертелом, полным селедки. Портной запомнил это заклинание, и в первый же день он убрал старуху с дороги, сел в вертел и повторил его. Однако, похоже, он не совсем правильно выучил слова, потому что вертел, вместо того чтобы направиться к отверстию в крыше, поднялся прямо вверх и с силой ударился головой о стропила. Затем он поплыл по крыше, словно в поисках выхода. Он ударился головой о стропила во второй раз и зарычал: "Куда, проклятие Господне, вы теперь направляетесь?" Мгновенно при имени божества вертел упал, а портной вывихнул бедра (*chaidh e as a ghobhal*). Больше он никогда не погружался в темную науку.

В Скае одна из женщин, собравшихся в доме одной старухи, чтобы набить ткань, случайно зашла в сарай и обнаружила, что он полон рыбы, подвешенной к крыше. "Здесь много селедки", - сказала она; и, поскольку старуха никак не могла получить ее иначе, как с помощью колдовства, она обвинила ее в нечестивых действиях. Старуха очень рассердилась на такое разоблачение.

В один год ведьмы Барры и Уйста попробовали силы друг друга в привлечении рыбы на свои острова. Ведьма из Барры оказалась сильнее и забрала рыбу в Каслбей (*Bàgh Chiosamuill*).

В другой год ведьмы Уйста и Тири устроили аналогичное состязание. Победила последняя, и люди ушедшего поколения верили, что каждая камбала, пойманная в тот год у берегов Тири, имела дырку в хвосте, сделанную ведьмами в ходе борьбы.

На мелководье (*oitir*) между Тири и Коллом часто видели, как ведьмы двух островов сражаются за камбалу, которая водится в этих местах. Вид, который наводил на мысль, был, несомненно, тот же, что и сейчас можно увидеть на этих берегах в штормовую погоду.

Ведьму, которая каждую ночь уходила из дома, преследовал ее муж, недоумевая, что она может делать. Она превратилась в кошку и отправилась во имя дьявола в море в решете вместе с семью другими кошками. Муж расстроил решето, назвав его именем Троицы, и ведьмы утонули. Так гласит история о Скае. В Саунд-Малле ведьмы отправились в плавание на решете "против имени Отца, и Сына, и Святого Духа", а муж расстроил заботу, поставив ногу на борт во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. В Тири несчастные женщины проплывали

мимо холма Кеннавара в яичной скорлупе, направляясь в Ирландию, когда муж одной из них, увидев флот, пожелал им счастливого пути. В тот же миг скорлупа затонула, и женщины утонули.

ПОДНИМАТЬ БУРИ И ТОПИТЬ ЛЮДЕЙ.

Вера в то, что ведьмы могут напугать море и поднять ветер, широко распространена и доходит даже до коренных африканцев. Финские ведьмы регулярно продают ветер мореплавателям - как в случае с их кельтскими сестрами, завязанными в узелки на нитке. Следующая история характерна для многих мест.

Лодочник с одного из южных островов надолго задержался в Льюисе из-за неблагоприятных ветров. Он ухаживал за дочерью ведьмы и обратился к ее матери с просьбой о благоприятном ветре. Он дал ей фунт табака, и после трехдневных усилий она с помощью соседних ведьм изготовила веревку с тремя узлами на ней. Первый узел назывался "Приди осторожно" (*Thig gu fòill*), и когда он ослабил его, отплыв от берега, поднялся легкий ветерок. Второй узел назывался "Приходи лучше" (*Teann na' s fhèarr*), и когда его развязывали, ветерок становился сильнее. Когда он приблизился к гавани, то из любопытства ослабил последний узел, который назывался "Трудности" (*Cruaidh-chàs*). Налетевший ветер "сдул бугры с их мест" (*séideadh nan cnoc*) и отправил солому домов в борозды пашни, а лодочник утонул. В Харрисе говорят, что лодку вытащили на сушу и закрепили, пока не развязали последний узел. Она опрокинулась и разбилась вдребезги.

Следующая история, известная как "Мольба Большого Макмуриха" (*Achanaich Mhic Mhuirich Mhòir*), является еще одной формой кельтского поверья.

Макферсон силы" (*Mac-Mhuirich nam buadh*), известный волшебник из Южного Уиста, в спокойный день отправился в путешествие по морю. Шкипер сказал ему: "Попроси ветра, Мак-Вурих". Он так и сделал, сказав:

"Восточный ветер из спокойного эфира,

как предписал Владыка стихий,

Ветер, который не нуждается ни в гребле, ни в рифах,

Который не обманет нас".

"Слабо и пустяково ты спросил об этом, - сказал шкипер, - когда я сам стою у руля". Мак-Вурич ответил:

"Северный ветер, твердый как прут,

и он дует над нашим бортом,

как красная косуля, на которую надавили,

Спускается с узкой твердой головы холма".

"Это еще не дотягивает до похвалы", - сказал шкипер, и Мак-Вурич продолжил:

"Если в холодном аду есть ветер,

Дьявол, пошли его за нами,

в волнах и штормах;

И если один сойдет на берег, пусть это буду я,

А если двое, то я и моя собака".

Налетело море, перекинуло корму лодки через нос, и все утонули, кроме Мак-Вуриха и его собаки.

Власть этого волшебника над стихиями была продемонстрирована и в другом случае. Макранальды собирались напасть на Макнейллов из Барры, к которым Мак-Вуирич был благосклонен. Их лодка была замечена на диком и скалистом побережье к западу от Ская и потоплена могущественным волшебником, произнесшим следующие слова:

"Юго-западный ветер в направлении Эйст-пойнта,

туман и дождь",

Клан Ранальд на проломной доске",

Я считаю, что это не так;

Узкое неустойчивое судно,

высокий остроконечный парус,

Груз пустых бочек,

И трюмная вода до краев,

Слабый и раздражительный экипаж.

Не уважающая друг друга".

Как и следовало ожидать, такая лодка далеко не ушла, прежде чем затонуть.

Обычно ведьмы, чтобы затопить судно, клали маленькое круглое блюдо (*cuach*), плавающее в молочной кастрюле (*measair*), поставленной на пол и наполненной водой. Затем они начинали свои заклинания, и, когда блюдо срывалось, корабль тонул.

Однажды три ведьмы из Харриса, поставив молочник на пол, ушли ночью из дома под присмотром служанки, которой было строго-настрого приказано ничего к нему не подпускать. Однако внимание девушки было отвлечено на короткое время, и в дом вошла утка и принялась плескаться в воде на полу. Вернувшись утром, ведьмы спросили, не подходило ли что-нибудь к кастрюле с молоком. Девочка ответила, что нет, и одна из них сказала: "Какое сильное море было прошлой ночью, когда мы огибали голову Кабага!"

Несколько лет назад пропала лодка, шедшая из Рааса в Скай. Ведьм, которые вызвали это несчастье, видели за работой в Брейс оф Портри, у ручья. Три из них занимались злым делом, и вместе с ними присутствовал мужчина. Подобная работа требует присутствия мужчины. В бассейне плавала ракушка (*slige coilleig*), а по краю бассейна было разложено несколько черных камней. Когда заклинание достигало своего апогея, черные камни лаяли, как собаки, и ракушка исчезала.

Фермер из Мулла и его маленькая дочь гуляли по возвышенности, откуда открывался вид на Саунд, через который в то время проходило множество кораблей. Маленькая девочка спросила: "Что ты дашь мне, папа, если я потоплю все эти корабли?". Подумав, что она шутит, он спросил ее, как она это сделает. Она наклонилась и посмотрела назад между ног на один из кораблей. Корабль завертелся и затонул. Таким быстрым способом были потоплены все корабли, кроме одного. Мужчина спросил, почему он не утонул. Девушка ответила, что это потому, что на борту было дерево рябины, а она не могла до него дотронуться. Тогда он спросил, кто научил ее всему этому? Она ответила, что ее мать. Мужчина, который был хорошим человеком и до этого не знал, что его жена занимается колдовством, собрал соседей и сжег себя и дочь.

Одна ведьма была нанята, чтобы уничтожить лодку, идущую в Тири. Другая ведьма, однако, пожелала его спасти. Первая явилась в образе чайки, которая вилась вокруг лодки и не давала ей опомниться (встречный ветер?). Другая явилась в виде баклана (*sgarbh*), последовала за лодкой (*an uisge na stiùirceach*, дословно: "воды руля") и спасла ее. (Благоприятный прилив?)

Бывший лорд Макдональд (*Mà-Cònuill*) направлялся на лодке в Уист, и погода была очень неблагоприятной. Когда он был уже недалеко от места назначения, огромная волна, или, как ее называют на гэльском языке, "тонущее море" (*muir bhàite*), почти захлестнула лодку, и две птицы, поморник (*croma-ritheachar*) и обычная чайка, были замечены борющимися в воздухе. Одна из них была Желтым Когтем, дочерью Дональда, сына Кормака (*spòga Buidhe ni' a Dò'uill 'ic Cormaig*), другая - Горбоносой Синеглазкой из Кракаига (*Gorm-shùil chrotach a Cràcaig*), обе - прославленные ведьмы. Первая - за то, что потопила лодку, вторая - за то, что спасла ее. Через некоторое время после этого Голубоглазка встретила лорда Макдональда в Эдинбурге и напомнила ему об этом инциденте, а также о своих заслугах в этом деле. Он лишь заметил: "Действительно, было такое обстоятельство".

Корабль, отплывающий из Гринока, должен был быть уничтожен женой капитана и еще двумя ведьмами. Подмастерье подслушал их планы и сказал, что в определенный день они обрушатся на корабль в виде трех накатывающих волн, и корабль будет потоплен, если только волны не будут рассечены мечом. В указанное время подмастерье получил право командовать судном и, стоя на носу с поднятым мечом, рассек волны и победил ведьм.

За день до Нового года лодка из Хианиша, Тири, отправилась на рыбалку. Утро было спокойным, но когда лодка возвращалась, поднялся ветер и море стало очень тяжелым. Лучший рулевой в лодке взял штурвал на себя. Другой, сидевший на заднем форштевне (*tota shílidh*), посмотрев некоторое время в сторону кормы, попросил у него руль и, получив отказ, наконец, взял его силой. Когда руль оказался под его рукой, он сказал: "Ну, давай!", и лодка благополучно достигла берега. Затем он объяснил, что видел чайку, которую не заметил первый рулевой, следовавшую за лодкой, и узнал в ней женщину, живущую по соседству. У этой женщины был незаконнорожденный ребенок от первого рулевого, и считалось, что ее цель поднятии шторма и следовании так близко за лодкой - утащить своего соблазнителя с собой и утопить его.

Ян Гарве (крепкий Джон), лэрд Рааса (*Iain Garbh Mac-ille-Challum Ratharsa*), человек, прославленный в песнях и легендах горцев своей огромной личной силой, был утоплен ведьмой, обладавшей таинственной способностью поднимать бури. Это событие произошло

в пасхальный понедельник (*Di-luain Càisge*), во время великой "бури заемных дней", о которой современный историк говорит, что "подобной бури не видели в наше время и не слышали в этой стране ни в один предшествующий век", 1625 г. н.э.; однако предания об этом событии все еще свежи в народной памяти. Ведьма была приемной матерью самого Яна Гарве (*muime*) и жила на островке Тродда (*Trodde*), на востоке острова Скай. Она подслушала, как ее друг сказал, что хотел бы, чтобы Ян Гарве, который, как известно, ходил на Льюис, утонул, и всерьез восприняла слова, сказанные лишь в шутку. Другие говорят, что она была подкуплена врагом, чтобы добиться гибели героя. Он покинул Лох-Силг в Льюисе, чтобы отправиться домой в спокойный день. Ведьма была дояркой (*банахар*) в Тродде и, увидев приближающуюся лодку, поставила молоко в большое блюдо, а в нем плавало маленькое пустое блюдо. Мальчика поставили в дверном проеме, чтобы он мог видеть и молочник, и лодку Яна Гарве. Сама она встала ногой в дымоход и начала свои нечестивые заклинания. Вскоре блюдо в молочнике начало сильно перемешиваться. Мальчик сообщил, что сначала оно крутилось по солнцу (*deiseal*), затем, что оно крутилось против солнца и ударялось о борта бассейна, и, наконец, что оно опрокинулось и плавало дном вверх (*air a bial foidhpe*). Шторм все это время усиливался, пока наконец не превратился в настоящий ураган. Этой ночью на берег вынесло кучу галечника на Ист-сайде (*Ду-Сур*), называемую *Молл-Стабхан*. Лодка Яна Гарве исчезла одновременно с опрокидыванием чаши, и все находившиеся на борту погибли. Во время шторма над лодкой вились три ворона, и впоследствии стало известно, что это были Желтые когти (*Spòga Buidhe*) из Маилигейра на Истсайде, Горбатый голубоглаз (*Gorm-shùil chrotach*) из Кракаида близ Портри и Дойдеаг из Малла. Когда судно находилось между Бэр-Скеррисом (*Срейр-Маола*) и Троддой, двадцать птиц летали вокруг, а некоторые из них принимали форму лягушек (*muileacha màg*) на палубе. Все ведьмы Шотландии были там, но не могли потопить лодку, пока Ян Гарве не сказал лягушкам: "Что за колючка привела вас сюда?".[8] После этого он отвлекся от множества птиц и лягушек, надвигавшихся на него. Ворон зажегся на крыле лодки, и Ян Гарве, ударив по нему мечом, рассек лодку до самой кромки воды. Первая весть об утопленнике была услышана на холме Минигейг (*Monadh mhinigeig*) в Баденохе, а подробности стали известны из рассказов других ведьм. По другой версии, герой явился в ту ночь своей жене во сне и сказал:

"В понедельник поднялся ветер,

И собрал свою ярость и гнев;

Скажи матери моего тела.

Что это зло устроило охоту".[9]

Тень приходила трижды и повторяла это. На следующий день жена рассказала сон свекрови, которая воскликнула: "Значит, мой возлюбленный потерян" (*tha mo laogh-sa caillte*).

Самой известной историей этого рода является история о гибели корабля капитана Форреста от рук ведьм в заливе Малл.

Виоле (*Bheòla*), дочери короля Испании, приснился удивительно красивый мужчина, и она дала обет не успокаиваться, пока не найдет его. Она снарядила лодку и в ходе своих странствий пришла в бухту Тобермори. Здесь она увидела Маклина из Даурта, который оказался тем самым мужчиной, которого она искала, и, хотя он был женатым человеком, вступила с ним в слишком близкие отношения. Жена Маклина из ревности подговорила своего слугу Смоллетта, уроженца южных земель, взорвать корабль со всеми, кто был на борту. Поджег фитиль, ведущий к магазину, Смоллетт сбежал и к моменту взрыва добрался

до Пеннигауна, расстояние в десять или двенадцать миль. Повара снесло в Сронгарве (*Sròn-garbh*, грубый нос), недалеко от Тобермори, где есть расщелина, до сих пор носящая название Пещера повара (*Uamh Chòcaire*). Сама принцесса упала где-то во время грохота и была похоронена в *Силле*, могильнике Лох-Алине в Морвене.^[10] Когда весть об этом ужасном событии дошла до Испании, капитан Форрест (чье имя не очень-то похоже на испанское) был послан с кораблем, чтобы отомстить жителям Малла, отрезав правую грудь у каждой женщины Малла. Когда корабль подошел, леди Дауарт послала за *Дойдеаг*, ведьмой из Малла, и с ее помощью, а также с помощью соседних ведьм, корабль капитана Форреста был потоплен до следующего утра. Дойдеаг закрылась в одиноком доме на Гирман-Пойнт (*Рута Гуирмейн*), недалеко от Дауарта, и там произносила свои заклинания. Через отверстие в стропиле продевали веревку, и всю ночь ручную мельницу (*brà*) поднимали на балку, опускали и снова поднимали. Один из жителей Тири рассказал, что, придя вечером в дом Дойдеаг, он был вынужден всю ночь без отдыха и передышки поднимать, опускать и поднимать жернов, в то время как сама ведьма ушла за помощью в Тири и другие места. Вернувшись, она рассказала, что в Тири немного задержалась, чтобы потушить пожар, причиной которого стала искра, упавшая среди корма в мешанине, принадлежащей человеку, который был ее невольным помощником. Когда подняли квершлаг, поднялся шторм, который усиливался по мере выполнения операции. В то же время чайки (другие говорят, что вороны в капюшонах, третьи - черные кошки) появились на верфях преданного корабля. Капитан Форрест, сам знавший черное искусство, спустился вниз. Когда ему доложили, что на такелаже появилась еще одна чайка, он сказал: "Мне хватит и этой" (*Fòghnaidh mi fhìn dhi so fhathast*). Он смог удержать корабль против восьми, по одним данным, девяти ведьм, но "до того, как пьеса была сыграна", на верфях было шестнадцать, по другим - восемнадцать ведьм. Их имена зависят от фантазии рассказчика. Там были все ведьмы Мулла (*na doideagun Muileach*), а также самые могущественные из сестер из окрестных районов. Часто упоминается *Ник-илль-Домнуич* из Тири.^[11] Все рассказы сходятся на том, что, когда пришла Большая Голубоглазка из Мей (*Gorm-shùil Mhòr bha sa Mheigh*), могущественная ведьма из Лохабера, корабль затонул. Незадолго до этого капитан Форрест велел матросу посмотреть вверх и узнать, сколько чаек на верфях (*seall suas co miad faoileann air an t-shlait*). Когда ему сказали, что их восемнадцать, он ответил: "Мы заблудились". Утром Дойдеаг сообщили, что ее дом остался без крыши из-за шторма, но ее утешили, сказав, что страшный корабль затонул напротив залива Койре-на-Теаншуар. "Если вы остались без дома, капитан Форрест останется без корабля" (*ma tha thusa gun tigh, tha Captain Forrest gun long*).

ВЕДЬМЫ КАК ОВЦЫ.

Один уроженец Тири возвращался вечером домой в западную часть острова с новым ружьем в руках. Находясь над пляжем Травей, он заметил черную овцу, бегущую к нему со стороны равнины Риф. Встревоженный движениями животного, он вставил в ружье серебряный шестипенсовик и, когда животное подошло достаточно близко, прицелился. Черная овца мгновенно превратилась в женщину, которую он узнал, с накинутым на голову плащом. Эта же женщина часто преследовала его раньше, особенно в образе кошки. Она попросила его хранить ее тайну, и он обещал это сделать, но однажды, напившись в деревне, к которой принадлежала женщина, он рассказал о своем приключении и имени женщины. Менее чем через две недели после этого он утонул, и ведьма (а именно такой считалась эта женщина) была обвинена в случившемся.

Гектор М'Леан из Колла, по его собственному рассказу, шел вечером из Аринагура в Бреакачу, расстояние в четыре мили по горной дороге, которая в то время была по большей

части горной. На полпути, в Айридах-мик-мхаройх, к его ногам подбежала черная овца и несколько раз повалила его на землю. Наконец он достал нож-застежку (*sgian-lughaidh*) и пригрозил овце, что если она снова подойдет к нему, то он проткнет ее ножом. Однако она снова и снова подходила и валила его с ног. Когда он попытался зарезать овцу, нож сомкнулся на его собственной руке между пальцем и большим пальцем и сильно порезал его. Подойдя к большому открытому стоку или ручью под садом Бреакача, он побоялся перепрыгнуть через него, вдруг черная овца проскочит мимо его ног и заставит его упасть в сток. Но вот он оказался в двух шагах от своего дома и громким свистом позвал собаку. Она прибежала и стала яростно гонять овец. Каждый раз, когда собака делала рывок и подходила слишком близко, овца превращалась в старуху, которую Гектор узнал как одну из своих знакомых, и подпрыгивала в воздух. Она попросила его отозвать собаку, но он отказался. Она попросила его снова и пообещала, что если он сделает это, то будет дружить с ним в добре и зле (*an còir's an eusoir*). Наконец он позвал собаку, но она не послушалась. Он схватил ее за шею, и она попыталась вывернуться. Он пообещал, что будет держать ее до тех пор, пока женщина не убежит. Ведьма превратилась в зайца, и Гектор призвал ее, поскольку она, казалось, обладала такой чудесной силой, "добавить еще одну ногу к ее корме, чтобы она бежала быстрее". Когда она удалилась на некоторое расстояние, он отпустил собаку и пошел домой. Собака вернулась домой только после полудня; она последовала за зайцем, заставила его укрыться на полке скалы (*uirigh creige*) и лежала внизу на страже, пока голод не заставил ее вернуться домой. При первой же встрече женщина упрекнула Гектора за то, что он отпустил собаку. Впоследствии, когда он ходил слугой на ферму Арилеод (*airidh-Leòid*), расположенную неподалеку, он часто видел ту же женщину в образе зайца, которая сосала коров. Его собака, как только видела ее, пускалась в погоню и заставляла ее вернуть свой прежний облик. Когда он покинул ферму, ее не было видно в течение нескольких дней. Он отправился на ее поиски и в лицо обвинил ее в том, что это она портила ферму. Она пришла в ярость и заявила, что накажет его за то, что он раздул о ней такую историю. Он ответил, что владелец острова назначил награду за обнаружение виновного, и если собрать всех женщин Колла на одном холме, то его пятнистая собака (*cu breac*) вычислит ее как преступницу. На это она ничего не ответила. Он попросил ее пойти в тот вечер в молочную Арилеода, чтобы люди не могли сказать, что это из-за него произошло зло. Она сказала, что сейчас вечер среды и она не в силах что-либо сделать, но на следующую ночь она пойдет, и он об этом узнает. В ночь на четверг она отвязала коров в байре Арилеод, пустила телят и натворила много бед.

ВЕДЬМЫ В ОБРАЗЕ ЗАЙЦЕВ.

В дополнение к приведенным выше историям, в которых упоминается это превращение, в качестве дальнейших иллюстраций этого суеверия можно привести следующие.

Один молодой человек, житель острова Лисмор, отправился на охоту. Недалеко от озера Балнагаун Лох он запустил зайца и выстрелил в него. Животное издало неземной крик, и тогда молодому человеку впервые пришло в голову, что в Лисморе нет зайцев. В ужасе он отбросил ружье и убежал домой. На следующий день он вернулся за ружьем и узнал, что известная в округе ведьма лежит со сломанной ногой. После этого ему постоянно являлась фигура этой женщины и устраивала ему жестокие побоища. Это действовало на его разум, и он так и не пришел ни к чему хорошему. Он оказался задумчивым, праздным и бесполезным.

Один житель Мэнкс, который несколько лет назад был в Тири, рассказал следующую историю. Компания спортсменов, занятых на охоте, не могла найти зайца. Одна старуха велела своему внуку пойти к ним, сказать, что они добудут зайца в определенном месте, и получить полкроны для себя. Мальчик пошел, получил свои полкроны и повел спортсменов к

указанному бабушкой месту. Когда заяц пустился наутек, он закричал: "Беги, бабушка, беги!". Заяц направился прямо к дому старушки, собаки потеряли его из виду у задней стены дома, а старушку нашли сидящей у камина.

В Вигтоншире заяц забежал в дымоход, и подозреваемую в ведьме неподалеку нашли с обожженными ногами.

ВЕДЬМЫ В ОБРАЗЕ КОШЕК.

Ассоциация ведьм с кошками имеет большую древность. В легендах Греции и Рима рассказывается о женщине, превращенной в кошку, которая была выбрана Гекатой, богиней колдовства и магической силы, в качестве жрицы, а сама Геката, когда боги были вынуждены прятаться в животных, укрылась в облике кошки. Вероятно, эта ассоциация возникла не столько из-за того, что кошки были частыми, почти неизменными спутниками бедных старух, обвиненных в колдовстве, сколько из-за дикого характера самого животного. Его бесшумные и скрытные движения, настойчивая бдительность, необычайная ловкость и живучесть, дьявольское кваканье, рыскающие повадки, обманчивая пружина и светящиеся в темноте глаза - одного этого было бы достаточно, чтобы закрепить за ним название неземного; но когда он разъярен, оскален, ошетилен и плюется, он представляет собой яркое изображение совершенного демона. В Горных горах его не рассматривали, как в колдовстве XVI и XVII веков, в качестве знакомого или сопровождающего ведьму существа, а просто как животное, чей облик часто принимали ведьмы.

С этим животным были связаны и другие суеверия. Если бы не страх быть проглоченным землей, кошка бегала бы гораздо быстрее, чем бегают. Когда люди берут с собой в лодку кошку, ведьмы не могут или не хотят их топить. Похоронив кошку заживо, люди, ожидающие благоприятного ветра, получают ветерок с того направления, в котором лежит ее голова; а ведьма, то есть молодая, за которой ухаживает моряк, может сколько угодно задерживать встречный ветер, заперев кошку в шкафу. Скребущаяся кошка - знак того, что на ферме скоро найдут мертвым какое-нибудь животное, лошадь, корову, свинью или собаку. Кошка, умывающая морду, предвещает дождь на следующий день, а повернувшаяся спиной - огненную бурю и ливень. При переезде из одного дома в другой (*умрих*) не повезет взять с собой кошку. Это животное не любили Макгрегоры, а Камероны из Гленевиса вообще не могли его терпеть.

Пастух из Кинтайла, живущий в одиночестве в дупле, вдали от других домов, разжег вечером яркий веселый костер и бросился на вересковую подстилку на противоположной стороне дома. Около двадцати кошек вошли и уселись вокруг огня, поджав лапы и греясь. Один подошел к окну, надел на голову черную шапочку, крикнул "Ура, Лондон!" и исчез. Остальные кошки, одна за другой, сделали то же самое. Шапочка последнего упала, и пастух поймал ее, надел себе на голову, крикнул "Ура Лондону!" и пошел следом. В мгновение ока он достиг Лондона и вместе со своими спутниками отправился пить вино в погреб. Он напился и уснул. Утром его поймали, отвели к судье и приговорили к повешению. На виселице он умолял разрешить ему надеть шапку, которую он надел в погреб; это был подарок матери, и он хотел бы умереть в ней. Когда его привели, веревка обвилась вокруг его шеи. Он нахлобучил колпак на голову и прокричал "Ура, Кинтейл!". Он исчез с виселицей на шее, а его друзья в Кинтайле, которые к тому времени уже разминулись с ним и собрались в ботике перед поиском холмов, были немало удивлены его странным появлением.

Это хороший пример народной сказки. Она легла в основу "Ведьмы из Файфа" Этрикского пастуха. В Скае о приключении рассказал человек по прозвищу Топси-турви (*But-ar-scionn*). Вернувшись домой, он превратил виселицу в ткацкий станок. Герой из Аргайлшира сделал из нее корму и киль лодки, которую и по сей день можно увидеть в Лорне. В Харрисе герой - портной, а на островах Монах, к западу от Уиста, эта история даже встречается.

Капитан Берт (1730) рассказывает похожую историю, которую он услышал от одного священника. Лэрд, чье вино таинственно исчезало, заподозрив ведьм, однажды ночью, когда ему показалось, что грабители за работой, вошел в погреб, закрыл дверь и обложил его мечом. Когда принесли свет, кошки, чьи глаза смотрели на него в темноте, исчезли, и только на полу было найдено немного крови. Старуха, которую подозревали в том, что она ведьма, была найдена в доме в постели с отрезанной ногой, лежащей под кроватью. Та же история рассказывается о ведьмах из Турсо (*Inbher-Eòrsa*).

Портной по имени Макилдуинн остался в доме один в ночь на Хэллоуин, в то время как остальные домочадцы отправились к соседям, чтобы устроить вечернее празднество. Когда он сидел на кровати и занимался своим ремеслом, в дом вошло множество кошек и, набросившись на мешок с мясом, лежавший на краю кровати, разорвали его и сожрали. Затем они собрались вокруг портного. Один сказал: "Задняя лапа - Макилдуинну!" Другой сказал: "Передняя часть моей лапы - Макилдуинну!"^[12] Эти угрозы повторяли все остальные, протягивая к бедному портному свои страшные когти - одни насмешливо, другие угрожающе. Испугавшись до смерти, он задул свет, бросился к двери и пустился наутек. Кошки пустились в погоню, и пока он добрался до соседнего дома, его спина была исцарапана в клочья и ремешки (*na iallun*) когтями проклятых кошек.

Камерон из Дойни, или Гленевиса, был на охоте и убил дикую кошку. Животное, умирая, попросило его рассказать, когда он вернется домой, что "король котов" (*Rìgh nan Cat*) мертв, или, по словам других, "ключ битвы" (*an luchair Chath*), или "полосатый" (*a Bhruchail Bhreac*). Когда он рассказывал свою историю, маленький черный котенок в пепелище (*an toll na luath*) вздыбился и раздулся, пока не стал размером с собаку. Камерон сказал: "Ты раздуваешься, котенок". Кот ответил: "Мои перья и выпуклости увеличиваются от жары",^[13] и, бросившись на горло вождя, убил его. Потомки этой семьи (*Teaghlach Dhomhainnidh no Ghlinn-Ibheis*) до недавнего времени не терпели кошку в доме, памятуя об этой традиции.

Та же история рассказывается следующим образом, без указания местности, где она произошла. Один охотник убил дикую кошку и, вернувшись домой, рассказал о своем приключении. Он сказал,

"Ночь прошла для нас удачно,

Большой еж-эрхал был убит".

Котенок, который слушал его, поднялся и сказал: "Неужели Лысый Кишечник Котов убит? Если бы не те ночи, когда я получал мясо и молоко в вашей семье, я бы держал в когтях вашу длинную щетинистую ласку. Скажи Полосатому Лицу, что Бладрум мертв",^{-[14]} и, сказав это, котенок удра, и больше его никто не видел.

Недалеко от Ваула в Тири один мужчина, ехавший ночью домой со своим сыном, маленьким мальчиком, сидевшим позади него, был встречен несколькими кошками. Мальчик обхватил отца руками, а мужчина, прижав их к бокам, чтобы мальчик крепче держался, пришпорил лошадь. Кошки прыгнули и, набросившись на мальчика, буквально сожрали его. Когда мужчина добрался до дома на полном скаку, у него остались только руки мальчика.

Подобную легенду из Уэксфорда (возможно, эти две истории изначально были идентичны), возраст которой, как утверждается, не менее 1584 года, можно найти в журнале *Дублинского университета* за сентябрь 1869 года.

Одна женщина заметила странную кошку, пьющую молоко в ее кирне, схватила ее за шею и ударила носом об пол. Она меланхолично мяукала, пока женщина не сжалась над ней и не позвала ее, сказав: "Киска, киска, пока не получишь хоть каплю" (*Puis, puis, gus am faigheadh tu diar*). Кот ответил: "Мне нужна не капля, а мой рот, Мэри" (*Cha-ne diar tha mi'g iarraidh ach mar tha mo bhial a Mhàiri*). Затем она ушла, но ночью вернулась с двумя другими кошками. Один из них сказал, что отнесет женщине задние лапы, а второй - что передние. Это решение было принято решающим голосом пострадавшего кота, и женщина была разорвана в клочья.

Мужчину, отправившегося вечером на встречу с девушкой, за которой он ухаживал, на одиноком участке дороги (недалеко от конца холма Балефетриш в Тири) встретили семь кошек, и он был так напуган, что повернул назад и тем самым потерял свою возлюбленную. Она вышла замуж за старика из деревни Хианиш, где жила известная ведьма. На старика свалилась вина за то, что он подкупил ведьму, чтобы она прислала котов.

В давние времена кошка, принадлежавшая арендатору Хейниша в Тири, как и все остальные представители ее рода, пристрастилась воровать сыр. Его поймали за этим занятием, и в наказание за прошлое и в качестве урока на будущее ему отрезали уши. Жильцу довелось отлучиться из дома, и, вернувшись, он обнаружил, что кошка лежит мертвая - ее повесили за кражу в его отсутствие. Он взял ее на колени и обратился к ней с такими словами

Разве я не говорил тебе, маленький Дункан,

что тебе нужно быть настороже;

Когда ты ходил туда, где есть сыры,

Виселица научит тебя танцевать.

Зло это, кот без ушей,

Ты убил их из-за сыра;

Твоя шея заплатила за это угощение,

В это время, после вашей смерти.

Услышав эти выражения сочувствия, кот начал оживать, а мужчина продолжил:

Сто приветствий ждут тебя, кошка,

раз уж тебе довелось оказаться у меня на коленях;

И, хотя я не даю тебе много свободы,

Многих ты очень любила.

Ты ли тот неприрученный кот, что был у Фионна,

Который дико охотился от края до края?

А Оскар сражался с тобой в битве при Бла-Сгинне,

И оставил вас там героями ранеными?

Ты пил молоко Катрин,

Для развлечений менестрелей и собраний;

И за что мне вас хвалить?

Ты должен быть, как любой котенок,

На склоне холма искать мышей,

Под седыми травянистыми стеблями и кустами граба.

Услышав это, кот убежал и больше его не видели.

Лодка с острова Тири выходила из лохани на севере. У берега, к которому она подошла, ее встретил человек и попросил перевезти его на другой берег. Один из лодочников согласился, но остальные не согласились, так как таким образом они потеряли бы время. На следующем галсе мужчина снова встретил лодку, и результат был тот же. "Ну что ж, - сказал он, - возможно, вы раскаетесь в этом". В устье лохани лодочники услышали вой, похожий на вой бесчисленных кошек. Поднялась буря, и с трудом они добрались до острова Эйгг.

ВЕДЬМЫ КАК КРЫСЫ.

Лодочника с острова Тири, везущего груз торфа с острова Росс-оф-Малл, у острова Трешиниш встретили две крысы, плывущие на сухих коровьих пастухах. Поскольку удача не направляла его, он бросил в крыс кусок торфа и расстроил их хрупкие колючки. Поднялась буря, и он с трудом выбрался на сушу. Крысы были ведьмами, и ему не следовало вмешиваться в их дела.

ВЕДЬМЫ В ОБРАЗЕ ЧАЕК.

Ведьма принимает облик чайки, радуясь бурям, не только для того, чтобы принести опасность или безопасность лодке, как уже рассказывалось, но и за плату, чтобы принести известия о рыбацких лодках, унесенных бурей.

Лодка из Тири, отправившаяся за грузом древесины, попала в сильный шторм, и ее понесло на север мимо Арднамурчан-Пойнт. С трудом лодочники, которых было четверо, закрепили ее в ручье. Они оставались в пещере четыре дня, пока шторм не утих. Внезапность и сила шторма вызвали сильное беспокойство у их друзей, и две женщины, одна из которых имела в лодке двух сыновей и зятя, а другая, вдова, своего младшего и единственного выжившего сына, посоветовались о своей судьбе со знаменитой ведьмой *Ник-илль-Дтомнуич* в Каоласе. Ведьма велела им прийти на следующий день, и она все расскажет. Рано утром вдова отправилась в путь. "Да, - сказала ведьма, - они живы, , и прошлой ночью они не преминули поразвлечься, сражаясь за баннок *Фаллаида*, и твой сын получил свою долю". Когда молодые люди вернулись домой, их стали расспрашивать, не видели ли они чего-нибудь в ту ночь, когда ведьма послала за новостями. Они сказали, что видели серую чайку, которая сидела на краю скал, нависающих над их убежищем, и смотрела на них сверху вниз. Один из них хотел бросить в нее камни, но остальные его отговорили. Его видели только в ту ночь и на следующее утро.

ВЕДЬМА В ОБРАЗЕ БАКЛАНА.

У одного человека по имени Кэмпбелл на Лонг-Айленде, как называют внешние Гебриды, было две возлюбленные, за одну из которых он не очень-то и переживал. Обе они должны были присутствовать на сборе женщин для набивки ткани, и он решил пойти и посмотреть на них. Когда он пришел, то застал там только ту, которая ему меньше всего нравилась. Вскоре он ушел и отправился к другой. По дороге ему пришлось перейти брод по большим камням. Когда он это делал, прилетел баклан (*sgarbh*) и яростно обрызгал его водой. У него в руках была дубина, и он ударил странную птицу по спине. Затем он отправился дальше и, преодолев значительное расстояние, вернулся только на следующий день. Когда он возвращался, ему пришлось пройти мимо дома обиженной девушки. Ее мать встретила его у дверей и сказала, что не может понять, что случилось с ее дочерью; она внезапно заболела прошлой ночью, и ей было очень плохо с больной спиной. Кэмпбелл сказал, что знает причину и больше ничего не хочет говорить с ее дочерью. Тогда женщина пригрозила ему, но ее угроза ничем не обернулась.

ВЕДЬМЫ В ОБРАЗЕ КИТОВ.

Один рыбак со Скайя рассказал о колдовстве, свидетелем которого он был сам. Он и его брат занимались ловлей сельди в Портри на родном острове, и в тот сезон из всех лодок с сельдью только одна была успешной. В ней было всего два человека, и каждую ночь она ловила от восьми до десяти кранков рыбы. Остальные лодки были пусты или почти пусты. Однажды ночью, когда ставили сети, лодка, в которой находились он и его брат, дала течь, и ее отнесло обратно в гавань и поставило на мель. Остальные члены команды ушли в деревню, а он остался, пока лодка не высохла от набежавшего прилива. Через некоторое время он тоже вышел и увидел, как из одного дома вышла девушка и постучала в окно соседа. Из того же дома вышла еще одна девушка, и, задавшись вопросом, что могут делать эти двое в такой час, он последовал за ними из деревни. Придя на зеленую поляну, две девушки стали развлекаться (*braise*), потом вдруг превратились в зайцев и стали гоняться друг за другом по кругу. После этого они добрались до берега и у самой кромки воды (*gob na tuinne*) прыгнули в море и превратились в китов. Они уходили от суши, выплевывая воду, высотой с корабельную мачту. На следующее утро лодки пришли пустыми. Рыбаки рассказали, что ночью видели двух китов, которые ужасным образом разбрасывали море (*smùideadh na fairge gu h-eagallach*), и это заставило их подумать, что поблизости есть рыба. Счастливая лодка, как обычно, была полна.

Смысл этой истории, по-видимому, заключается в том, что накануне вечером мужчина слушал рассказы о колдовстве, уснул в лодке на берегу и увидел тревожный сон.

ОТСРОЧКА РОЖДЕНИЯ РЕБЕНКА.

Для этого заговора использовался клубок черных камвольных ниток в черном мешочке, который хранился у подножия ткацкого станка ведьмы, где его нельзя было обнаружить. Если клубок забирали, заговор срывался. В доказательство этого рассказывают историю о том, что однажды с помощью ведьм ребенок двадцать два года находился во чреве матери, а когда родился, у него были волосы, борода и зубы, как у человека в таком возрасте.

Мать знаменитого вольного разбойника из Вест-Хайленда, "Аллана из пидорасов" (*Ailein nan sor*), была служанкой, забеременевшей от женатого мужчины. Жена мужчины, узнав о скандале, получила от ведьмы *кость*, которая, по ее заверениям, должна была отсрочить рождение ребенка. Таким образом, Аллан из Пидорасов пролежал в чреве матери

пятнадцать месяцев сверх обычного срока. Муж узнал о проделках жены и задумал победить ее. Однажды он заставил своего Дурака прийти домой, притвориться очень пьяным, шататься и крушить мебель. Когда его позвали, Дурак сказал, что был в доме у служанки, где наконец-то родился ребенок, и выпил драм, от которого у него помутилось в голове. Жена, услышав это, решила, что ведьма ее обманула, и бросила кость в огонь. Она исчезла в синем дыму и вылетела в трубу! После этого родился Аллан с большими зубами.

В других сказках с тем же эффектом этот трюк обычно разыгрывается с замужней женщиной матерью служанки, которую обидели из-за нее.

ГЛИНЯНЫЙ КОРПУС.

Самое большое зло, которое могут совершить ведьмы, - это сделать для человека, чьей смерти они желают, глиняное тело или изображение (*corp creadha*), в которое втыкают булавки, чтобы вызвать медленную и мучительную болезнь, заканчивающуюся распадом. Восковые фигурки для той же цели, расплавленные на медленном огне, были известны суевериям низовьев. В Горных горах воск был недоступен для бедняков, и им приходилось делать глиняные фигурки. Говорят, что, когда человек хочет получить конечность, ведьмы не могут уничтожить его таким образом.

Маклейн Гиарр, вор из Арднамурчана, украл у Маклейна из Дауарта столько скота, что сделал этого вождя своим смертельным врагом. Во время одного из своих бродячих походов он проходил в полночь мимо часовни или места погребения Пеннигауна (*caibeal Peighinn-a-ghobhan*) на острове Малл. Заметив в часовне свет, он вошел туда и обнаружил трех ведьм, втыкающих булавки в глиняное тело (*corp creadha*), которое должно было изображать Маклина из Доварта. По мере того как втыкалась каждая булавка, у Маклина появлялся шов в соответствующей части тела. Оставалось воткнуть последний штырь. Она должна была попасть в сердце и привести к смерти. Маклейн Гиарр разогнал ведьм, взял с собой глиняный труп и направился к Маклину, которого нашел у порога смерти. В его присутствии он вынимал булавки одну за другой, а когда вынули последнюю, Маклейн вскочил на ноги бодрым человеком и с тех пор оставался теплым другом Маклейна Гиарра.

Макгилврей, бывший священник из Стратфиллана в Пертшире, был охвачен жгучими болями по всему телу и медленно угасал от какого-то недуга, природу которого не мог понять. Он жил в Клачане, в том же страте, и однажды рано утром женщина с противоположного берега реки, направлявшаяся позвать его, увидела идущую перед ней другую женщину, имевшую репутацию ведьмы. Заинтересовавшись, чем занимается ее соседка в столь ранний час, она держалась чуть позади и наблюдала. Первая женщина, подойдя к ложбине, наклонилась, закопала что-то в землю и пошла дальше к дому священника. Вторая подошла и откопала то, что было закопано. Это оказался кусок дерева, утыканный булавками. Она взяла его с собой в усадьбу и показала, к недоумению ведьмы. Когда булавки были вынуты, священник освободился от своих болей и снова поправился.

Росширские ведьмы не смогли уничтожить "Дональда с ухом" (*Do'uill na Cluaise*), которого они слепили из глины, потому что не могли надеть ухо. Дональд потерял ухо в битве. Точно так же провалился корпус креады, сделанный для лорда Макдональда Раонаидом а Чреагейном, потому что ведьмы так и не смогли надеть руку.

Ведьмы могли вызывать болезни и другими способами. Так, молодой человек из Пертшира - портной Камминг из Дриммахастла, Раннох - впал в упадок. Он объяснил потерю здоровья, упадок сил и потливость по ночам тем, что ведьмы приходили по ночам, когда он был в Баденохе (район, в то время прославленный колдовством), и превращали его в лошадь, на

которой они скакали по воздуху в Эдинбург и другие места, чтобы провести ночь, резвясь в хорошо сохранившихся погребках. Теперь он часто видел их в разных формах, в яичной скорлупе и т. д. Бедный юноша не понимал, что такое чахоточный пот, а его воображение было расстроено многочисленными рассказами о колдовстве, которые он слышал.

Та же история о превращении людей в лошадей с небольшими вариациями распространена повсеместно. В Лорне женщина приходила ночь за ночью и трясла уздечку сына соседнего фермера. Он тут же превратился в лошадь, на которой она поскакала в Лондон и т. д. Младший брат поменялся с ним постелями и, когда ведьмы резвились, завладел волшебной уздечкой, превратил саму ведьму в лошадь, поскакал домой и, прежде чем снять уздечку, отвел лошадь в кузницу и надел на нее четыре башмака. На следующий день старуху, живущую по соседству, нашли с ужасно изуродованными ногами и руками.

СЕРЕБРЯНЫЙ ШЕСТИПЕНСОВИК.

Как уже говорилось, серебро, выпущенное из пистолета, ранит ведьму и заставит ее принять свой облик. Один английский спортсмен, согласно пертширской версии старой истории, сидел в окружении своих собак в горной хижине в мертвый час ночи. Вошла кошка, но собаки не шелохнулись. Она сидела спиной к огню и раздувалась, пока не стала размером с годовалого теленка. Англичанин снял с одежды серебряную пуговицу и, вставив ее в ружье, выстрелил в кошку. Животное выскочило за дверь. На следующий день, когда спортсмен отправился в страт, его, как врача, послали к жене фермера, которая внезапно заболела. Он пошел и извлек из ее правой груди свою собственную серебряную пуговицу.

СПАСЕНИЕ ЛОШАДЕЙ.

В Уисте группа лошадей забрела на уступ перед крутым обрывом. Вытащить их из опасного положения на вершину скалы с помощью веревок было невозможно, а спустить их с уступа в море, омывающее основание обрыва, представлялось с высоты падения неизбежной гибелью. Старик, который, как считалось, знал больше, чем его заклятие, посоветовал, однако, перевезти их, а сам начал заклинание, начинавшееся "*Каса Гурра, Каса Гурра*", что бы это ни значило. Лошади по собственной воле перебрались через уступ и благополучно выплыли на сушу.

ПОРТНОЙ И ВЕДЬМЫ.

Портного из Глен-Куойча, обнаруженного в компании ведьм, спросили, что привело его в такое общество? Он ответил, что "ради удовольствия компании" (*mar shodan ris a chuideachd*).

ЗНАМЕНИТЫЕ ВЕДЬМЫ.

Самые известные имена, по-видимому, были просто прозвищами, данными, возможно, не одной старухе. Говорят, что "Голубоглазка" (*Gorm-shùil*) происходит от того, что у ведьмы один глаз черный или карий, а другой голубой. Однако это - искажение *Гормлы*, древнего и красивого гэльского имени, которое обычно переводится как Дороти. *Гормла Мхотр* из Мейга, Лохабер, была сильнее всех ведьм Мулла и нанесла, как уже говорилось, завершающий удар по кораблю капитана Форреста. Она встретила свою смерть, когда стояла в седле на горном ручье, чтобы перехватить лосося, поднявшегося на нерест. Крупная рыба бросилась на нее, опрокинула спиной вперед в воду и утопила. В деревне Хианиш, Тири, жила Гормшуил, самая известная местная ведьма, а в Кракайге, в Скае, - не менее известная. "Нога без головы" (*Cas a mhogain riabhaich*) и "Грубая нога, дочь пастуха" (*Caiseart*

gharbh ni'n an Aodhair) были где угодно, только не там, откуда родом сам человек, рассказывающий о них. Шоу, бард из Лохнелла, считает их сестрами, жившими в Гленфорсе на Малле, когда Оссиан был маленьким мальчиком, и современницами Мак-Руслуина. "Мелкое пятнышко" (*Ball Odhar*) было родом из Кинтры (*Seann-trà*) в Арднамурчане; "Желтые когти" (*Spòga buidhe*) - из Малигейра на восточной стороне Ская; *Дойдеаг-ун* - известное имя ведьм Малла, которое дети дают падающим снежинкам, которые, как им сообщают, являются ведьмами Малла во время их путешествия по воздуху. Большая Кейт Макинтайр из Форт-Уильяма была широко известна около сорока лет назад как человек, искусный в гаданиях и обладающий таинственными способностями.

ВОЛШЕБНИК, ВОСКРЕСАЮЩИЙ ПОСЛЕ СМЕРТИ.

Люди, занимавшиеся запретными искусствами, как можно легко предположить, не успокаивались после смерти. Когда их хоронили, они оставались спокойными, как все остальные люди, но до тех пор могли доставлять беспокойство.

Среди холмов Россшира один старик, который в свое время не был "хитрым", умер в доме своего сына, одинокой хижине на холмах, удаленной от других домов. Его растянули и приладили (*air a ruidheadh 's air a chàradh*) на доске в чулане, а пастух, оставив жену и детей в доме, отправился в страту за людьми, которые должны были прийти на поминки и похороны. В полночь один из детей, играя в доме, подглядел в замочную скважину чулана и закричал: "Мама, мама! Мой дедушка поднимается".^[15] Дверь чулана была накрепко заперта, и покойник, обнаружив, что не может открыть ее, начал скрести и рыть землю под ней, чтобы проделать себе проход. Дети столпились вокруг матери и в ужасе слушали, как скребется нечестивый труп. Наконец под дверью показалась голова, труп усилил свои потуги, и ужас матери и детей стал еще сильнее. Тело было уже на полпути под дверью, когда раздался крик петуха, и оно бессильно упало в вырытую им яму. Эту яму никогда впоследствии не удавалось заполнить до уровня остального пола.

В Тири камень, установленный на могиле человека, которого обвинили в пристрастии к темным наукам, не оставался на своем месте, пока его не закрепили цепью. Он то и дело падал со своего места, но после того, как к нему прикрепили цепь, он остался непоколебимым, и сейчас стоит без цепи.

КАК ОБНАРУЖИТЬ ВЕДЬМ.

Рано утром, в первый понедельник каждой из четырех четвертей года, дым из дома ведьмы идет против ветра. Это может увидеть каждый, кто возьмет на себя труд встать пораньше и отправиться на возвышенность, с которой виден дом ведьмы.

ГЛАВА II. БЕЛОЕ КОЛДОВСТВО.

В английском языке существует различие между *черными* и *белыми* ведьмами. Первые могли причинить вред, но не помочь; их сила заключалась только в причинении зла. Белые ведьмы были честными, безобидными практиками колдовства, "которых наш обычай и страна называют мудрецами и мудрыми женщинами".^[16] В гэльском языке нет имен,

соответствующих черным и белым ведьмам, но указанное различие хорошо известно. Те, к кому правильно применять название *Buidseach* (ведьма), могли причинить только вред. Они поднимали бури, топили людей, отбирали молоко у коров и т. д. и т. п. Были и такие, кто с помощью магических чар лечил болезни людей и зверей, даровал удачу, отгонял опасности, реальные и воображаемые, и обеспечивал различные блага тем, кто к ним прибегал. В каждом районе можно было найти одного или нескольких таких мудрых людей, и любое обвинение в *колдовстве*, в том, что они занимаются запрещенными искусствами или находятся в союзе с дьяволом, вызывало у них негодование. Напротив, как в случае с пастухом в верхнем Аргайлшире, к которому часто прибегали для магического лечения скота, они утверждали, что их силы даны для благой цели и противодействия Силам Зла.

Механизм, с помощью которого они обеспечивали эти блага для человечества, состоял из рифм или заклинаний, обрядов и церемоний, растений и камней добродетели, соблюдения благоприятных сезонов и т. д. Использование этих средств могло лишь косвенно привести к вреду, поскольку способствовало развитию духа легковерия и препятствовало исследованию естественных причин. Сами по себе чары, как и воскресное растение, согласно распространенной гэльской поговорке, "не приносили ни пользы, ни вреда". Любая другая рифма или обряд, растение или камень, сработали бы одинаково хорошо, если бы их использование вызывало столько же веры. Слова или рифмы были достойными похвалы обращениями к различным святым, а обряды - безобидными и пустяковыми. Подобные суеверия до сих пор распространены среди низших слоев общества в почти невероятной степени как на юге, так и в Горных горах, а к "мудрецам" для лечения непонятных недугов прибегают многие, о чьей глупости мало кто мог бы подозревать. Не далее как пять лет назад^[17] дочь молочного фермера в Ковале приехала в Арднамурчан (расстояние более 100 миль), чтобы получить от человека, обладающего известным мастерством, амулет, способный отвратить несчастья и болезни, от которых страдало молочное хозяйство ее отца. Она вернулась домой счастливая, имея в руках бутылку воды, над которой были произнесены волшебные слова. Судя по периодически появляющимся газетным публикациям, эта практика не исчезла ни в Англии, ни на юге Шотландии.

В случае с больными животными, когда, *например*, лошадь ложится и отказывается вставать, или корова перестает давать молоко, или дает только молоко, смешанное с кровью, обычная процедура магического излечения заключается в том, чтобы пойти к опытному человеку (например, к белой ведьме), взять бутылку с водой, приготовив над ней шепотом определенные слова, и окропить ею больное животное, а возможно, закапать несколько капель в его ухо. Зверь тут же встанет, и с ним ничего не случится. Другие рифмы и обряды готовы для других случаев, и можно было бы заполнить книгу собранием заклинаний, используемых при различных заболеваниях или в разных местностях.

Общее название пустяковых суеверных обрядов такого рода - *Гисреаг, Еапаг, Упаг*. Различные виды заклинаний известны как *Eòlas* (Знание) для лечения болезней; *Oradh* (Позолота) для получения даров и милостей; *Sìan* или *Seun* для защиты от опасностей и *Soisgeul* (Евангелие) для слабых умов. Рифмы содержат внутренние свидетельства того, что они пришли из римской католической эпохи. Обращение к Троице и святым, особенно к Святой Невесте и Святому Колумбе, Святому Михаилу и Святому Петру, является общим для всех них, и каковы бы ни были их достоинства как выражений благочестия, они определенно не передают идею о сотрудничестве с Силами Зла. Самое большее, что может сказать истина о тех, кто их использует, - это то, что они невежественны, легкомысленны и легковерны. Оскорбительное название *buidseachas* в каждом случае искренне и благочестиво отвергается ими самими, и в действительности оно несправедливо.

Эти чары не так легко доступны. Следующие были собраны у разных людей и представляют интерес, некоторые из них иллюстрируют древность Шотландского нагорья, а некоторые - поэтические достоинства. Большая часть избранной поэзии заключается в красоте выражения, а это достоинство практически невозможно привести в перевод. Здесь не делается попыток сделать больше, чем просто передать точный смысл оригинала.

ЭОЛАС.

Эолас (Знание), называемый также *Теагасг* (Учение), был амулетом для лечения болезней у человека или животного. Он состоял из рифмы, которую бормотали над больным человеком и над водой, которую пили или кропили над больным животным. Чтобы сделать его более впечатляющим, его использование сопровождалось маленькими пустяковыми церемониями, такими как крестное знамение, зевота, изготовление таинственных разноцветных ниток, получение определенных видов воды в определенные дни, окунание камней добродетели в воду и тому подобные шутовские действия. Цель у него была хорошая, и в его пользу можно сказать многое: если он не лечил, то и не убивал.

Болезни, от которых использовали "*Этлас*", обычно носили преходящий характер: зубная боль, ушибы, растяжения и т. д., а улучшение или излечение, наступавшее вскоре после его исполнения, поддерживало веру в действенность заклинания. Рифмы обычно хранятся у старушек самого скромного сословия, для которых обед или небольшой подарок от более состоятельного соседа за бутылку воды и безобидный стишок - желанный подарок. Эти старушки, можно сказать, в каждом случае верят в действенность чар не меньше, чем те, кто к ним прибегает; но, хотя вся компания и ее действия дают хороший повод для насмешек, негодование или упреки справедливо относятся только к тем, кто отправляется искать такие глупые средства от болезней. Оправдание бедной белой ведьмы можно найти в давлении нужды и облегчении, которое правдиво, но грубо воплощает гэльская поговорка: "*Хорошее веселье наполняет живот*" (*'s math an spōrs a līonas brū*).

Никому, кроме "мудрого" человека, не должен был говорить ни слова тот, кто отправлялся на *Eòlas*, пока не возвращался домой. Это произошло потому, что Елисей, отправляя своего слугу к женщине-шунаммиту (2 Цар. iv. 29), велел ему не говорить по дороге. "Если встретишь кого, не приветствуй его; а если кто приветствует тебя, не отвечай ему".

В пути гонец должен расположиться на ночлег до захода солнца; не разрешается пряхсть или читать. Вероятность того, что чары окажутся действенными, выше, если не входить в дом и не есть мяса.

СРЕДСТВО ОТ СГЛАЗА.

(*Eòlas a chronachaidh.*)

Дурной глаз, согласно верованиям горцев, - это тот, который одушевлен недовольным и несчастным умом, полным зависти (*farmad*), любостяжания (*sanntachadh*) и тому подобных подлых чувств, и с тоской смотрит на чужое добро, а может быть, слишком серьезно и тревожно на то, что принадлежит самому себе. Он наносит вред предмету, на который падает, а животные или люди, пораженные им, заболевают таинственными недугами, чахнут и, возможно, умирают.

Верующие в этот дар утверждают, что сглаз может быть как у мужчины, так и у женщины, как у друга, так и у врага, и что благоразумно не давать повода для чувств, которые его вызывают.

Так, например, не следует позволять корове идти без полного вымени. На нее может упасть дурной глаз, и животное погибнет. Практика заслуживает одобрения, хотя указанная причина может быть не совсем верной. Из аналогичного страха известно, что торговец ходит со своим товаром только ночью. Мать может обидеть собственного ребенка, а некоторые, как говорят, обижают собственный скот. В традициях разных местностей, на островах и на материке, рассказывается о человеке, которому не разрешалось видеть свой собственный скот, поскольку он обладал несчастливым даром. Если он все же видел их, то на следующий день одну из лучших коров находили мертвой.

Когда здоровый и процветающий ребенок заболевает необъяснимой болезнью, становится беспокойным и хилым, подозревают, что его поразила сглаз, и отправляются к "мудрой" женщине, живущей по соседству. Она наполняет чашу чистой водой, в которую кладет серебряный шестипенсовик. Затем чашу быстро и ловко переворачивают вверх дном. Если шестипенсовик прилипнет к дну, значит, ребенок стал жертвой сглаза (*air a chronachadh*), и тогда принимается обычное средство.

Один из старейшин церкви, который был свидетелем этой церемонии около пятидесяти лет назад, так описывает ее (а он - человек, который, скорее всего, был наблюдательным даже в детстве). "Когда я был маленьким мальчиком, я забрел в соседский дом, скорее всего, с куском морской капусты в руке и грыз ее, как это принято у мальчиков. В доме был очень больной ребенок, но я не думал и не знал об этом, когда входил в дом. Полагаю, малыш уже несколько дней не сосал грудь своей матери и не получал никакой пищи. Пожилая женщина, пришедшая спросить о нем, узнав о его состоянии, взяла чашу, наполовину наполненную водой, из большой бадьи (*farmail*), которая стояла в доме, и, поставив ее на колени, начала что-то бормотать над ней. Я был тогда слишком мал, чтобы обращать на это внимание, и меня не выставили из дома. Побормотав немного, старуха начала зевать, а такой зевоты я не видел за все свои дни. Она зевала, зевала и снова зевала, и я думал, что она умрет. Кошачьи лапы окунули в миску, стоявшую у нее на коленях, а красную нитку, принесенную девушкой из дома, также окунув в воду, надели на шею ребенка".

Вода должна быть той, в которую окунают "ноги охотника" (*uisge casan an t-sealgair*), а кошка - это охотник, наиболее доступный. Пробормотанные слова - это талисман, который придает всей церемонии действенность, а зевание начинается, когда болезнь ребенка передается тому, кто проводит церемонию.

Сглаз смертельно опасен для всех животных, к которым пристрастился человек, обладающий им. В наши дни о человеке из Тири, которого обвиняют в обладании этим даром, говорят, что, когда он приходит покупать зверя, лучше отдать его по его собственной цене, чем оставить себе. Если он этого не сделает, зверь заболеет и, возможно, вскоре умрет. Так говорят, но злобный человек никогда не получает более выгодных сделок, чем его соседи.

Когда незнакомец со сглазом встречает всадника или человека, ведущего лошадь, и расхваливает ее, последствия его взгляда вскоре становятся очевидными. Не успеет он скрыться из виду, как лошадь внезапно заболевает и падает. Всадник должен немедленно вернуться за злобным незнакомцем и смело обвинить его в том, что он совершил несчастье. Чем более "горько и оскорбительно" (*gu searbh salach*) он это сделает, тем лучше. Вернувшись, он обнаружит, что с лошадью все в порядке. Если при первой встрече незнакомец похвалит лошадь, он будет хвалить ее еще больше. Когда незнакомец скажет: "Это хорошее животное", благоразумный хозяин ответит: "Лучше не бывает", и как бы ни

хвалил незнакомец, его похвала должна быть выше. Это уменьшит, а возможно, и предотвратит возможность сглаза причинять зло.

В прозаической части гэльской поэмы, опубликованной в "*Красотах*" М'Кензи, говорится, что Гилбрид Макинтайр из Руайга в Тири убил восемьдесят кур одним взглядом своего дурного глаза, а большой корабль из пяти крестовин потерпел крушение, несмотря на тросы и якоря. Один человек в Скалистом кургане (*Cnoc Creagach*), в Колле, убил кобылу и жеребенка с помощью этого глаза. Говорят, что жена бывшего арендатора Хейниша в Тири (эта история встречается и в других местах) не разрешала мужу смотреть на свой скот. Как только он это сделал, одна из его лучших коров была найдена мертвой на следующий день. Страх перед этим несчастьем заставил ее поставить очень красивую корову, которая ей самой очень нравилась, в укромное место, к которому ее муж никогда не подходил. Однажды, вернувшись с прогулки по холму, он спросил, кто поставил корову там, где он ее видел. Худшие опасения жены оправдались. Корова сдохла через несколько дней.

Легковерные люди (которых повсюду великое множество) были уверены, что, когда хвалят какое-либо животное, принадлежащее им, все дурные последствия предотвращаются, если они произносятся:

"Да благословит Господь твой глаз,

Капля вина на сердце,

Мышь в кусте,

А куст горит".[18]

Существует гэльская поговорка: "Зависть раскалывает скалы" (*sgoiltidh farmad na creagan*), и в доказательство этого приводится следующая история. Один трудолюбивый и аккуратный человек продавал больше сыра, чем его соседи, и ему очень завидовали, когда видели, как он часто шел на рынок с сыром в мешке на спине. Однажды вместо сыра он положил в мешок маленький жернов. Его соседи, преисполненные зависти, увидели, как он, как обычно, трусцой бежит на рынок, и стояли в дверях, глядя ему вслед и делая замечания. Дойдя до рынка и открыв мешок, он обнаружил, что жернов разломился на две части, что стало убедительным доказательством силы зависти и истинности пословицы.

Талисман для лечения дурного глаза, как и многие другие подобные маммерии, должен быть сделан в четверг или воскресенье. В разных местностях рифма используется разная. В Тири используется следующий вариант, с небольшими изменениями, внесенными разными людьми. Слова в скобках опускаются, если заклинание предназначено для больного животного:

"Я положу мазь на глаз,

Лучшую мазь под солнцем",

[Сын Божий сделал для ангела небесного].

Во всем мире,

Для маленького глаза,

Для большого глаза,

Для моего собственного глаза,

Для глаза седого человека,
За глаз девяти стройных женщин-фей,
Которые никогда не ели
и не переваривали ничего,
в этом холме,
Кто бы ни держал тебя под замком
Глаз, или злоба, или зависть,
На себя пусть падет,
На их имущество и на их детей,
На их сок и на их жир,
На их длинную белую землю,
На их лучшее стадо,
На их белорудых коров,
их овцы и козы,
Каждый глаз и каждая зависть

Что лежит на тебе, А. Б.
В самом центре востока.
Болтливы люди над тобой,
Христос лишил их сходства,
Двенадцать глаз перед каждым глазом,
Сильно око Сына Божьего,
Слабый - глаз неправедного".

Пять последних строк, вероятно, означают, что феи или эльфы, которых Бог сделал невидимыми, разговаривают между собой над больным, а помощь двенадцати апостолов и Христа сильнее, чем несправедливость людей. Другие заменяют эти строки следующими:

"Глаз, который прошел,
И вернулся обратно,
Который дошел до кости,
И дошел до мозга,
Я подниму с тебя

И Царь стихий поможет мне".

Одна женщина на острове Айла провела чудесное лечение с помощью следующих средств. Это жалкий образец суеверия, но приводится он для того, чтобы показать, как древние верования приспосабливаются к современному образу мышления. Древний амулет, вместо того чтобы быть полностью отмененным, стал своего рода молитвой:

"Если глаз омрачился,
Трое благословили,
Сильнее те трое, что благословили,
Чем глаз, который омрачил";
Отец, Сын и Святой Дух;
Если что-либо эльфийское или мирское повредило его,

На земле наверху,
Или в аду под землей,
Не отврати его, Боже милостивый".
Это нужно было сказать трижды.

ЧАРЫ ОТ РАСТЯЖЕНИЯ СВЯЗОК.

(Eòlas an t-sìochaidh.)

Этот амулет, чтобы быть эффективным, также должен быть трижды повторен. Различия в встречающихся версиях почти полностью сводятся к пропуску строк в одних, которые присутствуют в других:

"A charm in sooth.
Чары, которые Колум-Кил наложил
К колену юноши
В холме
От боли, от опухоли,
От боли, от раны,
Для ссадины, для вывиха,
От порции, от разделения,
От варикозного расширения вен, от вывиха костей;
Христос вышел
Рано утром,

Он нашел ноги лошадей,
сломанные по очереди;
Когда он спустился на землю,
Он исцелил ногу лошади;
Он вложил костный мозг в костный мозг,
И кость к кости,
Он кровь к крови приложил
И плоть к плоти,
Сок к соку, и жила к жиле.
Он исцелил это,
пусть исцелит и это,
Благодаря Христу и Его Силам вместе.

Одна треть сегодня,
Две трети - завтра,
А послезавтра - всю".

Часть амулета состояла из горсти земли из серого кургана (*làn an dùirn an ùir a snoc glas*), приложенной к ступне. В воскресенье страдалец должен трижды обойти вокруг кургана *в направлении deiseal* (на юг). На крайнем западе Тири есть холм, называемый *Snocan an t-sìachaidh* (холм растяжения), но практика использования его для лечения подобного рода вышла из употребления.

АМУЛЕТ ОТ СИНЯКОВ.

(*Eòlas Bruthaidh.*)

"Патера Мэри один, Патера Мэри два и т. д., вплоть до Патера Мэри девять,
Ты будешь течь как женщина,
Ты будешь течь, как мужчина,
Ты будешь течь, как королевская рыба;
И девять вен твоего тела,
В одном потоке вместе".

АМУЛЕТ ОТ РЕВМАТИЧЕСКИХ БОЛЕЙ.

Eòlas Galar Tholl (лит. perforating disease).

"Закрой Бога вокруг себя,

Оглянись на людей,
К Христу, иначе...
Сними с нас виселицу,
Прочь, прочь,
Твой яд в земле,
И боль твою в камне".

Иначе:

"Стрела, брошенная с внезапным ужасом,
Соль, чтобы вылечить рану,
Иисус Христос, чтобы утихомирить эльфийскую стрелу,
Очарование Божье вокруг тебя,
Слепые люди над тобой,
Твой покров о Колум-Киле,
И покров Колум-Кила вокруг тебя,
Чтобы защитить тебя и охранять тебя
От людей этого мира
и следующего".

АМУЛЕТ ДЛЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ.

(Eòlas na Caitheamh.)

Его нужно было произносить в четверг и в два воскресенья. Как и в случае с другими чарами, некоторые дни года были более благоприятны, чем другие, и для орошения больного следует использовать вершину девятой волны:

"Позволь мне ступать по тебе, теснота,
Как лебедь ступает на берег,
Тяжесть в спине, тяжесть в груди,
Тугость в горле,
Чтоб вырвать из тебя нечистую болезнь,
От макушки твоей до подошвы,
И до двух бедер твоих,
Могуществом Божьим и Его силами вместе взятыми".

ОТ БОЛЕЗНЕЙ ГРУДИ.

(*'Air Son Iomairt Cléibh.*)

"Я буду топтать тебя, тугодум,
Как по горной пыли сегодня ночью;

На себя наложу твою черную, карликовую силу,
Зло и боль - вот что это".

Чары, которые Патрик наложил

На мать сына короля Ивера,

Чтобы убить червей

в жилах ее сердца,

За четыре и двадцать недугов

в ее теле;

За воду бегущего потока ее границ,

За камни земных волн,

За слабость ее сердца,

От желтухи и смуты,

От увядания и от астмы".

АМУЛЕТ ОТ ЗУБНОЙ БОЛИ.

(*Eòlas an Déide.*)

Нетрудно убедить человека, страдающего от зубной боли, испробовать любое разумное средство, дающее хоть какую-то надежду на облегчение. Было бы любопытно, если бы талисман не помог. Писателю удалось восстановить лишь часть гэльской версии. Следующий английский амулет был получен десять лет назад в Тири, и, вероятно, первоначально прибыл с острова Мэн. Его нужно было зашить в одежду и носить на себе, и он давался тем, кто обращался за ним, за небольшое вознаграждение. Это должно было происходить в воскресенье, и плату не требовали. Если это нужно было сделать, амулет оказывался бесполезным. Копия дословно гласит:

"Во имя лорда Петтера, сидящего на мраморном камне и благоговеющего перед Христом, который зашел и сказал, что еще ты Петтер Петтер сказал, о господи, боже мой, док Токаге Христос сказал, о лорд Петтер, будь цел, и не только ты, но и все, кто носит эти строки от моего имени, никогда не будут иметь Токаге Христос исцелит Токаге".

СДЕЛАНО ДЛЯ МЕРРИОНА МАКФАДИНА.

В небольшом труде под названием "*Путеводитель по острову Мэн*" (*Peacock's Guide to the Isle of Man*, p. 66) приводится следующая версия, используемая на этом острове:

"Петр был посвящен в святые.

Стоя на мраморном камне,

Иисус подошел к нему одному,

И сказал ему: "Петр!

Отчего ты дрожишь?

Петр ответил: "Мой Господь и Учитель,

это зубная боль";

Иисус сказал ему,

"Встань и исцелись!

Храни слова сии ради Меня,

и никогда больше не будешь страдать от зубной боли".

В гэльском языке говорится о том же:

"Чары, которые Колум-Кил наложил

К правому колену Мал-ия,

От грызущей и колющей боли и зубной боли,

Зубной боли и болезней головы.

...

Тогда сказал Петр Иакову,

"От зубной боли я не могу получить ни покоя, ни отдыха".

...

Христос сказал: "Отвечай на вопрос",

и зубная боль и стих

никогда не будут вместе в одной голове".

АМУЛЕТЫ ДЛЯ СКОТА.

Они были еще более многочисленны, чем те, что применялись для лечения человеческих болезней. В наше время скот лучше содержат, кормят и ухаживают за ним, а значит, он не так подвержен непонятным недугам, которые давали работу людям "навыворот".

В случае, если какой-либо зверь заболел бешенством, этот короткий амулет может оказаться полезным:

"Кто бы ни совершил над тобой этот злой поступок,

коричневый мужчина или белая женщина,

Я посылаю этих Трех, чтобы проверить их,
Отца, Сына и Святого Духа".

В более упорных случаях требовались чары от злого глаза, вода, в которую окунали камни добродетели, и т. д.

Когда домой приносят только что купленное животное, его возвращение в прежний дом предотвращается, а привлечение в новые места обитания обеспечивается дуновением в ухо и словами:

"Дую в твое правое ухо,
На пользу тебе, а не во вред,
Любовь к земле под твоей ногой,
И нелюбовь к земле, которую ты покинул,
Замок твой в моей руке,
И железный замок на тебе и т. д."

Когда у коровы пропадает молоко, как это иногда бывает, какова бы ни была причина (возможно, поедание вредного сорняка), необходимо достать жемчужницу и два других растения, известных знающим людям, чтобы вернуть молоко. При вырывании растений нужно произнести следующие слова:

"Я выдерну жемчужницу,
Растение, которое было у Фионна;
Сын ангелов пришел,
Когда он над ним склонился;
Бриджит вернулась домой к тебе
С творогом твоим и маслом твоим;
Гладкая Мэри, что хранила их
Под девятью круглыми локонами,
Растение молока, растение жира,
И растение парное;
Растение счастья и радости
Где бы она ни была.
Я выдерну радостную глыбу,
Сидящий на вершине возвышенности,
Я не отдам его никому,
без моего благословения.

Я выдерну любящую благотворительность,
Это любящая деликатность, (?)
Это теснота, (?)
Это хороший предмет для путешествий и поездок,
И Бог попросил его как одного
И потянул его как два;
Он подарит счастье и радость
Где бы оно ни было.
Я потяну молочай,
Как гладкая святая Мария тянула его,
Для плодов, для плодов,
Для парной,
Для обильного доения, для густых сливок;
Пусть будет польза от стада твоего,
Каждый за свой глаз, или злобу, или зависть,
Пусть глаз его будет в кусте нытиков
А куст пусть горит".

ХАРМ ПРОТИВ ОПАСНОСТИ (*Sian*).

Сиан или *сиан*, шотландское *sain*, использовался для защиты людей и зверей от определенных опасностей, таких как похищение врагом, утопление, поражение мечом, стрелой или пулей в бою. Он состоял из рифм, разноцветных ниток или растений, и во многих случаях его природа оставалась загадкой. Его произносили над коровами и овцами, когда оставляли их на ночь; его надевали на шею младенцам; его дарила фея-хозяйка (*leannan sìth*) своему земному возлюбленному; его зашивала приемная мать (*muime*) в одежду любимого приемного сына (*dalta*), который собирался покинуть ее, и т. д. После того как оберег был дан или произнесен, оба - даритель и получатель - не должны были больше видеться. В противном случае чары теряли свою силу. Обычно фатальной оказывалась какая-нибудь непредвиденная опасность того класса, от которой призван был защитить талисман. Так, рассказывают, одна молодая женщина подарила *сиан* своему возлюбленному-солдату, который уезжал на чужую войну, сказав ему, что единственное, от чего он должен защищаться, - это его собственное оружие. Он прошел без ран всю затяжную войну, но после возвращения поцарапал лоб булавкой, которую носил в одежде, и умер от последствий.

ПРИВОРОТ СТАРОЙ ЖЕНЫ ДЛЯ СВОЕЙ КОРОВЫ.

(*Sian na Caillich mu Bò.*)

"Я поставил дозор на ночь

Против рогов козла

И голоса быка,

Голос мертвых,

И каждый рогатый, свирепый,

И корову с большими ушами и большими носами;

Жернов лукавого

Будет лежать на твоём крестце

До завтрашнего утра".

Если к хвосту коровы привязывали камень и произносили эти мистические слова, то утром животное можно было спокойно найти на том же месте. Считалось, что это происходит не только благодаря словам, но и якорю за кормой.

ТАЛИСМАН ДЛЯ ОВЦЫ В ЕЕ КРОВАТКЕ.

(Sian na Caora tu'n chrò.)

"Амулет, который Мария положила

На овечью люльку,

Против ножей, против собак,

И против людей;

Против гончих и диких собак,

и вора;

На пригорке, где они лежат,

Пусть они благополучно поднимутся".

ПРОТИВ УТОПАЮЩИХ И НА ВОЙНЕ.

(Sian roi' bhàthadh 's an Cogadh.)

Уроженец острова Колл, служивший в британской армии с момента взятия Копенгагена, на протяжении всех полуостровных и континентальных войн и умерший только в этом году (1874), добродушный и мощный мужчина, приписывал свое благополучное возвращение с войны в какой-то мере тому, что в юности выучил этот амулет:

"Талисман, который Мария наложила на своего Сына,

И Бриджит вложила в свои знамена,

А Михаил - в свой щит,

И Сын Божий перед Своим облачным престолом;
Ты против стрел - очарование,
Очарование против меча,
Очарование против пули с красным следом;
Остров ты в море,
Скала - ты на суше;
И больше страха они испытывают
Тела, вокруг которого чары ходят,
В присутствии Колум-Кила
С его мантией вокруг тебя".

АМУЛЕТ ПРОТИВ ОПАСНОСТЕЙ НА ВОЙНЕ.

Нижеследующая статья взята из гэльского периодического издания "*Cuairtear nam Beann*" за январь 1842 года. Говорят, что он был получен около 1800 года от старика в Гленфорсе, в Малле.

"Для себя и для своих товаров,
Амулет, который Бриджет наложила на дочь Доргилла,
Амулет, который Мэри надела на своего сына,
Между ее подошвами и шеей,
Между грудью и коленом,
Между глазами и волосами;
Меч Михаила будет на твоей стороне,
Щит Михаила на плече твоём;
Никто между небом и землей
Не одолеет Царя благодати.
Край не рассечет тебя,
Море не утопит тебя,

Знамена Христовы вокруг тебя,
Тень Христа над тобой;
От венца твоего до подошвы твоей,
Очарование добродетели покрывает тебя.

Ты пойдешь во имя короля,
И придешь во имя своего командира;
Ты принадлежишь Богу и всем Его силам.
Я сделаю амулет в понедельник,
В узком, остром, колющем месте;
Ступай, с амулетом вокруг себя,
И пусть не будет страха у тебя!
Ты поднимешься на вершины скал,
И не будешь сброшен назад;
В бою ты - сын спокойного Лебеда,
Ты выступишь среди бойни;
Ты пройдешь через пятьсот,
И притеснитель твой будет пойман;
Божье очарование да пребудет с тобой!
Люди идут с тобой!"

Говорят, что кузнец из Тороса, Малл, получил подобный амулет от своего отца. После этого он поступил на службу и участвовал в тридцати сражениях. Вернувшись домой без ранения, он сказал, что часто желал умереть, а не быть израненным пулями. Они попадали в него, но не могли пробить из-за очарования.

Красный Гектор Битвы (*Eachunn Ruadh nan Cath*), знаменитый вождь М'Леанов из Дауарта, обладал *сианом*, который делал его неуязвимым во многих битвах, от чего он и получил свое прозвище. Она подвела его в битве при Инверкитинге в 1652 году, когда он пал вместе с 1500 воинами своего клана. Окруженный подавляющим числом и тяжело раненный, он вел безнадежную борьбу, а его доблестные сородичи защищали его до последнего, "каждый из которых вставал на место своего товарища в тот момент, когда тот падал", и восклицали, используя выражение, которое с тех пор стало пословицей на его родном острове: "Еще один за Гектора!". (*Fear eile air son Eachuinn*).

О чарах, которые его хозяйка-фея подарила Тонкому (*Каоилте*), самому быстрому герою фианов, мы уже упоминали.

При омовении новорожденных мудрые женщины произносили такие слова:

"Славное омовение тебе,
Пусть тебя омоют фианы;
Здоровье тебе, здоровье ему,
Но не врагу твоей женщины".

ТАЛИСМАН ДЛЯ ТКАНИ.

После стирки новую ткань складывали и клали на стол. Женщины, которые занимались набивкой, собирались вокруг нее и семь раз пели следующий талисман. Во время пения они синхронно поднимали руки и били по ткани кончиками пальцев. После каждого повторения заклинания ткань переворачивали концами вверх:

"Хорошо я говорю свой стих,

Пока я спускаюсь по склону,

Один куплет, два куплетов и так далее, вплоть до семи с половиной куплетов.

Пусть не будет ранен тот, кто носит эту ткань,

И пусть он никогда не будет разорван,

И когда он идет на битву или конфликт,

Пусть будет ему Господня помощь.

[Маленькая морская чайка, плывущая вон там.

И белая волна, которую она любит,

Она плывет с удовольствием.

И я плыву, весело кружась;

Когда я сею свой лен

И пряду свой лен.

Я сделаю из ости льна

И получу семь марок за ярд].

Водяной кресс, прoderнутый сквозь камень-флаг,

И отдан жене без предупреждения,

Оленья голень в селедочной голове,

И в стройном теле крапчатого лосося".

Затем, ударяя по ткани быстрее, певцы произносят:

"Пусть это будет вторая ткань, а не вражеская добыча,

и не собственность дьяка или священника.

А его собственная собственность, и пусть он наслаждается и носит ее".

Говорят, что в голове сельди есть кость, напоминающая оленью ногу. Некоторые утверждают, что следует говорить не "голень оленя" (*Lurg an fhéidh*), а "рога оленя" (*Cuibhn'an fhéidh*). Часть песни, заключенная в скобки, кажется больше относящейся к музыке, чем к смыслу. Последнее пожелание заключается в том, чтобы ткань, когда ее повернут или

сделают второй костюм, оказалась как новая, а не стала, как ткань, найденная на трупах, привилегией священника. В старину седьмой ярд (*планка*) клетчатой ткани (*Clò Breac*) отдавали фактору и священнику, а также седьмого ягненка из паствы.

ОЧАРОВАНИЕ ДЛЯ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ.

"Ты станешь другом Бога,
И Бог будет другом твоим;
Железными будут две твои подошвы,
И двенадцать рук обхватят голову твою;
Твои страдания будут в дереве или остролисте,
Или скала на море,
Или земля на суше;
Щит защитный да будет вокруг тебя,
Щит Михаила будет вокруг тебя;
И от эльфийских болтов тебя защитит
Защити тебя от эльфийских болтов
И от оков боли, (?)
От бед этого мира
и другого мира.
Женщина, стоящая на коленях
И на ее глаза,
На ее самой лучшей плоти,
И по венам ее сердца,
Пока он не достигнет того места, откуда пришел.
Каждая ревнивая завистница
Что распространяет плоть и кровь свою,
На себя навлекает желание, и зависть, и злобу".

"ЕВАНГЕЛИЕ ХРИСТА".

К этому же разряду относился и амулет, которому было дано такое название. Он состоял из зеленой нитки, которую держали во рту, пока произносили заклинание, а затем прикрепляли к правому плечу очарованного. Обряд должен проводиться в четверг или воскресенье.

"Да благословит Господь ваш крест

Прежде чем вы пойдете в любой сад,

Любая болезнь, которая в нем есть.

Да заберет он от него.

Да благословит Господь твой крест распятия",

На вершине дома, дома Христа,

От утопления, от опасности и от лихорадки.

Когда Царь был простерт на высоте,

Царь трех холмов

А на вершине коричневой ветки

... (неразборчиво) ...

Да благословит Господь то, что перед тобой.

Когда ты идешь во главе их

Успех при встрече и в бою;

Милость Божья и вежливый взгляд всех людей да будут твоими;

Знамена Христа будут над тобой

Чтоб защитить тебя от венца до подошвы.

Огонь не сожжет тебя,

Моря не утопят тебя;

На море ты - скала,

И на суше ты человек,

Прекраснее лебедя на Лох-Латхайхе,

И чайки на белом потоке;

Ты возвысишься над ними

Как поднимается волна,

На стороне Бога и Его сил.

Ты - красная рябина.

Чтоб гнев людской унять.

Как волна от моря к приливу,

И волна от прилива к отливу".

АМУЛЕТ ДЛЯ НАДЕЛЕНИЯ МИЛОСТЯМИ.

(Oradh nam Buadh.)

"Я омою ладони твои

В струях вина,

В соке рапы

И в молоке с почестями.

Я вложу девять благодатей

В твои белые щеки,

Благодать форм и благодать удачи,

Грацию встреч и манер,

И благовоспитанность речи.

Черен тот дом,

И черны его обитатели,

Ты - коричневый лебедь.

Заходящий к ним;

Их сердце в груди твоей,

Язык их под ногой твоей,

И не скажут они тебе

Ни слова вопреки тебе;

Остров на море ты

И крепость на суше;

Форма Господа - на лице твоём,

Прекраснейшая форма во вселенной,

Во имя Отца, Сына и Святого Духа.

Лучший день в неделе,

И лучшая неделя в году,

Петр пришел, Павел пришел,

Михаил пришел, Иоанн пришел,

Царь добродетелей пришел как проводник,

Чтобы выразить тебе свое почтение и любовь".

ОЧАРОВАНИЕ ЛИЦ МОЛОДЫХ ЖЕНЩИН.

"Щедрость в твоём лице,
Сын Божий дарует тебе помощь
От злых людей мира,
Бдение любящей святой Марии хранит тебя,
Гладкий скромный язык в голове твоей,
И прекрасные волосы в двух бровях твоих,
Фин, сын Куэля, между ними;
Поскольку Мария и её Сын
Дали им это очарование,
Пусть вкус мёда будет
В каждом слове твоём,

И для простых людей, и для знати,
В этот и каждый день
До конца года".

ЛЮБОВНЫЙ ШАРМ.

Знание этой рифмы очень широко распространено. Некоторые приписывают её Дункану Бан М'Интиру, величайшему из гэльских лирических поэтов, и печатают в некоторых изданиях его стихов как его сочинение, но другие с большей вероятностью приписывают её Слепому Аллану, барду из Гленгарри. Аллан добывал средства к существованию, занимаясь подобными чарами.

"Это не любовный талисман.

Это не любовный талисман, который состоит из палочек и соломинок,
Но тот, что притягивает тепло
Любовь того, кто вам нравится".

Встаньте рано в среду
И отправляйтесь к широкому флагштоку,[\[19\]](#)
Возьмите с собой народное благословение,
И священническую мантию,
Поднимите на плечи
деревянную лопату,

Возьмите девять стеблей папоротника,
Срубите топором,
И три кости старика
Взятые из могилы;
Сожгите это в костре из хвороста.
Пока не превратишь все в пепел,
И встряхните его в прекрасном лоне вашей возлюбленной.
Против северного ветра,
И я дважды пойду в охрану.
Что мужчина тебя не оставит".
"Теперь он у вас в руках".

АМУЛЕТ ДЛЯ ЗАЩИТЫ ОТ ВРЕДА В СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ.

Когда человека привлекают к суду за сквернословие, пусть он, входя в здание суда, плюнет в кулак, крепко схватит свой посох и произнесет следующие слова. Тогда нет опасности быть признанным виновным. Этот амулет был получен от Большого Аллана из Вуденда (*Ailein Mòr sheannascoille*) в Кингерлохе, который был солдатом во время ирландского восстания и сам научился ему в юности. Имена святых свидетельствуют о том, что амулет очень древний.

"Я сожму свой кулак,
Верно мне дерево;
Это для защиты моих оскорбительных слов
Я вхожу в него".
Три сына Клуни спасут меня.
И Манаман Маклет,
И святой Колумба, нежный клирик,
И Александр на небесах".

Имя "Манаман Маклет", вероятно, является калькой с "Мананнан Маклейрр", манкского мага, который, как говорят, покрыл этот остров туманом, развеянным святым Патриком. В одной гэльской сказке упоминается *Ни-Мханаин* (т.е. дочь Мананнана), в доме которой звучала удивительно красивая музыка, а "молочница, дочь Мананнана" (*Бханагач ни Мханнаин*) в другой сказке - повитуха, чья резиденция находилась где-то вблизи луны.

Помимо магических исцелений с помощью рифм, многие из них проводились с помощью бус, камней и растений. Их коллекция составляла значительную часть арсенала ведьм, черных и белых.

СЕРПОВИДНЫЙ КАМЕНЬ.

Из всех средств, которые суеверия использовали для лечения болезней у людей и зверей, главное место занимает Змеиный камень (*Clach Nathrach*), также называемый Змеиной бусиной или стеклом (*Glaine Nathair*). Это несомненная реликвия друидизма, и как таковая она заслуживает особого внимания.

Плиний (29 с. 3) рассказывает, что император Клавдий предал смерти рыцаря из воконтийских галлов за то, что тот носил при себе змеиное яйцо (*ovum anguinum*) во время судебного процесса. Он также описывает способ изготовления змеиного яйца или бусины. Летом бесчисленные змеи обвивают друг друга и производят яйцо из рабства своих челюстей и тел. Затем, по словам друидов, они с шипением подбрасывают его в воздух, где его нужно поймать в одежду, чтобы оно не коснулось земли. Тот, кто отважится перехватить его, должен улететь на лошади, потому что змеи следуют за ним до тех пор, пока их не перехватит река. Проверка истинности яйца заключается в том, что оно плавает против течения, даже если оковано золотом (*si contra aquas fluitet, vel auro vinctum*). Друиды далее говорят, что оно должно быть добыто в определенное время луны. Тот, который видел Плиний, был размером с круглое яблоко. Он обеспечивает победу в судебных процессах и вход к королям.

Рассказываемые в наше время истории о Змеином камне, его изготовлении и чудесных свойствах относятся к тому же классу и не оставляют сомнений в том, что в этих бусах и их использовании мы имеем остатки самозванства, если не учрежденного, то, по крайней мере, практиковавшегося друидами.

Обычный *Glaine Nathair* (змеиное стекло) имеет меньший размер, чем указано Плинием. Тот, который видел писатель, был размером с пулю и длиной около 1¼ дюйма. В нем было сквозное отверстие от края до края, а по бокам - углубления, как будто он когда-то был мягким и его осторожно взяли между большим и малым пальцами. Это прозрачное стекло, но стекло, не похожее на то, которое мы видим в настоящее время. В нем есть чрезвычайно яркие и любопытные цветковые прожилки. Сейчас это всего лишь семейная реликвия, но в старину оно пользовалось большим спросом для окунания в воду, чтобы давать ее заколдованным людям или зверям. Для этой же цели использовалась и выделанная кожа (*cochull*) самой змеи. Воду, в которую ее окунали, давали больным животным. Рассказ о том, как она была получена, такой же, как и о других бусах того же рода. Змеи собираются в клубок, задирают головы вверх, ужасно шипят, рабствуют, и из их рабства делают змеиный камень. Плевков, ставший твердым, был известен как *teall èochd*. О том, что в эту историю не верили безоговорочно, свидетельствует добавление, что, когда бусина закончена, одна из змей просовывает в нее свой хвост. Так образуется отверстие, которым она пронизана.

В случае с бусиной, которую видел писатель, человек, который застал змей за работой, как говорят, подождал, пока рептилии уснут. Затем он вырезал бусину из их круга с помощью соломинки или веточки вереска. Когда он взял ее между большим и малым пальцами и снял, то заметил, что при надавливании пальцами она остается мягкой, и это заставило его просунуть в нее соломинку, чтобы отнести домой. Эта история вполне объясняет форму бусины и отметины на ней. Следы выглядят так, как будто они были сделаны, когда камень был мягким. В другом рассказе говорится, что находка оказалась на скале над местом, где

работали змеи, и, скатав плед в шарик, бросил его на скалу рядом с ними. Мгновенно змеи бросились на плед, и пока они разрывали его на куски, он успел забрать Камень Аддера. Приготовленной для этого палкой с острым концом, проткнув мягкую бусину, он поднял ее на вершину скалы и, зажав между большим и малым пальцами, побежал домой.

Подобные легенды о камне с жаброй бытовали и в Низинах. Скотт говорит, что это название применяется "к кельтам и другим перфорированным камням". В горных районах название не применяется к камням. В Уэльсе и Ирландии бусина известна как "стекло друидов". Она представляет собой более чем исторический интерес, поскольку дает возможность проследить, без возможности ошибки, использование амулетов и суеверных чар до времен и учения столь восхваляемых друидов, и поднимает, если не проливает свет, вопросы о раннем общении народов.

Изготовление змеиных бус находится в неясности. Неизвестно ничего, что могло бы создать вероятность того, что они кельтского производства. Финикийцы с очень раннего времени владели искусством изготовления стекла, и их торговля простиралась далеко и широко, вплоть до берегов Британских островов, тогда самой отдаленной части известного мира. Поэтому вполне возможно, что эти бусины пришли из финикийских источников. Говорят, их находят на побережьях Балтики и Средиземного моря, в Англии и Франции, а также в Ирландии и Шотландии, и вполне возможно, что они распространились благодаря торговцам из Финикии и ее колоний в Галлии и Массилии. Точно так же в наши дни идолы экспортируются из Англии в Индию. Однако не меньше аргументов можно привести в пользу предположения, что бусины имеют египетское происхождение и были получены кельтскими жрецами от древних египетских чародеев. Египтяне с древнейших времен широко использовали стекло, умели резать, шлифовать и гравировать его, инкрустировать золотом, имитировать в нем драгоценные камни и окрашивать его с большим блеском. Бусина, найденная в Фивах, датируется 1500 годом до н. э., а реликвии подобного класса нередко находят в египетских катакомбах. Если бы можно было утверждать, что они точно такого же производства, как и кельтские бусы, вопрос был бы почти исчерпан. Мейер считает, что первый поток кельтской иммиграции на запад прошел через Египет, вдоль северного побережья Африки и попал в Европу через Гибралтарский пролив. Древняя ирландская история, если в ее преданиях есть хоть капля правды, указывает на аналогичный вывод. В этом вопросе нет ничего определенного, и его решение имеет значение для выяснения того, получили ли кельтские жрецы свои вспомогательные суеверия от своих египетских собратьев.

Бусины из улиток (*Cnaipein Seilcheig*).

Говорят, что улитки также формируют себя в массу и изготавливают из нее камень, обладающий огромными достоинствами в качестве амулета (*Clach shianaidh*). Он защищает своего счастливого обладателя от всех опасностей. Его называют "улиточной бусиной" (*Cnaipein seilcheig*) или "улиточным камнем" (*Clach na seilcheig*). В изготовлении каждого камня участвуют четыре или пять улиток. Вода, в которую его окунают, полезна при болях в глазах и во рту, пораженном лишаем.

ЛЯГУШАЧИЙ КАМЕНЬ.

Царь-лягушка имеет в голове камень огромной ценности. По словам Пеннанта, "лягушачий камень" (*Clach nan gilleadha cràigein*) - это всего лишь разновидность ископаемого зуба, известного как буфонит. Он стал самым известным из этого класса физических чар, поскольку Шекспир сравнил невзгоды с жабой, которая, хотя и "уродлива и ядовита", но "носит в голове драгоценную жемчужину".

На болоте в Ачагавале в Морверне обитал король-лягушка или жаба, слава о котором была широко распространена. Его называли *Сейд*, слово, обычное значение которого - "охапка сена или соломы". Один человек, живший по соседству с болотом, рассказывал, что не раз, а десятки раз слышал крик этого животного с такого большого расстояния, как вершина соседнего холма, *Бейн-нам-Беаррах*, и не мог сравнить его ни с чем, кроме как с воплем "мягкого мастиффского детеныша" (*bog chuilein tòdhlair*). Часть болота, которую чаще всего посещал Царь-лягушка, называлась *Lòn na Seid*, и зимой, когда она замерзала, через отверстие во льду спускали прирученную выдру в надежде загнать лягушку к отверстию. Выдры должны время от времени выходить на поверхность, чтобы дышать, и, когда выдра, о которой идет речь, пришла с этой целью, ее хозяин, стремясь заполучить драгоценность, принял ее за Царь-лягушку и ударил по голове, отчего она умерла на месте.

КАМНИ.

Помимо драгоценностей, найденных в животных, суеверия использовали камни различных форм, сферические и заостренные, простые и украшенные, неизвестного происхождения, но свидетельствующие о том, что они были приведены в форму человеческим искусством. Они бережно хранились в семьях как реликвии, их находят в тумулусах, могилах, вырубках на дорогах, вычерпывают из рек и выворачивают плугом. Они, несомненно, являются реликвиями далекого прошлого, и антиквары относят их к доисторической эпохе и дикарям, жившим до изобретения железа. Изобретательность сторонников такой точки зрения на их происхождение достаточно проверена в поисках практического применения камней в качестве оружия для войны или погони, в азартных играх или в качестве предметов домашнего обихода, кукурузных жерновов, топоришков или личных украшений. Несомненно, многие из них изначально предназначались для таких целей; но бесполезность других и отсутствие их пригодности для какой-либо известной или мыслимой цели, указывают на иное происхождение. Нелегко, например, определить обычное назначение такого каменного шара, как тот, что изображен в "*Доисторических анналах Шотландии*" Уилсона, i., 195, и многих других, еще более любопытного вида и с более сложным орнаментом. Вырезанные орнаменты не позволяют думать, что они могли использоваться в обычных целях, а распространенность колдовства с его арсеналом камней диковинной формы и загадочных природных продуктов среди всех диких племен делает весьма вероятным, что они были орудиями доисторического колдовского ремесла, и с самого начала ассоциировались со странными добродетелями. В качестве смертоносного оружия годился и первый камень, подобранный с земли. С ними связаны народные суеверия самых современных времен. Не исключено, что с самого начала они были связаны именно так.

ФЕЙРИ СТРЕЛА.

Самой распространенной из этих примитивных реликвий была стрела феи или эльфийский болт (*saighead shith*, произн. *saït hee*), который, как считалось, феи бросали в скот и людей. В

Горных горах говорили, что эльфы сами не могли ее метать, но заставляли это делать какого-нибудь смертного, которого в это время несли в их компании. Когда же тот дружелюбно кинул, то не попал в цель и тем самым разочаровал своих подстрекателей. Пораженный человек мгновенно лишился конечностей, и его отнесли в жилище феи. Оставалось только его подобие. Казалось, что он умирает, или вместо него подменяли старого эльфа, чтобы оживить бессильный каркас и получить доброту, которую смертные оказывали тому, кого считали своим пострадавшим другом. Подобным образом пораженный эльфом скот пожирал всю пищу и доставлял все хлопоты здоровому скоту, но не приносил никакой отдачи: он не давал молока и не толстел.

Эльф-болт - это кремневая чешуйка, с терпеливой изобретательностью доведенная до формы наконечника стрелы, длиной от одного до шести дюймов. Археологи утверждают, что такие кремни служили наконечниками для стрел и копий первобытной каменной расы, но их непригодность для прочного крепления к древку делает это предположение не всегда вероятным. Стрела с кремневым наконечником должна была быть слишком тяжелой с одного конца, и аллофил (если такой человек существовал) должен был быть очень изобретательным, если не мог сделать более удобный наконечник из осколков кости или закаленного дерева. Когда люди верили в фей, эти кремневые наконечники появлялись так же легко, как изображения в системе идолопоклонства.

Тот, у кого была такая стрела, был защищен от нападений фей, а вода, в которую ее окунали, возвращала здоровье человеку или зверю, пораженному внезапной болезнью.

Аналогичные достоинства приписывались и Лопатке фей (*Caibe sìth*) - гладкому, скользкому, черному камню (*mìn sleamhuinn du*), который должен был напоминать лопату. Его также клали в воду, чтобы давать больным людям и скоту.

КРУБАНСКИЙ КАМЕНЬ.

Крубанский камень (*Clach a Chrùbain*) лечил болезни суставов. Пеннант утверждает, что это был вид ископаемой раковины под названием грифит. Его название происходит от *crùban* - сидячее, или приземистое, или скрюченное положение человека или животного, возникающее в результате болезни ног, из-за которой они не могут стоять. Подобный камень в Бредалбане давали в долг только под залог двух коров (*an geall càraid cruìdh*). Если камень не возвращался, коровы должны были быть потеряны.

РАЗНООБРАЗНЫЕ.

Круглый камень, в точности похожий на вышеупомянутый, изображенный Уилсоном, с шестью вырезанными на нем кругами, долгое время находился во владении одной семьи в Кнапдейле, а сейчас находится в Тири. Его использовали для облегчения колик и других внутренних болей, и считалось, что, когда его клали в воду для использования, с него снимали кожу (*tilg rusg*). Его называли *Clach a Ghreimich*, "камень для борьбы с коликами". Рядом находился камень-компаньон такого же размера для лечения сглаза. У Мэри Макинтайр, знаменитой ведьмы из Форт-Уильяма, уроженки Барры, был камень под названием *Клах-на-Лейг*, камешек целительных свойств, с отверстием, через которое она просовывала язык перед гаданиями. Он был голубого цвета, и с его помощью Мария могла давать молодым женщинам сведения об их возлюбленных, обеспечивать морякам и другим людям, приезжавшим в Форт-Уильям с плотью и другими товарами, продажу их товаров и т. д.

В Каоласе, Тири, есть камень, называемый *Клах-на-стурм*, Камень бури, почти полностью зарытый в землю. Если его вынуть из земли, очистить и поставить вертикально, он вызовет бурю.

Камень Ардвурлих (в Пертшире) использовался для лечения рожи у крупного рогатого скота. Человек, отправляющийся за ним, не должен говорить, сидеть, входить в дом или находиться вне дома после захода солнца. Он должен расположиться на ночь до захода солнца.

Соусгеул, Евангелие.

Евангелие состояло из стиха Писания, или гимна, или нескольких добрых слов, обычно получаемых от священника, и зашивалось в одежду, чтобы уберечь владельца от душевной слабости и защитить от недоброжелательства (*air son inntinn lag 's droch rùn*). Отправляясь в путь, человек не должен ни с кем разговаривать по дороге и должен расположиться на ночлег до захода солнца.

РАЗНЫЕ СПОСОБЫ ЛЕЧЕНИЯ.

Помимо всех этих магических способов лечения, были и другие, которые практиковали мальчики и к которым прибегали суеверные люди, не задумываясь о том, есть ли в них магия или нет. Во многих случаях предполагалось, что излечение или получение желаемого дара происходит естественным путем.

БОРОДАВКИ (*Foineachun*).

Их лечили, положив в мешок столько узлов или косяков соломы или травы (*glùinean shop*), сколько бородавок нужно было изгнать, и оставив его на дороге. Тот, кто первым поднимет мешок, должен был в будущем избавиться от бородавок. Другой не менее эффективный план заключался в том, чтобы взять по ячменному зерну (*spilgein eòrna*) на каждую бородавку и закопать его в каком-нибудь укромном месте, где его никогда не должны были тревожить. Если оба этих простых способа лечения не помогали, на бородавки наносилась свиная кровь и оттиралась тряпкой. Из этой ткани делали посылку и оставляли на дороге. Бородавки выводились на руках первого, кто ее открывал.

СТИХ (*нетнаган*).

Глазную бородавку (произн. *sleònachan*) лечили, положив один конец палки в огонь, направив горящий конец на больной глаз и быстро вращая ее по кругу, говоря: "Бородавка раз, бородавка два, бородавка три" и т. д., вплоть до "бородавки девять", а затем добавляя: "Сними себя, бородавка". Приворот также проводили, повторяя во время кружения палки: "Вернись, вернись, вернись, красуйся" (*air ais, air ais* и т. д.). Другие возлагали большие надежды на натирание глаза золотом.

TETTER (*Teine-dé*, HERPES LABIALIS).

Мальчиков, страдающих от высыпаний на губах, приводил в ярость стишок:

"Лишай на губах,

Твоя мачеха снесла яйцо,

И вы вылупились из выводка".[20]

Первая часть имени - *тейн*, огонь, и возникает любопытный вопрос, что *такое* *дэ*. Оно встречается также в *dearbadan dé*, бабочка. Похоже на генитив *dia*, бог.

ХИККУП (*аилеаг*)

излечивалась путем обвинения человека, у которого она была, в краже. В случае с детьми это вполне логично. Если они бесхитростны, то умело выдвинутое обвинение пробуждает их натуру до такой степени, что икота исчезает.

ИКОТА (*an trigh, an trîugh*).

Поговорка гласила: "У того, кто пьет кобылье молоко осиновою ложкой, кашель будет незначительным" (*Fear sam bi dh'òlas bainne capuill le spàin chrithionn, cha ghabh e'n trigh ach aotrom*).

ШИПОВАЯ ШЕЯ,

как бывает при слишком высокой подушке или неправильном положении головы, лечится сдавливанием шеи между ножками щипцов.

Зубная боль (*Деуд*).

Считалось, что эту мучительную болезнь можно вылечить, положив в рот палец мертвеца или гвоздь из гроба, и бывало, что люди в агонии пробовали оба способа. Человек, прибегающий к такому способу лечения, должен был отправиться за гвоздем или пальцем покойника на кладбище (*roluig*), хотя, скорее всего, эта часть эксперимента проводилась редко. Как и в случае с теми, кто идет вырывать зуб, боль исчезает по дороге.

ПАДАЮЩАЯ БОЛЕЗНЬ (*an tuiteamas*).

Когда новорожденного ребенка обмывают, вокруг него наматывают соломенную веревку (*сиоман*), а затем разрезают на части, что служит защитой на всю жизнь от эпилепсии, падучей болезни (*tinneas tuiteamas*), или, как ее эвфемистически называли, "болезни выхода" (*an tinneas a-muigh*). В Сазерлендшире считалось, что второй приступ можно предотвратить, если закопать живьем петуха, когда случился первый.

БЕЗУМИЕ.

В Горных горах, как и в других местах, грубое обращение (часто доходящее до жестокости) считалось наиболее подходящим для лечения тех, кто страдал от этого величайшего из человеческих несчастий - психического расстройства.

В четверг (это должен быть не другой день) человек должен был посадить сумасшедшего позади себя на серую лошадь и проскакать на предельной скорости три раза вокруг межи (*comharra criche*), а затем до неподвижного камня. Если заставить безумца говорить с этим камнем, излечение было полным.

Еще один способ (традиции которого сохранились на Гебридских островах) заключался в том, чтобы обмотать веревку вокруг талии сумасшедшего и тащить его за лодкой, пока он не станет почти мертвым.

В Стратфиллане (*Srath Fhaolain*), общее название которого - "страты" (*sraithibh*), в Пертшире, есть бассейн в реке, протекающей через страт, и руины часовни в Клячане, примерно в полумиле от него, которая в свое время пользовалась широкой известностью как средство для лечения этого недуга. Один из тех, кто был жив несколько лет назад и помогал на церемониях, проводимых в часовне, вспоминал, что там одновременно оставляли связанными до двенадцати безумцев. По преданию, у святого Филлана был камень, обладающий чудесной силой. Некие люди силой отбирали его у него, когда он бросил его в глубокий бассейн в реке, и от этого бассейн приобрел свою чудодейственную силу. Безумцев заставили трижды обойти вокруг лужи (*то есть* держать бассейн по правую руку), а затем окунули с головой в воду. Когда их вытаскивали, из бассейна вынимали три камня и клали их в каирн, который можно увидеть и сейчас. Каменная чаша наполнялась водой для освящения и выливалась на голову пациента. Безумца относили в часовню и клали на спину на землю, растягивали между двумя палками и обвязывали веревками очень простым способом. Если ему удавалось освободиться до утра, то были хорошие надежды на его выздоровление. Веревки были расположены так, что он мог легко это сделать. Нужно было только оттолкнуться от них ногами, но если он возмущался, то безнадежно запутывался. Бассейн потерял свою силу из-за того, что в него бросили бешеного быка. Теперь он известен как "бассейн быка" (*linne 'n tairbh*).

Màm, AXILLARY SWELLING.

Опухоль подмышечных желез (*fàireagun na h-achlais*) - недуг, который вскоре проходит или переходит в язву. Умельцы" утверждали, что лечат ее следующим образом, и, несомненно, когда опухоль спадала, как это происходило в большинстве случаев, вся заслуга принадлежала их магической церемонии. В пятницу (только в этот день обряд был эффективен) произносили определенные магические слова на лезвие ножа или топора (чем больше стали, тем лучше), который держали поближе ко рту, а затем, приложив лезвие к больному месту, пересекали опухоль и разделяли ее на девять или другие нечетные числа или воображаемые деления. После каждого пересечения топор направляли на холм, название которого начиналось не с *ben* - возвышенный холм, а с *tam* - круглая гора. Например, в Малле и его окрестностях болезнь переносилась (*do chuidis' air, tha sid air, do roinn-sa air* и т. д.) на *Màm Lirein*, *Màm an t-snòid*, *Màm Doire Dhubhaig*, *Màm Chlachraig*, *Màm Bhrathadail* и т. д. - все холмы на этом острове. Когда опухоль "считали" (*air àireamh*), топор направляли на землю, говоря: "Боль пусть будет в земле, а несчастье - в земле" (*a ghoimh san làr, 's a chrádh san talamh*).

ЛУМБАГО (*Leum droma*).

Когда спина напряжена и нервы задеты так, что движения болезненны, больной должен лечь на лицо, а тот, кто родился ногами вперед, должен трижды перешагнуть через него, каждый раз налегая всем весом на ногу, которая ступает на спину больного. Исцеление невозможно, если человек, перешагивающий через него, не был рожден ногами вперед.

СОЗНАНИЕ (*Caitheamh*).

На ферме Кроссапол в Колле есть камень, называемый *Clach Thuill*, *то есть* Дырявый камень, через который страдающих чахоткой заставляли проходить три раза во имя Отца, Сына и Святого Духа. Каждый раз они брали с собой мясо и оставляли немного на камне. На

птицу, которая уносила еду, накладывалась чахотка. Подобные камни, под которыми больной может проползти, использовались и на других островах.

ЛЕПРОСИ (*Mùr*).

Водопад в Скоррибреке, недалеко от Портри в Скае, называемый *Эаса сук Кон*, образует в скале естественную впадину или бассейн длиной и шириной с человека. Дочь Лохлина, страдавшая от неизлечимой болезни кожи (*mùr*, проказа?), во время своих путешествий в поисках лекарства (было пророчество, что ее лекарство будет найдено на одном из северных островов) пришла к этому водопаду. Корыто было опустошено, и ее положили в него. Она лежала там до тех пор, пока оно снова не наполнилось, и ее исцеление свершилось.

Лох Ма Нар,

в Сазерлендшире, если войти в него в первый понедельник августа, считалось, что он излечивает любую болезнь или недомогание.

КОЛОДЦЫ.

По всему Нагорью встречаются колодцы, которым в старину приписывали чудесную силу исцеления от болезней. Обычно, но не всегда, они назывались в честь какого-нибудь святого, и их воду пили в определенные дни или в определенное время суток, а также с определенными церемониями и подношениями. Значение этих колодцев и паломничества к ним исчезли вместе с римско-католической религией, и теперь от их бывшего почета не осталось и следа, кроме названия.

"Колодец с флаговым камнем Фиана" (*Tobar Leac nam Fiann*) в Юре исцелял от всех болезней. Когда больной приходил к нему, он должен был оставить в нем булавку, иголку, пуговицу или другой предмет, и если после этого его забирали, исцеление не наступало.

В пещере за Санной в Арднамурчане, недалеко от деревни *Плткайг*, около тридцати лет назад было обнаружено отверстие, вмещающее около миски, проделанное в полу пещеры водой, капающей с крыши. Воды этого сосуда считались очень эффективными, делая тех, кто их пил, сильными и здоровыми. Ее просили молодые люди с живым нравом, женщины, встающие после родов, и т. д. При входе в дом рядом с дверью клали медную монету, металлическую пуговицу или гвоздь, и если этого не сделать, то входить было небезопасно. В указанное время полки пещеры были забиты этими подношениями.

На Северном Уисте, между Лох-Мэдди и Диузой в Меривейле, есть колодец, который лечит зубную боль. На островке Святого Кормика, к востоку от Кантайра, был колодец, который лечил желтуху, пока одна старая жена из Бредалбейна не попросила святого в грубых или нелюбезных выражениях вылечить ее от болезни (см. Старый статистический отчет).

В Колле, рядом с местом семейного захоронения М'Леанов из Колла, есть колодец, называемый "колодец камней" (*tobar nan clach*), а неподалеку от него - затонувшая в море скала под названием *Каургейн*. Поговаривали, что если человек получает воду из одного из них и дульс из другого, то он никогда не умрет от нужды.

На задней стороне холма Хоф в Тири есть колодец, называемый "колодцем девяти живых" (*Tobar na naoi bèò*), который в сезон большой скудости поддерживал вдову и ее восьмерых детей, не имея никакой пищи, кроме себя и моллюсков. Отсюда и его название.

РАСТЕНИЯ И ДЕРЕВЬЯ. ГОРНЫЙ ЯСЕНЬ.

Уже описанная эффективность дерева викен против ведьм была широко распространенным убеждением, распространенным как в Англии, так и в Горных горах, где также говорили, что из него получается лучшая удочка для рыбака. Если он возьмет с собой

"Тряпичные снасти,

Украденный крючок,

И кривое удилице".[21]

скорее всего, ему повезет. Причина в том, что ни один злой или завистливый глаз не устремится на него или его снаряжение (*cha laidh sùil orra*).

ЖЕМЧУЖНИК (*Mòthan*).

Жемчужница причудливая (*Sagina procumbens*), растущая в очень сухих местах и на старых стенах, была одним из самых эффективных растений против сил тьмы. Эту эффективность приписывали тому, что это растение было первым, по которому топтался Христос, когда пришел на землю. Помещенное на перемычку двери (*san àrd dorus*), оно не позволяло духам умерших, если они возвращались, войти в дом. Если его поместить в копыто быка в момент его нахождения с коровой, то молоко потомства не могли отнять колдуны. Помещенный под правое колено роженицы, он побеждал козни феи. Тянуть его нужно с определенными словами:

"Я буду тянуть жемчужницу",

Растение, предписанное Христом,

Не боится она ни огня жгучего

Или войны с феями".[22]

ST. ЗВЕРОБОЙ ДЖОНА (*Achlasan Challum Chille*).

Гэльское название зверобоя продырявленного (*hypericum pulchrum*) означает буквально "подмышечный святого Колумбы". Почему его так называли, неизвестно. Чтобы быть полезным, он должен быть найден, когда его не ищут и не хотят. Если его ищут, он не более эффективен, чем другое растение, но если его случайно найти и сохранить, он защищает от лихорадки и не позволяет феям унести его владельца во сне. Одна из версий рифмы, которую можно привести, рассказывая о нем, звучит следующим образом:

"Аксиллярное растение Колум-Килла,

Непрошеное, нежеланное,

Они не лишат тебя сна

И лихорадка не возьмет.

Я сорву коричневолистный,

Растение, найденное у расщелины,

Ни один человек не получит его от меня,

без моего благословения".[23]

Другая версия гласит:

"Я выдерну пазушную,

Это растение прекрасных женщин,

'Tis the graceful feast

И роскошный двор;

Мужское растение, женское растение,

Растение, которое было у птиц ручьев,

Растение, в котором нуждалось доброе существо,

И Христос среди чужестранцев,

Так лучше будет награда той деснице.

которая его держит".[24]

ЮНИФЕР (*иубхар-бейнне*, дословно - горный тис).

Это растение - защита на море и на суше, и ни один дом, в котором оно есть, не возьмет огонь. Его нужно вырвать с корнем, а ветви разделить на четыре пучка и взять между пятью пальцами, сказав:

"Выдерну тис благодатный.

Через пять согнутых ребер Христа,

Во имя Отца, Сына и Святого Духа,

Против утопления, опасности и смятения".[25]

На гэльском языке это растение также называется *aiteal*.

ЯРРОУ (*Chathair làir*).

К этому растению, обладающему силой, также обращались с мистическими словами, из которых удалось восстановить лишь четыре строки.

"Я потяну тысячелистник,

Как Мария тянула его двумя руками,

Я потяну его своей силой,

Я потяну его полрой рукой",[26] и т. д.

Во многих районах Высокогорья тысячелистник называют *Cathair-thalanda*, что означает то же самое, что и с *làir*, дословно "земляной стул".

"ВКУСНОЕ РАСТЕНИЕ" (*Lus an tàlaidh*).

Это растение растет в мягких местах среди вереска и имеет пурпурный цветок. Судя по описаниям, оно похоже на пурпурную орхидею или дикий гиацинт. У него два корня, один больше другого, и именно в них заключается его магическая сила. Самый большой представляет мужчину, а меньший - женщину, чьей привязанности нужно добиться. Растение нужно выдернуть за корни до восхода солнца, направив лицо на юг. Какой бы корень ни был использован, его следует немедленно поместить в родниковую воду, следя за тем, чтобы ни одна часть поверхности солнца не находилась над горизонтом. Если он утонет, то человек, чьей любви добиваются, окажется будущим мужем или женой. Если же талисман делается ни для кого конкретно, то измельченный в порошок корень, положенный под подушку, вызывает сны у того, кто должен жениться.

ДОЧЬ КОРОЛЯ ЧАР

(*Neghinn Rìgh Sionnach*).

Дочь *Rìgh Сионнаха* была найдена на охотничьем холме группой охотников, как рассказывал автор, и они забрали ее с собой домой. Вождь женился на ней, и она жила с его матерью в одном доме и родила троих детей, прежде чем от нее услышали хоть слово. После этого, когда готовился пир, ей дали свечу, чтобы она держала ее, когда она сказала:

"За твою свечу

В руку мне вложили, чтобы я держала

Стою в дыму.

Это не входило в мои обычаи

В доме моей матери и отца".

Свекровь отвечала:

"На досуге, моя добрая женщина,

Я хорошо знала эту компанию,

Одна корова с тремя сосками,

И девять человек".

Она ответила:

"Так не было принято

В доме моих отца и матери

Не было ни одной коровы с тремя сосками

Не было и девяти человек.

Но девять цепей из чистого золота

Висели в доме Короля Чародейства".[\[27\]](#)

Из ее слов стало известно, чья это дочь и откуда она пришла.

ГЛАВА III. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ О СМЕРТИ.

Смерть всегда считалась величайшим злом, от которого страдает человечество, а ужасы и трепет, которые внушает ее приход, давали суевериям широчайший размах. Царь ужасов", несомненно, отбрасывает перед ней свои тени, но это предвестие относится к медицинской диагностике. Суеверие, связанное с ним, заключается в том, чтобы сделать необычные явления и природные феномены, не имеющие к нему никакого отношения, кроме случайной близости во времени, предвестниками его страшного приближения. Ум любит задумываться над обстоятельствами, связанными со смертью ушедшего и дорогого друга, а в условиях малочисленного населения смерть не является событием, происходящим так часто и ежедневно, что горожанин не обращает на нее внимания, пока она не коснется его самого и его друзей. Кроме того, сомнения и скептицизм не являются спонтанными в человеческом разуме, и всякий раз, когда кто-то утверждает, что видел сверхъестественные признаки, связанные со смертью или духом ушедшего, он естественно и легко находит доверие. От частого пересказа история становится все более и более достоверной, а традиции, достигнув ранга верований, очень медленно угасают. Поэтому неудивительно, что возбудимый и склонный к фантазиям ум кельта твердо верит в сверхъестественные предвестия смерти.

Некоторые семьи и септы имели свойственные только им предупреждения о смерти, и всякий раз, когда кто-то из них оказывался на смертном ложе, особенно когда приближалась смерть вождя, кто-то в доме обязательно видел или слышал предупреждение. Перед смертью кого-либо из семьи Бредалбейн, потомков Черного Дункана из Капота (*Donncha du a churraichd*), ночью по склону холма раздавался рев быка. Рев становился все слабее по мере того, как он поднимался в гору, и стихал, когда он достигал вершины. Происхождение этого суеверия, вероятно, связано с тем, что Черного Дункана обвиняют в том, что однажды на пиру ему принесли голову быка как сигнал к расправе над несколькими М'Грегорами, которых он дружелюбно пригласил в замок. Клан Маклахлан предупреждался о смерти появлением маленькой птички; септа М'Грегоров, известных как дети или потомки Черного Дункана (*Clann Dhonncha dhui*), - свистом; другая семья того же клана, "дети маленького Дункана" (*Clann Dhonncha bhig*), - светом, похожим на свет свечи. Другими сигналами были крики (*sgairt*), вопли бедствия, вопли (*sgriachail*), звуки плача и т. д. Когда любой из них предвещал смерть, он был слышен там, где не мог находиться человек, и в нем звучал неземной тон, от которого у слушателя замирало сердце.

Перед смертью *duine wassal* (*duin uasal*, джентльмен) в небе видели свет или метеор под названием *Dreag* или, скорее, *Driug*, который двигался от дома к могиле в том направлении, в котором должна была идти похоронная процессия. Эти огни появлялись только для "больших людей", людей с положением и достатком, и один непочтительный портной однажды выразил желание, чтобы все небо было усеяно ими.

HUGH OF THE LITTLE HEAD (*Eoghan a chinn bhig*).

Это самый известный и страшный призрак Западного нагорья, фантом всадника без головы, который появлялся всякий раз, когда кто-либо из Маклейнов из Лохбуя, что в Малле, был

близок к распаду. Призрачный всадник восседает на небольшом черном коне с белым пятном на лбу, а следы копыт у него не такие, как у других лошадей, а с круглыми углублениями, как будто у него деревянные ноги. Всякий раз, когда кто-нибудь из тех, за кем он следит, лежит на смертном одре, Хью слышит, как он проезжает мимо дома, а иногда даже показывается в дверях. На спине лошади он сидит не прямо, а немного в стороне, и вид почти безголового тела напоминает привязанную к спине лошади кружку с водой. Любопытна история человека, который таким образом обречен присутствовать при смерти любого из своего клана. Предания не всегда единообразны в этом вопросе, но следующее изложение примиряет большинство рассказов и в значительной степени согласуется со всеми ними.

Хью был единственным сыном Гектора Упрямого (*Eachunn Reuganach*), первого вождя Лохбуя в XIV веке, и братом Лахлана Хитрого (*Lachunn Lùbanach*), первого вождя Дауарта. При жизни он получил прозвище "Хью с маленькой головой", а приписываемые ему поступки полностью подтверждают истинность пословицы: "Большая голова у мудреца, а куриная - у дурака" (*Seann mòr air duine glic 's seann circ avi amadan*). Его высказывания, которые сохранила традиция, иллюстрируют любопытную проницательность, иногда встречающуюся при ограниченном интеллекте. Так, когда его мать несли на погребение, он подумал, что носильщики несут тело слишком высоко, и сказал им не поднимать ее так высоко, "на случай, если у нее появится привычка" (*mu 'm bi i 'g iarraidh a chleachdaidh*), и с тех пор фраза получила продолжение: "стремиться сделать что-нибудь привычным, как мать Хью из Маленькой Головы". Он был женат на дочери дома Макдугаллов из Лорна, и она оказалась весьма посредственной женой. Традиция приписывает ей несколько прозвищ, все из которых крайне неблагозвучны: "Цапля с черным дном" (*Chorra thòn du*), "Скупой, плохая черная цапля" (*Gortag, an droch chorra dhu*), "Цапля Макдугалла" (*Curra Dhùghaill*) и *Dubhag tònn ri teallaich*. Он был бесстрашным воином и вполне мог стать бродячим призраком после своей смерти.

Лохбуй сначала принадлежал Макфадиенам. Маклейн (так в семье пишут это имя), получив грант на это место от лорда Островов, обманом попросил у Макфадьенов место для овечьего загона (*crò chaoraich*) и, получив для этой цели холм, принялся за строительство замка. Когда замок был достаточно укреплен, он выпустил из него стрелу в Макфадьена, который сидел в некотором отдалении и собирал кости (*spioladh chnàmh*) за своим ужином. В конце концов Макфадьену пришлось покинуть свои земли и отправиться в Гармонию (*Gar'moin' an fhraoich*), где он зарабатывал на жизнь чеканкой золота, собранного в Бейн-ан-Аоинидхе (Малл), откуда его потомки стали известны как "Семя золотых дел мастера" (*Siòlachadh nan òr-cheard*). После этого Лохбуй и Дауарт рассорились. Владения двух братьев примыкали друг к другу, и между ними лежал участок земли, право собственности на который они оспаривали. Пахарь, принадлежавший Лохбую, пахал на спорной земле, когда друг Дауарта, находившийся на охоте, выстрелил в него. Через некоторое время после этого двое мальчиков Дауарта были в гостях у Лохбуя, жена которого, будучи родственницей убитого пахаря, прошла с детьми часть пути домой и у колодца, который с тех пор называется "Колодец голов" (*Tobar nan seann*), оторвала им головы и бросила их в колодец, оставив тела на берегу. За это злодеяние между двумя домами вспыхнула смертельная вражда, и жена Хью, будучи приемной сестрой (*co-dhalta*) жены Дауарта, не заботилась о том, чтобы ее муж и дом Лохбуи пострадали.

Эта вражда, в сочетании с другими обидами "журавля", привела к тому, что в Лохбуйе было так мало мира, что старый вождь выделил Хью отдельное поселение и выделил ему земли Мориниша. Хью построил себе замок на островке в Лох-Сгуабейне, небольшом озере между

Лохбум и Дауартом. Жена убеждала его поехать и получить от отца права (*còiricheaa*), то есть документы на право владения землями Лохбум, а может быть, поехать и получить больше, и наконец он поехал. Ему объяснили, что после смерти отца он будет иметь право на все имущество, и он ушел успокоенный. Однако его жена настаивала на том, что Лахлану Хитрому, брату его отца, ничего не стоит прийти и отнять у него все, что у него есть. Он снова пошел, завязалась ссора, и он нанес своему престарелому отцу сильный удар по голове. Об этом стало известно брату старика, вождю Дауарта. Радуюсь предложению, чтобы утешить законного наследника и стать хозяином Лохбума, а также удовлетворить свою жажду мести, Дауарт собрал своих людей и выступил в поход, чтобы отвести Хью в какое-нибудь место заточения или убить его. Хью собрал своих людей и приготовился к бою.

Рано утром в день битвы, другие говорят, что вечером, Хью гулял и у пограничного ручья (*Allt crìche*) увидел женщину-эльфина, которая полоскала одежду и пела "Песню М'линов".^[28] Ее длинные груди, как и подобает женщинам ее рода (согласно поверьям муллов об этих странных женщинах), свисали вниз и мешали ей мыться, и она то и дело вскидывала их на плечи, чтобы они не мешали. Хью бесшумно подкрался к ней сзади и, поймав одну из грудей, как рекомендуется в таких случаях, положил сосок в рот, сказав: "Мы с тобой свидетельствуем, что ты моя первая кормящая мать". Она ответила: "Да будет на тебе рука твоего отца и деда! Ты имел нужду в том, чтобы это было так". Тогда он спросил ее, что она делает. Она ответила: "Стираю рубашки твоих смертельно раненых людей" (*Nigheadh leintean nam fir ghointe agad-sa*), или (как говорят другие) "одежду тех, кто завтра сядет на коней и не вернется" (*aodach nam fear theid air na h-eich a màireach 's nach till*). Он спросил ее: "Выиграю ли я бой?". Она ответила, что если он и его люди получают на завтрак "масло без спроса" (*Im gun iarraidh*), то он победит, а если нет, то проиграет. Он спросил, вернется ли он сам живым из битвы (*an d'thig mise as beò?*), и она ответила либо двусмысленно, либо вообще не ответила; а уходя, оставила ему в качестве прощального подарка (*fàgail*), что он должен идти и предупреждать о приближающейся смерти весь свой род. В то же утро он надел новый костюм, и служанка, вошедшая как раз в тот момент, когда он его надевал, похвалила его и сказала: "Пусть тебе понравится и ты будешь его носить" (*Meal is caith e*). Считалось несчастливой, что женщина первой скажет это, и Хью ответил на дурное предзнаменование словами: "Да не будет тебе здоровья" (*Na na meal thusa do shlàinte*).

На завтрак Скупой, Черная цапля, прислала творог и молоко в широких блюдах. Она даже не дала ложек, а велела Хью и его людям надеть куриные накладные (*gobun cheare*) и принимать пищу. Хью долго ждал, не принесут ли масло, нетерпеливо потирая башмаки, то и дело говоря, что пора уходить, и всячески намекая, что масло могут прислать. Наконец он швырнул башмак в дом, воскликнув: "Ни башмаки, ни речь не сдвинут с места плохую хозяйку" (*Cha ghluais bròg no bruidhinn droch bhean tighe*), и потребовал принести масло. "Пришлите масло, и завтра вы сможете съесть его сами" (*cuir anuas an t-ìm, 's feudaidh tu fhein itheadh a màireach*). Она ответила: "От пинка старой обуви кожа на ладони не останется" (*Cha'n fhàg breabadair na seana-bhròig craicionn air dearnaidh*). Когда принесли масло, Хью сказал, что не хочет, чтобы творог или сыр белыми массами текли через бока его людей (*tighinn na staoigean geala roi' chliathach nam fear aige*), пинком распахнул дверь молочника, выпустил собак и ушел, оставив завтрак нетронутым. Бой произошел в Оноке-на-Сголбе, на задворках Иннсри (*cùl na h-Innsribh*), неподалеку от Цанн-а-Чнокайн и недалеко от Торнесса в Гленморе. Как и следовало ожидать от постыющихся людей, Хью и его последователи проиграли бой. Удар широким мечом снес ему верхнюю часть головы (*coran a chinn*). Но вместо того чтобы упасть замертво, он вскочил на своего коня, маленького черного жеребца с белым пятном на лбу, и с тех пор "держит свою странность", отправляясь предупреждать, когда кто-то из его рода должен умереть.^[29]

Призрачный всадник на черном коне (*marcaich an eich dhuí*), выполняя свою задачу, пересекает моря. Прибыв на Тири (где сейчас проживают всего два или три человека, утверждающих, что они принадлежат к септу Лохбуй Маклейнов), он отправляется в путь из *Порт-нан-амхна*, расположенного недалеко от *Ру-ан-т-слеибх*, в Трешинише, на острове Малл. Около пятидесяти лет назад жительница Малла утверждала, что в молодости часто слышала, как он галопом проносится мимо дома по вечерам, и видела искры от копыт его лошади, когда он скакал к берегу по пути в Тири.

Рассказывают, что один старик из Лохбуи Маклинс в Тири на смертном одре услышал, как к дому подъехала лошадь, звенящая цепью. Подумав, что это Хью из Маленькой Головы, он сказал: "Всадник на черном коне идет по своему собственному поручению" (*straoilich air seann a ghnothuich fhein*). Приглядевшись, изумленная компания обнаружила, что шум вызван фермерской лошадью, тащившей за собой цепную привязь (*langasaid*).

На большой дороге между Калачилом и Саленом в Малле Хью ночью встретил крепкого мужчину по имени Маклин. Всадник не проронил ни слова, но схватил Маклина, чтобы увести его. Маклин сопротивлялся, в борьбе вцепился в березовый саженец и сумел удержать его до петушиного крика. В борьбе березу скрутило, и один за другим ее корни поддались. В тот момент, когда последний из них поддался, раздался петушиный крик. Скрученное дерево можно увидеть и сейчас. Та же история рассказывается о скрученном дереве возле Тобермори, и похожее дерево встречается между Лохабером и Баденохом.[\[30\]](#)

Другими предчувствиями смерти были вой собак, появление огней, громкие крики и звуки плача, видения "забрала" обреченного человека, гроба, похоронной процессии и т. д. Эти звуки и явления чаще всего предшествовали случайной и преждевременной смерти, например утоплению, и чтобы правильно понять их, необходимо рассмотреть учение о втором зрении.

ГЛАВА IV. ВТОРОЕ ЗРЕНИЕ (*an da shealladh*).

Освободившись от большого количества тайн, в которые его вовлекало несовершенное понимание его характера, можно кратко объяснить, что дар второго зрения - это то же самое, что и "привидение", или подверженность "призрачным иллюзиям", когда это состояние возникает, как это часто бывает, у людей в здравом уме. Явления в обоих случаях одинаковы; разница заключается в их объяснении. В одном случае видение рассматривается как нереальное и воображаемое, возникающее в результате какого-то телесного или психического расстройства и не имеющее под собой никакой основы, в то время как в другом - на основе веры в то, что увиденный объект действительно существует и имеет независимое от провидца существование, являясь, по сути, откровением для некоторых одаренных людей о мире, отличном от мира чувств и находящемся за его пределами. Наука приняла первое как истинное и рациональное объяснение и объясняет спектральные иллюзии ненормальным состоянием нервной системы, истощением ума или тела, сильными эмоциями, темпераментом и другими бесчисленными, а порой и неясными причинами, которые приводят к галлюцинациям и бреду. Но до того, как оптические и нервные галлюцинации были признаны наукой, в то время как призраки считались внешними

реальностями, имеющими собственное существование, видения обязательно наделялись благоговением, приближающимся к ужасу, и дар или способность видеть их не могли не быть отнесены к какому-то такому объяснению, какое предлагает доктрина второго зрения.

"Пастухи Гебридских островов" обычно приписывают себе наибольшее количество обладателей этого дара, но доктрина была хорошо известна на всем Нагорье, и в нее так же твердо верили в Россшире и Пертшире, как и на самых отдаленных Гебридах. Уолдрон описывает ее как существовавшую в его время на острове Мэн. Это кельтская вера, и предположение о том, что она является остатками магии друидов, небезосновательно. В каждую эпоху есть люди, которых преследуют призраки, и вполне вероятно, что мудрые кельтские жрецы, принимая призраки за внешние, свели дар видеть их к системе, вера в которую составляла часть их учения. Этим объясняется тот факт, что второе зрение процветало у кельтов больше, чем у любой другой расы.

Гэльское название *da-shealladh* означает не буквально "второе зрение", а "два зрения". Видение мира чувств - это одно зрение, которым обычно обладают все, но мир духов виден только определенным людям, и обладание этим дополнительным зрением дает им "два зрения", или, что то же самое, "второе зрение". Через него они видят призраков умерших, возвращающихся на землю, и призраков, двойников или явлений живых.

Мир, к которому принадлежат явления, авторы книг о втором зрении называют "миром духов", но это выражение не совсем верно передает идею, связанную с подобными видениями. Видимый объект, обычно принадлежащий другу или знакомому, фантом, призрак, явление или как бы мы его еще ни называли, признавался настолько же независимым от человека, чье подобие он носил, насколько и от того, кто его видел. Он ничего не знал о появлении фантома, это был не его дух, и он играл свою роль без его ведома или желания. Провидец, опять же, не мог или не хотел связывать его с чем-то в себе; он не возникал из каких-то его надежд или страхов и не был воспроизведением какого-то прежнего состояния его ума или мыслей. Что же касается того, что он был обязан своим происхождением чему-то ненормальному в себе, то он был (насколько он мог судить) так же здоров душой и телом, как и другие люди. Поэтому до тех пор, пока люди считали фантом внешней реальностью, они были вынуждены верить в двойников, или подобия, которые движутся в мире, который не является ни миром чувств, ни миром духов. Действия и появления этих двойников не имеют аналогов в прошлом или настоящем, и, естественно, относятся к будущему и далекому.

Видимый объект, или фантом, называется *тайбхс* (произносится *тайш*), видящий - *тайбхсеар* (произносится *тайшер*), а дар видения, в дополнение к своему названию второго зрения, известен как *тайбхсеарахд*. Примечательно, что многие слова, обозначающие духов и призраков, начинаются с этого слога *ta*. Стоит обратить внимание на следующие:

Таннас, или *Таннасг*, призрак, как правило, мертвых, и по связанным с ним представлениям более теневой, бесплотный и духовный, чем *бочдан*.

Тамхасг (произн. *taüs*g), тень или двойник живого человека, - общее название явлений, которые преследуют людей и с которыми, согласно доктрине второго зрения, они должны проводить свидания.

Tàchar - редкое и почти устаревшее слово, но производные от него, *tacharan* и *tachradh*, все еще широко используются. Единственные известные писателю случаи его употребления - в названиях мест. *Sròn an tàchair*, "Нос с призраками", - скала между Кинлох-Раннох и Друим-а-

Частайл в Пертшире, где были слышны слабые таинственные звуки, и при прохождении которой путника покидал загадочный призрак, который присоединялся к нему в углублении внизу. *Имур-тачер* на острове Иона - это хребет, ведущий от возле церковных зданий к холму, и, пока болото, через которое он проходит, не было осушено в последние годы, он представлял собой возвышение над водной гладью - очень вероятное место, где обитали гоблины. У коренных жителей острова нет никаких традиций или объяснений этого названия. Производные *tachradh* и *tacharan* применяются к слабому и беспомощному человеку: когда первый слог долгий, с жалостью; когда короткий, с презрением, как, *например, an tächradh grànda*, "уродливый жалкий человек".

Tàslaich - сверхъестественное предчувствие, ощущаемое или слышимое, но не видимое. Также применяется к призракам живых людей. Например, уроженец Скай на вопрос, почему собаки лают по ночам возле церковного двора, ответил, что это потому, что они видят *tàslaich nan daoine beò*, призраков живых, предчувствие похорон.

Tàradh, шумы (*straightly*), раздающиеся по ночам в доме, указывающие на смену жильцов, предчувствие таинственными звуками грядущего события.

Taran - призрак некрещеного ребенка (Dr. Macpherson, p. 307), сейчас это слово не распространено.

Tàsg, возможно, сокращение *om tamhasg*, часто используется в выражении *eigheach tàisg*, крик или плач приманки. Ср. *taghairm*, призыв духа.

Вся доктрина этих явлений живых, или, как их называют в Камберленде, *свирелей*, и предчувствий грядущих событий, основывается на предположении, что у людей есть аналог или другое "я", *alter ego*, которое ходит неизвестно где, со своими голосами, чертами лица, формой и одеждой, вплоть до обуви, и видно тем, кто обладает несчастным даром второго зрения. Этот фантом, или другое "я", не является жизнью или духом человека, которого он представляет. Он не имеет к нему никакого отношения; возможно, в момент его появления он погружен в бессознательный сон, или его внимание и желания заняты чем-то иным, и смерть может вообще не являться предметом его размышлений. В то же время она не может не быть связана с ним. Сильное желание может заставить *тарадх* быть услышанным в том месте, где он желает быть, и если с человеком, чей призрак видят, поговорить, то явление исчезнет; но в целом *таибхс* не зависит ни от мыслей, ни от действий, ни от эмоций человека, которого он представляет. Доктрина не утверждает, что все люди имеют такого двойника, и тем более не утверждает, что те, кто наиболее одарен вторым зрением, видят его всегда или даже часто. Призраки видны провидцу только в исключительных обстоятельствах, в определенных ситуациях и в определенное время. Самые обычные из них - после наступления сумерек и при свете костра, когда произошла или должна произойти внезапная или насильственная смерть, когда болен друг, когда должны прийти незнакомые люди или надвигается какое-либо событие, способное произвести глубокое впечатление на сознание.

Призраки часто видны с такой же отчетливостью, как и внешние объекты, и было бы большой несправедливостью бедняге, утверждающему, что у него есть видения вещей, которых вовсе нет, сказать, что он говорит неправду. Для него видение действительно существует, и вполне естественно думать, что оно существует отдельно от него, а не относить его к ненормальному состоянию его разума и нервной системы. Некоторые призраки "движутся вместе с движущимся глазом", являясь тем, что поэт называет "жесткими механическими призраками"; другие имеют собственное движение и, вероятно, возникают в мозгу. Первые наиболее распространены, и среди *тайшеров* было принято проверять,

является ли увиденная фигура призраком или нет, - опускаться и внезапно подниматься. Если фигура делала то же самое, то это было наваждение, *тамхасг*.

Дар второго зрения ни в коем случае не считался завидным или желанным. Провидцы часто выражали желание, чтобы у них не было такого дара. В некоторых случаях этот дар передавался по наследству; в других, но более редких случаях, провидец был единственным в своем роду, кто "прозревал" (*chi sealladh*). У одних это случалось в раннем детстве, у других - лишь в зрелом возрасте. Уже одни эти особенности указывают на то, что по своему происхождению оно схоже со спектральными иллюзиями. Они возникали из-за наследственных болезней, пороков развития или слабости органов зрения, а также нарушений душевного и телесного здоровья. Они не были *добровольными*; видения приходили и уходили по желанию провидца, а то, что его посещали эти видения, он сам и другие считали скорее несчастьем, чем даром. Также было отмечено различие в видах явлений, видимых разными людьми.

Если видели фигуру знакомого, то по тому, как был одет *тайбхс*, опытный провидец мог определить, какая судьба постигла или постигнет человека, чей *тайбхс* это был. Если явление было одето в мертвую одежду, то человек должен был скоро умереть; если же в повседневную одежду, то смерть не наступит еще какое-то время. Если одежда закрывала все лицо, то смерть наступала очень скоро; если лицо было непокрыто или частично закрыто, то смерть наступала в более отдаленной перспективе. Другие видели мертвую одежду сначала на голове, и с каждым последующим видением она опускалась все ниже. Если ноги были прикрыты, смерть была неминуема. Однако существовали как могильные одежды, предвещающие удачу (*lion-aodach àigh*), так и могильные одежды, указывающие на смерть (*lion-aodach bàis*), и считалось, что самому искусному провидцу очень трудно их различить. По его словам, нужно было внимательно рассмотреть призрак, чтобы определить, что на нем надето.

Время суток, в которое было явлено видение, также являлось показателем. Чем позже день, тем быстрее смерть. Если в пять часов вечера, то скоро, а если в два часа ночи, то человек может жить годами.

Если увиденный человек должен был утонуть в море, вокруг фигуры появлялись фосфоресцирующие отблески (*teine-sionnachain*), какие часто встречаются в Гебридских морях летними ночами, , или с одежды капало, или в обуви была вода.

Считалось, что *смуглые* двойники выполняют все действия и занимают те места, которые впоследствии выполняли или занимали оригиналы. Особенно это касалось похорон. Они отправлялись за бокалами, которые должны были использоваться по этому случаю, за гробом и даже за деревом для его изготовления, и меланхолично шествовали к церковному двору. Увидев похоронную процессию, провидец не мог сказать, кроме как по умозаключению, чьи это похороны. Если он мог сказать что-то прямо, это могли быть, как это иногда бывало, его собственные похороны. Он мог лишь определить наряд, место в процессии и внешний вид тех, кто исполняет печальную обязанность. Опасно идти ночью посреди дороги, если вдруг встретишь одну из таких процессий и будешь сброшен или вынужден стать одним из носильщиков гроба на кладбище. Людям, оказавшимся в таком положении, очень трудно удержаться на дороге: кажется, что вся тяжесть гроба наваливается на них и сталкивает с тропинки. Если провидец идет среди смуглых людей, его, скорее всего, собьют с ног, но в некоторых районах, например в Мойдарте, ему в руку втыкают один из шестов или носилок (*lunn*) гроба, и он вынужден принимать участие в процессии до тех пор, пока его не освободят в положенное время. В Дурнесе, в

Сазерлендшире, крик "Облегчение!", раздающийся при каждой смене носильщиков гроба, слышали по ночам люди, чьи дома находились рядом с дорогой, по которой шли призраки в своем призрачном шествии. Люди, которых считали обладателями второго зрения, хватали за руки и оттаскивали в сторону, чтобы дать возможность пройти призрачным похоронам; и все верили, что если провидец видит подобную процессию или любое из своих сверхъестественных видений, он может заставить других увидеть то же самое, поставив ногу на ногу и положив руку на плечо. Поэтому он никогда не должен ходить ночью посреди дороги. Таишеры никогда так не делали. В любой момент путник может столкнуться с призрачными похоронами, быть сброшенным или придавленным неземной тяжестью.

Видения провидца не всегда были связаны с меланхолическими событиями, надвигающейся смертью, похоронами и несчастьями. Иногда ему являлись приятные видения, и он видел свою будущую жену, еще до того, как подумал о ней (по крайней мере, так он говорил), сидящей у камина на том месте, которое ей впоследствии предстояло занять. Он мог сказать, идет ли домой отсутствующий друг, и будет ли у него что-нибудь в руках, когда он придет. Он не мог сказать, что это будет за вещь, а только общий вид отсутствующего человека, когда он вернется, и должен ли он прийти с полными или пустыми руками.

Было сказано, что фантом (*taibhs* или *tamhasg*) не зависит от мыслей и воли тех, кого он представляет, а также самого провидца. В то же время в вероучение входило, что если с человеком, чьего двойника видели, поговорить и попросить его прекратить преследования, то досада прекращалась. Собеседник, совершенно не сознавая, что его фантом бродит вокруг и кому-то досаждаёт, очень сердился, но каким-то образом призрак переставал появляться. Однако перед тем как окончательно уйти, он нанес тому, кого преследовал (по словам информатора), "один громовой удар плетью". После этого его больше не видели.

При первой встрече с двойником, если принять его за человека, чье обличье он носит, и поговорить с ним, он обретает способность заставлять того, кто к нему обратился, проводить с ним ночные свидания в будущем. Человек, по сути, с этого часа становится "призраком". Отсюда и принцип второго зрения - никогда не говорить первым, встретив знакомого ночью, пока не убедится, что увиденная фигура не от мира сего. Провидец не любил, да и не смел, рассказывать другим, чья фигура его преследует. Если он это делал, то гнев призрака разгорался, и на следующий вечер он подвергал его страшной порке. Когда он сопротивлялся, то хватался лишь за тень, в борьбе его неоднократно бросали вниз и наносили сильные ушибы. Эта форма болезни была хорошо известна на Западных островах. Одержимый, как и в случае с теми, у кого были возлюбленные Феи, должен был выходить из дома в определенный час вечером, чтобы встретиться с призраком, и если он осмеливался хоть на одну ночь пренебречь назначением, то в обязательном порядке получал жестокую порку. Иногда на этих встречах призрак выступал и сообщал информацию о смерти провидца и других людей. Обычно, однако, речь его была просто невнятной, похожей на бормотание (*tormanaich bruidhinn*).

У людей, отмеченных вторым зрением, наблюдалось своеобразное выражение глаз. Один из них, например, в Харрисе был описан как "всегда смотрящий вверх и никогда не смотрящий вам прямо в лицо". Люди с задумчивым, меланхолическим характером наиболее подвержены призрачным иллюзиям, и можно только ожидать, что мрачность их характера проявится в их взгляде и что многие из их видений будут связаны со смертью и похоронами.

Среди суеверных и доверчивых людей второе зрение или претензия на него, должно быть, служили мощным оружием раздражения, и есть основания полагать, что, помимо случаев нервного бреда и одурачивания людей их собственными фантазиями, было немало случаев самозванства и замысла. Это было настолько распространено, что один человек с безусловно хорошим характером, родившийся и воспитанный среди верующих во второе зрение и сам не страдавший недоверием по этому поводу, сказал: "Я никогда не знал правдивого, заслуживающего доверия человека (*duine firinneach creideasach*), который был бы таишером". В то время как видение призраков называлось "вторым зрением" и наделялось таинственностью и благоговением, несомненно, многие претендовали на него ради благоговения, которое оно внушало им, чтобы досадить тем, кто им не нравился, или нажиться на нем среди тех, кто беспокоился о будущем или отсутствовал.

СПЕКТРЫ ЖИВЫХ (*Tamhasg*).

Около тридцати лет назад одного человека в Тири по прозвищу Поулт (*am Big-ein*) в течение нескольких месяцев преследовал призрак человека, у которого он в то время находился на службе. Призрак регулярно приходил за ним каждый вечер, а если его зов игнорировался, то на следующий вечер он устраивал ему жестокую порку. По словам самого человека, призрак иногда говорил, и, когда он понимал, что говорит, давал дельные советы. В целом же его речь была невнятной и неразборчивой. Человек, чьим призраком он был, когда с ним заговаривали на эту тему, очень сердился, но визиты призрака прекращались.

Несколько лет назад один молодой человек, также житель Тири, возвращался домой около полуночи с приходской мельницы, где он сушил кукурузу в печи. Ему пришлось идти против сильного северо-западного ветра, и, наклонив голову и плохо видя перед собой, он столкнулся с фигурой, которую принял за фигуру своего знакомого молодого человека. Он заговорил с ним, и фигура ответила ему прерывистой, невнятной речью (*tormanaich bruidhinn*). Каждый вечер после этого в течение полугода ему приходилось выходить из дома, в котором он служил, чтобы встретить, по его собственным словам, призрак, который таким образом его встретил. Один человек, сомневавшийся в этом, проследил за ним однажды вечером и увидел, как он, сразу после выхода из дома, боксирует с каким-то невидимым противником и падает в каждом раунде. Призрачный юноша рассказал, что явление дало ему много информации. Оно сообщило, что человек, чье подобие оно носило, должен был умереть от лихорадки, что гроб должны были вынести из дома некие люди, которых оно назвало, и поставить на два вертела за дверью. После разговора с мальчиком, чье видение преследовало его, преследование прекратилось. По общему мнению, это был случай самозванства и умысла.

Недалеко от Салена, в Малле, один рабочий, возвращаясь вечером домой с работы, забыл взять с собой пальто. Он вернулся за ним, и тут его встретило явление (*tamhasg*) женщины, которая отжала его (*plùchadh*) и заставила не вставать с постели в течение нескольких дней.

Говорят, что на том же острове один человек был сбит с лошади призраком.

Один крофтер (или арендатор небольшого участка земли, на который он не имеет права аренды) в Каоласе, Тири, вышел ночью посмотреть, чтобы лошади его соседа не посягнули на клевер, который он выращивал на своем участке. Он был человеком, который, по его признанию, обладал вторым зрением. В этот раз он заметил человека, который шел параллельно ему, но на небольшом расстоянии. Сначала он подумал, что это сосед, Блэк Аллан, пытается напугать его, но, пораженный движением и молчанием фигуры, он пригнулся, а затем резко поднялся. Фигура сделала то же самое - доказательство того, что

она была *тамхасгом* или призраком. Провидец добрался до дома, бледный и готовый упасть в обморок, но больше его видение ничего не принесло.

Три года назад один человек, утверждающий, что обладает вторым зрением, возвращался ночью домой в Баррапол, в западной части Тири, с мельницы (которая находится в центре острова) с мешком муки на спине. Он положил мешок и прилег отдохнуть на обочине. Когда он снова взвалил ношу на плечо, то заметил, что рядом с ним стоит какая-то фигура, а затем пружинит по верху мешка на его спине. Она оставалась там, делая мешок очень тяжелым, пока он не добрался до дома, расположенного в нескольких милях дальше.

Сын провидца из Колла находился в южной стране. Провидец во время погружения несколько раз видел, как сын оказывал ему помощь, а в двух случаях, когда он возвращался домой с полным вертелом торфа, после отдыха в пути, видел, как он помогал ему снова поднять вертел на спину. Вскоре пришло известие о смерти его сына.

Александр Синклер из Эррея, что в Малле, был убит горем в Фьюнери в Морвене. В него влюбились две, если не три, женщины из прислуги. Однажды ночью ему пришлось пересечь мост, расположенный неподалеку, между Савори и Салаханом, и ему явились две женщины, в которых он узнал своих сослуживиц. Одна из них, по его словам, представляла собой фигуру маленькой темной женщины и подняла его над парашютом. Другая была фигурой доярки, в доме которой он находился, и она спасла его. Приключение закончилось тем, что он женился на доярке.

Один человек, возвращавшийся ночью домой в Ледмор (*Леудмор*), расположенный недалеко от Лох-Фриса в Малле, увидел кухарку из дома, в котором он служил, поджидавшую его на другой стороне брода, лежавшего на его пути. Заподозрив неладное, он пошел дальше по течению, чтобы избежать ее, но она поджидала его у каждого брода. Наконец он переправился и продолжил свой путь, а явление сопровождало его. На вершине первого склона явление сбросило его вниз. Он поднялся, но его снова бросили. Он боролся, но фигура, по его словам, не имела веса, и он ухватился только за ветер. На самой высокой части подъема, называемой *Гуала Спинне*, видение покинуло его. Вернувшись домой, мужчина поговорил с женщиной, чей призрак его встретил. "В следующий раз, - сказал он, - когда ты встретишь меня, я зарежу тебя". Это заставило женщину заплакать, но больше его никогда не беспокоило ее явление.

Уроженец Гленбега в Арднамурчане, Хендерсон по имени, служил в Килфиничене в Малле. Одна из служанок сделала ему подарок - пару камвольных перчаток. Вернувшись домой со службы, он однажды вечером, ближе к сумеркам (*am bial an anntuich*, дословно: "с опозданием"), отправился из Гленбега в Килчоан по тропинке через крутой склон со стороны возвышенности Бен-Шианта, к выступу, известному как "Нос Маклинов" (*Sròin Chloinn Illeathain*). Подобные крутые горные тропы называются *Catha*, а этот конкретный *Catha* - *Catha na Muice* (свиной перевал). Недалеко от вершины подъема (*aonaich*), где трудный путь заканчивается (*bràighe na Catha*), есть узкая ступенька (*aisre*), которую может пересечь только один человек за раз, ведущая к другому подъему (*aonaich*). Когда Хендерсон поднимался по первому подъему (*cadha*), ему явилась женщина, которая сделала ему перчатки в Килфиничене. Она была с другой стороны от него, и он увидел, что, когда он дойдет до *aisre*, если она решит подтолкнуть его, он будет сброшен на черный берег (*du-chladach*), над которым нависают скалы, и превратится в бесформенный сверток (*seirgein cuagach*). Он благословил себя и, набравшись храбрости, благополучно переправился. Когда он оказался на более ровной земле, в направлении Коррей-Вулин, он взял перчатки, которые она ему дала, и бросил их ей, сказав: "Это все, что у тебя есть ко мне". В ту ночь он

остановился в *Лага-Флиуч*, а на следующий день отправился в Килчоан. Вернувшись, он поискал перчатки и увидел их там, где бросил. Больше видение к нему не возвращалось.

ЯВЛЕНИЯ МЕРТВЫХ.

Один тайшер в Тири наткнулся на мертвое тело, выброшенное на берег моря. На трупе не было ничего из одежды, кроме пары морских сапог. Старики считали своим долгом, когда им попадалось утонувшее тело, перевернуть его или как-то передвинуть. В данном случае провидец пришел в такой ужас, что, вместо того чтобы сделать это, убежал. Однако пришли другие люди, и тело было похоронено должным образом. После этого мертвец стал преследовать провидца, то и дело появляясь и наводя на него ужас. Однажды ночью, возвращаясь домой, он увидел перед собой труп, куда бы он ни повернулся, а когда дошел до дома, он стоял между ним и дверью. Он шел, пока не приблизился к дому, а затем позвал жену, чтобы она взяла веник и окропила мочой дверные косяки. Когда это было сделано, он смело пошел вперед. Призрак при его приближении вскочил с земли и встал над дверью, упираясь ногами с каждой стороны в двойные стены. Провидец вошел между его ног и больше никогда не видел этого ужасного явления.

У одного тайшера из Колла второе зрение открылось только через некоторое время после его женитьбы. Однажды, работая с товарищем у берега, он ненадолго отлучился, но пробыл так долго, что, когда вернулся, его спросили, что его задержало? Он ответил, что смотрел на тело утопленника, которое волны раскачивали взад и вперед возле скал. Другие, однако, считали, что он нашел тело на берегу, разобрал на нем одежду, а затем снова бросил в море, и что второй взгляд был проклятием, посланным ему за этот поступок. Не вызывает сомнений, что с того дня у него появилось второе зрение. Друзья поначалу сомневались в нем, когда он говорил, что видит видения, но однажды он сказал сестре, что перед утром в доме появится некая веревка, которую нужно использовать для тела, лежащего на "прямой доске". Так и случилось, и за ним закрепилась репутация тайшера.

Однажды известный провидец по имени *Мак Дхомнуилл Ойг* из Килмолуага, Тири, сидел дома, когда вошел его брат и, открыв сундук в комнате, достал оттуда деньги. На расспросы провидца брат ответил, что собирается заплатить такому-то и такому-то сапожнику за пару обуви, которую недавно получил от него. Брат вскоре умер, и сапожник потребовал плату за обувь. Провидец горячо воспротивился этому требованию, так как сам видел, как его брат брал деньги именно для того, чтобы заплатить за них. Однако в ту же ночь он увидел, как тень покойного брата пересекла комнату и, как ему показалось, шарила в каком-то месте на верху внутренней стены дома. На следующий день провидец сам поискал в том же месте и нашел там деньги, которые были вынуты из сундука, чтобы заплатить за обувь. Он мог только думать, что эти деньги были положены туда его братом при жизни и забыты.

Один тайшер, чей дом находился в Кроссаполе, где находится могильник острова Колл, возвращаясь домой из гавани Арнагура, расположенной примерно в шести милях, пережил множество несчастий (*driod-fhortain*), таких как падения и т. д. Придя домой, он обнаружил своего единственного ребенка, мальчика лет двенадцати, мертвым на погребальной площадке, куда тот отправился поиграть и заснул. Его внутренности (*màthair a mhionaich*) выпирали. Провидец в рассеянности бил палкой по окрестным могилам, обвиняя их хозяев в равнодушии к нему и его дому и говоря, что среди них много его сородичей, хотя они и допустили, чтобы это зло постигло его ребенка. Той ночью во сне ему явился голос, сказавший, что он не должен сердиться на них (тени мертвых), поскольку в тот день они были в Айлее, убирая "чужую кровь" с могилы Лахлана Мора (*cumail na fuil choimhich a uaigh Lachuinn Mhòir*), и не присутствовали при спасении ребенка. Этот Лахлан Мор был человеком

огромного роста и телесной силы, вождем Маклинов из Даурта, а значит, родственником Маклинов из Колла, который был убит в кровавой битве кланов на Груинард-Бич, на острове Айла, и похоронен на церковном дворе Килчомана. Узнав о видении провидца, лэрд Колла отправил лодку на остров Айла, и там выяснилось, что в день убийства ребенка была предпринята попытка поднять надгробный камень вождя для погребения моряка, чье тело выбросило на берег соседнего пляжа. Попытка не удалась, и камень остался лежать на краю (*air a leth-bhile*). Тени навалились на него своим весом, так что дальше сдвинуть его не удалось.

Эту историю писатель не раз слышал в качестве положительного доказательства реальности второго зрения (*tabhsearachd*), то есть способности некоторых людей видеть и слышать духов, или что там еще представляют собой призраки. О том, что мертвые могут накладывать тяжелый груз как на людей, так и на вещи, и даже наказывать живых, свидетельствуют следующие истории.

На том же острове Колл лежала больная жена Дональда Прекрасноволосого (*Dòmhnall Bàn*). У нее были странные ощущения подавленности и болезни (*tinneas 'us slachdadh*). Отец Дональда был тайшером и пришел к ней. Посидев и понаблюдав некоторое время, он сказал ей, что она сама виновата в своей болезни, что она, должно быть, совершила какой-то недобрый поступок по отношению к своей матери, и что ее угнетенное состояние вызвано тем, что дух ее умершего отца пришел и навалился на нее. Провидец утверждал, что видит, как дух умершего опирается своим весом на больного человека.

Одна женщина (в рассказе, происходящем из Пертшира, не говорится, где именно), подвергаясь жестокому обращению со стороны мужа, слишком сильно и неоправданно желала, чтобы ее брат, умерший некоторое время назад в Эдинбурге, был с ней, чтобы принять ее участие. Вскоре после этого, когда она осталась одна, появилась тень ее брата и недовольным тоном спросила, в чем дело и зачем он ей нужен. Она рассказала. Ее муж в это время пахал на поле перед домом. Женщина увидела, как тень направляется к нему, и когда она достигла его, муж упал замертво.

СИЛЬНЫЕ И НЕОБОСНОВАННЫЕ ЖЕЛАНИЯ.

По сути, это часть вероучения Второго зрения, согласно которому человек никогда не должен потакать сильным желаниям, чтобы не переступить границы дозволенного и не пожелать того, чему Провидение не предназначило быть. Такие желания влияют на других, особенно если эти другие обладают чем-либо из Второго зрения.

Одна женщина на острове Харрис, известная как *Фионнагал а Мхойр*, прославилась своим даром Второго зрения. Один молодой человек, связанный с ней, отправился в Аппин, что в Аргайлшире, на лодке. Однажды, закуривая, он выразил желание, чтобы *Фионнагал а Мхойр* затянулась его трубкой. На следующий день, и задолго до того, как в Харрисе стало известно, что юноша выразил такое желание, Флора, дочь Большого человека (ведь именно так ее зовут), рассказала своим друзьям, что юноша всю ночь предлагал ей трубку и что она очень хотела бы выкурить ее, но не могла.

Молодая девушка в Кенновэе, Тири, держа в руках миску с молоком, загадала желание, чтобы миска досталась какой-то женщине (назвав одну из них, которая была *тайбхсеар*). На следующий день женщина, указанная в желании, сказала девочке, что ей было очень тяжело всю ночь держать миску подальше от губ.

Совсем недавно, не более четырех лет назад, когда водитель почтовой телеги ехал ночью через лес Нант (*Coill an Eannd*), между Бонаве и Лох-Аве, его встретила фигура его возлюбленной, и он получил от нее такую сильную взбучку, что вынужден был повернуть назад. Рассказывая потом об этом самой себе, она призналась, что в ту ночь очень беспокоилась за него и хотела бы перехватить его, если бы в конце пути он зашел в дом, где началась лихорадка.

Одна женщина в Лисморе, приготовив вечером миску каши (*brochan blàth*), выразила желание, чтобы ее муж, который в это время находился на рыбалке в Корпаче, недалеко от входа в Каледонский канал, отведал приготовленный ею напиток. Когда муж вернулся домой, он сказал ей: "Вот что я тебе скажу: ты больше не придешь ко мне в Корпач с кашей". По его словам, она всю ночь просидела у его постели, предлагая ему кашу.

Сила, которую приписывают сильным желаниям, или, скорее, дурные последствия, к которым они могут привести, еще более убедительно иллюстрируется следующей историей.

Молодая женщина в Барре, Морверн, красивая и очень уважаемая в своем районе, собиралась выйти замуж. Вместе с ней в доме находились другие девицы, которые шили платья для свадьбы. Когда они сидели за работой, она вздохнула и сказала, что хотела бы, чтобы ее суженый пришел. В этот момент он как раз шел по дороге, опираясь на плечо Бен Иадайн, возвышенной горы неподалеку, имеющей странный вид и славящейся тем, что ее часто посещают феи. Он заметил, что его возлюбленная идет рядом с ним, и когда теневое присутствие повалило его на землю, он несколько раз ударил по нему своим кортиком. Невесте стало плохо, и, прежде чем жених добрался до дома, она умерла. Фетч" покинул его незадолго до приезда, и ее смерть наступила одновременно с его исчезновением.

Говорят, что появление призрака считалось совершенно независимым от мыслей или воли человека, чей образ он несет. И все же рассказы о втором зрении указывают на некую таинственную связь между людьми и их двойниками. Сильное желание, как в вышеприведенных случаях, приводит к тому, что иногда подобие человека можно увидеть или услышать в том месте, где он желает быть, и оригинал (так его можно назвать) может быть затронут через своего двойника.

Один человек на острове Айла столкнулся с призраком и бросил в него свой открытый перочинный нож. Оружие попало призраку в глаз, и в этот момент женщина, чье подобие он носил, находясь в нескольких милях от него, ослепла на один глаз.

У одной молодой женщины, жившей в Скае, был любовник, моряк, который находился в Ост-Индии. В ночь на Хэллоуин она отправилась, как принято в деревенских забавах, дергать кайл, чтобы по тому, кривой он или прямой, или нагружен землей, узнать характер, внешность или богатство своего будущего мужа. Когда она схватилась за чубук, чтобы выдернуть его, с неба упал нож и воткнулся в растение. Когда ее возлюбленный вернулся домой, она узнала от него, что в ту же ночь и примерно в тот же час он стоял у фальшборта корабля, глядя на борт, с ножом в руке. Он думал о ней, и в задумчивости нож выпал из его руки и упал за борт. Девушка достала нож, который она нашла в кайле, и оказалось, что это тот самый нож, который потерял ее возлюбленный-моряк.

ТАРАДХ.

Когда человек сильно желает оказаться где-либо, как, например, когда человек, отправляющийся в путешествие ночью, желает оказаться дома, его шаги приближаются к дому, или слышны звуки поднятия дверного засова, или виден проблеск его внешности, в момент зарождения или выражения желания, и даже без какого-либо желания в уме отсутствующего человека могут быть видны или слышны виды или звуки, указывающие на его приход. Это предшествующее предвестие называется его *tàradh*, а его двойник или тень, которая является его причиной, - *tàslach*. Эти таинственные разумные существа также называются *manadh nan daoine bèo*, "предзнаменования живых людей". Семья, сидящая вокруг вечернего костра, слышит шаги, приближающиеся к дому, и даже стук в дверь. Звуки настолько похожи на живые, что кто-то идет открывать дверь, но там никого нет. Звук - это всего лишь *tàradh* отсутствующего друга, занесенного бурей или заблудившегося и желающего оказаться дома.

Это может быть и голос совершенно незнакомого человека, который не думает о месте, куда пришел, и, возможно, даже не знает его. Когда должна произойти смена жильцов, о появлении чужака возвещают, возможно, за много лет до этого, его двойники. Говорят "*thàinig a thàradh*", то есть пришел его призрак или предупреждение. Когда пастух, например, из другой части страны, приезжает в какое-то место, его подобие, фантом или *tàradh*, видят, возможно, за много лет до этого на холмах, которые он впоследствии так часто будет пересекать. Этот фантом или двойник есть не у всех людей, и не видно, чем те, у кого он есть, отличаются от других людей. Во всяком случае, если он есть у всех людей, его не всегда можно увидеть.

Ощущение гнета по ночам, звук шагов по дому и шум передвигаемой мебели - предвестие смены жильцов и *tàradh* приходящего арендатора.

На острове Колл, вожди которого в былые времена были одними из самых знаменитых в Западном нагорье, и где о возвращении прежних лэрдов говорят, в него верят и о нем молятся те немногие из оставшихся коренных жителей, фигуру грядущего лэрда, как говорят, видели слуги замка, сидящего в пустом кресле, с длинной бородой, ниспадающей до груди.

Молодой человек, спавший один в доме, в котором его отец держал лавку в Скаринише (Тири), однажды ночью почувствовал такую тяжесть в груди, что не мог заснуть, и услышал звуки, как будто в доме были люди. Он встал и тщательно обыскал дом, но никого не обнаружил. Вскоре в доме сменился обитатель.

На необитаемом и одиноком островке *Фладдакуэйн*, к востоку от Ская, несколько рыбаков во время шторма варили картошку в заброшенной хижине и услышали шум голосов снаружи. Выйдя на улицу, они никого не обнаружили. Такое происходило трижды. Через несколько дней после этого, еще до того, как рыбаки ушли, лодка, идущая к внешним Гебридам, была вынуждена из-за непогоды укрыться на том же островке. Голоса его экипажа были точно такими же, как и в предыдущий раз. Больше в связи с этими звуками ничего не происходило.

Дух, приходящий в видимой или слышимой форме о сокровище, которым слишком заняты мысли или где человек слишком сильно желает оказаться, также называется "*falbh air fàrsaing*", то есть идущий бесконтрольно (?).

БРАК.

Люди, одаренные вторым зрением, иногда могли определить внешность будущей жены человека. Они видели ее тайш, или внешность, сидящей рядом с мужем, и это задолго до того, как событие происходило или о нем говорили. Например, известно, что провидец заметил молодому человеку, который в то время не мечтал о женитьбе: "Я думаю, что твоя жена должна принадлежать к большому дому, потому что на ней белый фартук" и т. д.

Случившееся доказало, что видение было реальным. Женщина была горничной в доме джентльмена. Провидцы также говорили, что видели своих будущих жен, сидящих напротив них у камина.

Уроженец Колла Хью, сын Дональда Рыжего (*Eoghan MacDhòmhnuill Ruaidh*), служа в своем полку в Африке, рассказывал, что почти каждый вечер в течение пяти лет он видел проблески женщины, на которой впоследствии женился и которую никогда не видел в реальности до своего возвращения с войны. Где бы он ни сидел после дневного марша, рядом с ним появлялась женская фигура, и иногда ему казалось, что она легонько касается его плеч. В каждом случае он лишь мельком видел ее. Когда покинул армию и возвращался домой, он заехал в деревню Дервейг в Малле, из окрестностей которой ходил паром на Колл. Он случайно зашел в один из домов в деревне, и его внимание неожиданно привлек звук работающего ткацкого станка в доме. Подняв голову, он увидел, что за ткацким станком сидит та самая женщина, чья фигура пять лет преследовала его в Африке. Он женился на ней.

ГРЯДУЩЕЕ НЕСЧАСТЬЕ.

Один тайшер из Каоласа, Тири, был замечен в том, что очень не любит ходить домой за едой. Когда его спросили об этом, он сказал, что дома он видит ужасную черную женщину с головой "черной, как горшок", и если ему случалось мельком увидеть ее во время еды, ее отвратительный вид заставлял его подняться от еды. Он сказал, что не узнал эту женщину и не смог сказать, кто она или что она. Так продолжалось в течение трех месяцев, когда в этом местечке свирепствовала оспа, и родная сестра провидца перенесла болезнь очень тяжело. Ее голова стала отвратительной и буквально "черной, как горшок", и люди поняли смысл видения.

Прославленный провидец из той же деревни, Дональд Блэк (*Domhnall Mac an dui*), был женат в четвертый раз. В его времена люциферовые спички были неизвестны, и, когда сушили кукурузу в печи, человеку приходилось сидеть всю ночь, чтобы поддерживать огонь. Когда Дональд сидел за этой работой в одинокой хижине, в которой до сих пор хранятся небольшие печи, появилась фигура его первой жены и сказала, чтобы он остерегался, потому что "ужас" (*an t-eagal*) приближается, он был у Конского башмака (*crudh an eich*), места на общественной дороге, ведущей в Каолис, примерно в полтора милях от него, получившего свое название из-за явного подобия конского башмака, вырубленного в скале. Однако он уже снова погрузился в сон, когда его вторая жена более тревожным тоном предупредила его о том, что "ужас" находится совсем рядом - у ворот Топливного загона (*Cachlaidh na Cuil Connaidh*). Он проигнорировал и это предупреждение и снова задремал, когда третья жена предупредила его, что "ужас" находится в верхней деревне (*Bail' uachdrach*). Он немедленно отправился домой и едва успел лечь в постель, как раздался звук, подобный порыву сильного ветра, и весь дом затрясся, так что стены словно рухнули. Если это не был "ужас", о котором его так странно предупреждали, Дональд не мог дать другого объяснения.

СОБЫТИЯ НА РАССТОЯНИИ.

Около шестидесяти лет назад провидец из Руаига, Тири, соседней с предыдущей деревни, однажды работал в поле, увязывая снопы за жнецами, - работа, поручаемая старикам. Один из его сыновей уехал в Росс-оф-Малл за грузом торфа. Внезапно старик вскрикнул: "Увы! Увы! Моя потеря!" (*och! och! mo chreach!*) Его дети собрались вокруг него в большой тревоге, чтобы узнать причину его беды. Он велел им подождать минуту и через некоторое время сказал, что все в порядке, его сын в безопасности. Оказалось, что в момент его восклицания лодка, в которой находился его сын по пути из Росс-оф-Малл, столкнулась с другой лодкой у Голландской шапки (*Am Bas Mòr*), острова особой формы на пути, и его сын был выброшен за борт, но вовремя спасся. Вид этого происшествия, который дал провидцу его мистический дар, и стал причиной его восклицания.

СМЕРТЬ.

Бредовые видения так часто связаны с задумчивым, мрачным настроением, что неудивительно, что люди, обладающие вторым зрением, обычно видят печальные картины, или что смерть - это событие, о котором тайшеры особенно хорошо осведомлены. Согласно учению, вся церемония, связанная с похоронами, репетируется призраками, которые являются тенями, фантомами, явлениями, тайшами, двойниками, смуглыми, или как их еще назвать, живых людей, не только тенью того, кто должен умереть, но и тенями всех, кто должен участвовать в церемонии. Призраки отправляются за деревом для гроба, гвоздями, одеждой для покойника и всем остальным, что может потребоваться по случаю; слышны звуки изготовления гроба, открывания прессов, звона бокалов; меланхоличную процессию встречают в полутьме ночи, направляющуюся к церковному двору. Эти странные зрелища и звуки видели и слышали как другие, так и тайшеры. Разница лишь в том, что тот, кто обладает вторым зрением, более склонен их видеть.

КОФФИН.

Тени, которые ходят за гробом, называются *tathaich air ciste*, *mo eomh* завсегдатаи сундука. Их можно услышать ночью, когда столяр уже давно закончил свой дневной труд. Мастерская уже закрыта, и ремесленник ушел на покой, но тут раздается стук молотка, шарканье гвоздей и работа рубанком, как будто кто-то находится на работе. Если кто-нибудь отважится войти в мастерскую, то ничего не увидит и не ответит, даже если заговорит.

Около пятидесяти лет назад в Кинлох-Раннохе, в Пертшире, жил ремесленник, который жаловался на Второе зрение и, эмигрировав в Австралию, назвал главной причиной своего отъезда из родных мест то, что он часто видел или слышал, как люди заранее приходят за гробами. Инструменты его ремесла, рубанок, молотки, пила и т. д., были слышны ему за работой так же отчетливо, как если бы он сам работал, и частота этих предзнаменований так сильно досаждала ему, что он покинул страну в надежде на облегчение. Тени принадлежали не тем людям, чья смерть была неминуема, а их друзьям и знакомым, которые впоследствии оказались теми, кто пришел за гробом.

Несколько лет назад один студент-медик на западе Инвернесс-шира сидел летней ночью и готовился к экзамену. К дому, в котором он находился, примыкала столярная мастерская. Около двух часов ночи он услышал стук молотков, рубанка и т. д., как будто в мастерской кто-то работал. Звуки продолжались примерно до трех часов. Вечер прошел спокойно. На следующий день, когда он рассказал об услышанном, друзья посмеялись над ним. Однако на следующую ночь звуки возобновились и продолжались до тех пор, пока он не уснул. В эту

ночь их слышали и другие обитатели дома, а поскольку они повторялись каждую ночь в течение недели, их слышал каждый человек в доме, включая самого столяра, которого привели для этой цели. Вскоре после этого одна из жительниц дома умерла в родах, и столяр, в мастерской которого раздавались звуки, сделал для нее гроб. Таинственный стук молотка прекратился только после того, как гроб был закончен. Люди, которые слышали эти звуки, не были ни тайшерами, ни сыновьями тайшеров.

Один из жителей Тири уверял писателя, что он и его брат всю ночь до утра отчетливо слышали (*ga farumach*) стук молотка по сундуку в пустой комнате, рядом с которым они спали. На следующий день внезапно умерла женщина, живущая по соседству, и именно на этом сундуке другой его брат сделал ее гроб. В правдивости людей, рассказавших это, можно не сомневаться, каким бы ни было объяснение шума.

Один очень умный информатор говорит, что единственное подобное происшествие, свидетелем которого он был лично, случилось более пятидесяти лет назад, когда он был молодым парнем. Одна старушка, жившая по соседству, лежала на смертном одре, и пока остальные члены семьи, среди которых был и он, сидели, его по молодости уложили спать. Ночью он услышал, как ему показалось, топот собак на чердаке над его спальным местом, и это было так отчетливо, что на следующий день он спросил отца, что заставило его поместить туда собак. Он также слышал, как с чердака сползла доска и ударилась о край в проходе между дверьми. На следующую ночь старуха умерла, и мальчика послали на чердак спустить доски для гроба. Доска выскользнула у него из рук и, упав на пол в проходе, произвела точно такой же шум, какой он слышал раньше.

Лет сорок или пятьдесят назад после наступления темноты на ферме Лиаран в Раннохе послышался топот лошадей и грохот повозки (*stararaich agus gliongarsaich*). Все люди в доме подумали, что там действительно находится транспортное средство. Было отчетливо слышно, как во дворе поворачиваются лошади. Выглянув наружу, мы ничего не увидели и не услышали. Через четыре или пять дней после этого из Аппина Мензиса (*Apuinn na Meinearach*) прибыл катафалк (вид транспорта, до тех пор неизвестный в стране) с останками кузена семьи, который был внезапно убит ударом лошади.

В 1867 году на улицах одной из деревень в Айршире видели карету, которая бесшумно ехала к месту погребения, и, по мнению жителей, это была карета богатой дамы, известной в округе как Бримстоун Бетти, которая вскоре после этого умерла, но не в благовонии святости.

ШУМ БОКАЛОВ, КОТОРЫЕ ДОЛЖНЫ ИСПОЛЬЗОВАТЬСЯ НА ПОХОРОНАХ.

Около тридцати лет назад в Аппине, Аргайлшир, в шкафу наверху, над комнатой, которая являлась частью соседского дома, послышался шум, как будто кто-то возился с бутылками. Эти звуки слышали обитатели обоих домов в течение нескольких ночей до того, как в доме снизу произошла внезапная смерть. Оказалось, что бутылки из этого шкафа использовались на похоронах.

На Тири также бытовало мнение, что стаканы, которые в скором времени должны были использоваться для прохладительных напитков на похоронах, были слышны дребезжащими, как будто их передвигали. Не так давно такой случай произошел в деревне Килмолуаг. Умелые женщины утверждали, что могут определить по доске для выпечки и "сковородке", будет ли хлеб из этой выпечки использоваться на похоронах.

ПОХОРОННАЯ ПРОЦЕССИЯ.

Мальчик в Раннохе играл со своими товарищами в виду общественной дороги, как вдруг воскликнул: "Господи! Не посмотришь ли ты на похороны моей бабушки?". (Его бабушка в то время была больна, но не думала, что близка к кончине. Через несколько дней после ее смерти состоялись похороны, как описывал мальчик, во главе которых танцевал рыжеволосый персонаж из соседнего квартала.

Следующий случай рассказывает человек, правдивость которого не вызывает сомнений. Это талантливый и образованный человек, священнослужитель Шотландской церкви.

"Молодой парень, пастух в деревне на Западных островах, к которой я принадлежу, однажды был со мной на болотах (*sliabh*), над возделываемой землей, когда, по его словам, он увидел двух мужчин, которые несли гроб между собой от мастерской, находившейся в тот момент в поле зрения, к двери дома, который он упомянул. Он обратил мое внимание на это видение, но я ничего подобного не увидел. Он описал одежду этих двух мужчин, в частности серые брюки, какие тогда носили мореплаватели в этих местах. Примерно через десять дней после этого произошло точно такое же событие".

Таишер из Тири рассказал, что видел, как похоронная процессия выходила из определенного дома, а люди, которых он назвал, выступали в роли гробоносцев, когда покидали дом. Это было на Белтане, в первый день лета. На следующее Рождество в этом доме произошла смерть, и один из тех, кому провидец рассказал о своем видении, внимательно посмотрел на похороны, чтобы убедиться, что все окажется так, как сказал провидец. Так оно и оказалось.

"Однажды, - рассказывает уроженец Харриса, - я был на рыбалке до двенадцати или часа ночи с несколькими другими людьми, один из которых, мужчина лет 35, по слухам, обладал вторым зрением. Когда мы возвращались домой, я держался середины дороги, думая, что это самое безопасное место и что там меня не подстережет никакое зло. Вдруг человек, обладавший вторым зрением, схватил меня за плечо и потянул к обочине. Когда он положил руку мне на плечо, я увидел похоронную процессию - гроб и людей, несущих его. Впоследствии я сам был на этих похоронах, и в том месте, где я встретил тайша, люди стояли в том же порядке, в котором я их видел".

Молодой человек, возвращавшийся ночью домой по южной стороне Лох-Раннох, был встречен похоронной процессией. Один из столбов, на которых везли груз, впился ему в руки, и ему пришлось пройти в процессии больше мили. Он находился на берегу озера, и ему было очень трудно удержаться на дороге. Другие носильщики призрачного гроба навалились на него всем весом, чтобы столкнуть с дороги.

Одна женщина, жившая неподалеку от Лох-Скавейг (*Скатхабхайг*) в Скае, видела похоронную процессию с гробами, проходящую по склону холма, где не было дороги и никто не проезжал. После смерти этой женщины и через два года после ее видения в Лох-Скавейг пропала лодка, и тела трех человек, потерявшихся в ней, были похоронены возле пастушьего домика на берегу лохани. После этого их подняли и понесли в том направлении, которое указала женщина в своем видении.

Одну из таких мистических процессий видели в Стратхерде, в том же районе, когда она несла что-то в сером пледе. Там в реке утонул мужчина, и его тело не могли найти в течение

недели. Затем его несли в сером пледе в том же направлении, куда ушла призрачная процессия.

Один человек в Скае встретил ночью похоронную процессию, и какое-то оккультное влияние заставило его идти вместе с ней, пока он не пришел на церковный двор Портри. Тогда он впервые спросил, чьи это похороны. В ответ он получил: "Ваши собственные".

Мужчина, живущий в Брейз-оф-Портри, ежедневно ходил на работу в Портри, расположенный в четырех милях. Сосед, чей дом находился чуть дальше, занимался той же работой и имел привычку окликать его, когда тот проходил мимо утром. Затем они вместе шли к месту своей работы. Однажды ясной лунной ночью его разбудил зов, который он принял за зов своего товарища. Он поспешно накинул одежду и пошел следом. Время от времени он слышал, как по дороге его окликают, призывая поторопиться. Не задумываясь, он шел, пока не дошел до церковного двора Портри. И только тогда до него дошло, что это был не земной голос.

ПРИЗРАКИ, КОТОРЫХ ВИДЕЛИ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ.

Когда человеку предстояло умереть, особенно если смерть наступала от насилия или утопления, его фантом или призрака видели те, кто обладал вторым зрением, а может быть, и те, кто не имел такого дара.

На острове Лисмор в начале девятнадцатого века священник, как говорят, видел фантом человека, на похоронах которого был введен обычай угощения (*cosdas*) после похорон. В прежние времена в Горных горах было принято выпивать до начала похорон, и, следовательно, похоронщики иногда сильно перебирали с напитками, прежде чем отправиться в свое меланхоличное путешествие. Есть даже истории о том, как они забывали гроб.

На ферме Киркапол в Тири, где находится место захоронения восточной части острова, около сорока лет назад несколько человек видели фигуру человека в не свойственной для острова одежде - светлых брюках и синей куртке с белыми пуговицами, - который по вечерам шел в направлении киркъярда. Знаменитый провидец из соседней деревни видел его и сказал, что это не тайш какого-либо мужчины или сына мужчины на Тири. Через некоторое время после этого в восточной части Тири потерпел крушение корабль, и одного из матросов, чья одежда, когда было найдено его тело, соответствовала одежде тайша, забрали и похоронили в Киркаполе. После этого явление больше не видели.

Тело молодого человека, утонувшего в том же районе, перед погребением положили сначала на камень, а затем на зеленый газон. Человек, пришедший на место происшествия после того, как тело было положено на траву, спросил, было ли оно положено на упомянутый камень. Ему ответили, что да, и спросили, почему он поинтересовался. Он сказал, что его дядя рассказал ему, что его дед, который был тайшером, сказал, что мертвое тело еще будет положено на этот камень. Это говорит о том, что исполнение видения провидца не обязательно происходит вскоре или даже в течение нескольких лет.

Тайшер из Каоласа, Тири, о котором уже упоминалось, что он видел, как его сестра умерла от оспы, в новогоднюю ночь сопровождал своего шурина, который провел с ним вечер (и от которого эта история была получена), часть пути домой. Когда шурин уговаривал его вернуться, так как он уже достаточно далеко зашел, он попросил разрешения, так как это был последний Новый год, который он проведет со своими друзьями. Его спросили, что заставляет его так мрачно думать о будущем. Он ответил, что все так и должно быть, и нет

никаких шансов, что будет иначе, ведь он три или четыре раза видел свой собственный фантом. В марте следующего года мужчина утонул.

Таишер с Тири собирался в Тобермори, и вместе с ним ехал сосед, который собирался обратиться к врачу. В те дни в Тири не было врача. Провидец сказал одному из лодочников, что хотел бы, чтобы у него не было такого зрелища, ведь он видел своего попутчика в мертвой одежде до самых глаз. "Можете, - сказал он, - оторвать мне ухо, если смерть этого человека не близка". Случившееся подтвердило правильность его видения, и право отнять ухо у него не возникло.

УТОПЛЕНИЕ.

Распространена история о том, как таишер увидел фигуру знакомого, проходящего мимо с капавшей с одежды водой в обуви (*aodach fliuch agus bogan na bhròig*). Вскоре после этого пришло известие о том, что человек, на которого была похожа фигура, утонул в то время, когда ее видели.

Видение призраков около лодок, в которых должны были утонуть люди, также распространено. Когда суеверие было в силе, верным способом сделать лодку бесполезной было сказать, что вокруг нее слышались голоса, когда ее вытаскивали на берег, или что видели фигуры, которые таинственно исчезали, "то ли земля их проглотила, то ли небо подняло". После этого никто, заботясь о собственной жизни, не ступал в эту лодку.

Один человек из Тири отправился за дровами в Лох-Креран, а в Тобермори забыл посылку, в которой была смена одежды. Однажды он промок, промок до нитки, и ему пришлось весь вечер просидеть в мокрой одежде. Когда он возвращался домой в Тири, женщина, которая, как считается, обладала даром второго зрения, спросила его, не намок ли он в определенный день недели (упомянув тот, в который произошел этот несчастный случай), что она видела его и подумала, что он утонул. Сам мужчина рассказывает эту историю и говорит, что не может представить себе никакого обычного канала информации, по которому женщина могла бы узнать о его состоянии.

Мужчина по имени Конн был утоплен в Сорисдале, в Колле. Провидец, который ежедневно работал с ним, долгое время видел его сапоги полными воды (*bogan uisge*), хотя на самом деле воды в них не было; и в течение двенадцати месяцев после этого события его преследовало видение утонувшего Конна, куда бы он ни пошел.

Один провидец в Скае видел, когда в реальности не было такого объекта, женщину, сидящую на корме лодки, которая впоследствии утопила людей в заливе Портри.

Рыбацкая лодка или ялик, принадлежавшая жителям Гортендональда, в западной части Тири, была продана, потому что, как говорили, в ней видели "вещи", и никто из жителей деревни не решался выйти в море на ней. Его купили несколько человек в Скаринише, в восточной части острова, которые не верили в *тайбхсеарахд*, или второе зрение. Они отдали его во временное пользование жителям Ваула, расположенного на северной стороне острова. Здесь о нем снова стали рассказывать, и даже говорили, что, когда его вытаскивали на сушу, видели, как шесть человек гребли на нем, а один управлял. В конце концов никто не решился выйти в море на этой лодке, и ее отправили обратно в Скариниш. Чувство было настолько сильным, что люди Ваула не решились переплыть с ней через Черную воду (*am Bun dubh*), как называется река между Колл и Тири, а перетаскивали ее через сушу в Гот-Лох, откуда скаринишцы забрали ее домой. После этого его запах в восточной части Тири стал настолько неприятным, что его снова продали жителям деревни в западной части, на

некотором расстоянии от места, откуда он был привезен. Здесь она закончила свою карьеру в Тири, утопив шесть человек.

Аналогичные виды имела лодка на Ионе, и ее пришлось продать. Она отправилась на остров Айла, и считается, что видения исполнились, когда лодку использовали для перевозки тел погибших с корабля, потерпевшего крушение на Риннах Айлы (*an Roinn Ileach*, дословно - "острый край Айлы").

Не так давно один человек рассказал о лодке на южной стороне Тири, что слышал голоса, похожие на разговоры людей, но, подойдя, не обнаружил там никого. Он не знал, сказал он, то ли воздух поднял людей, которые, как он думал, были там, то ли земля поглотила их, но он слышал голоса, а людей там не было. Лодка стала бесполезной, когда-нибудь она утонет, и никто не выйдет на ней ловить рыбу. Поэтому хозяин вызвал провидца к шерифу и оштрафовал его.

ЛОШАДИ И СОБАКИ.

Считалось, что эти животные обладают даром видеть призраков в большей степени, чем лучшие провидцы. Замечено, что они пугаются или приходят в ярость без какой-либо видимой или понятной причины; они проявляют признаки ужаса и страха, когда человеческие глаза не видят причины, и это часть кельтской веры во второе зрение, что это волнение вызвано видением тайш, или теней живых, в тех обстоятельствах и занятых теми делами, в которых люди, чьим подобием они являются, будут впоследствии находиться. Собаки лают по ночам, и когда это происходит в ясные лунные ночи, по-английски говорят, что они "залаяли на луну". Кельтское поверье не отрицает, что они часто лают на луну, но утверждает, что их крик возникает, как доказывает последующее событие, из-за того, что они видят формы того мира, в котором движутся куклы и двойники, предзнаменования приближающейся смерти. Лошади лучше видят призраков, чем даже собаки. В местах, где должна произойти насильственная или внезапная смерть, они пугаются, и никакие усилия всадника не могут заставить их пройти мимо этого места, пока, наконец, он не вынужден сесть и провести их мимо. Это происходит из-за того, что они видят "зацепку" последующего события, но обычные люди относятся к этому просто как к "безотчетному испугу".

"Я слышал, - рассказывает один скаймен, - как собаки воют перед похоронами на церковном дворе Килмуира. Это было потому, что они видели призраков живых" (*tàslaich nan daoine beò*). По всеобщему хайлендскому поверью, некоторые собаки плачут по ночам, когда кто-то в доме умирает.

В Лорне женщина, отправившаяся с кожей к соседнему сапожнику, по пути перешла через деревянный мост, перекинутый через горный поток. Ее сопровождал маленький ребенок, которого она оставила, а сама перешла через мост, чтобы оставить посылку с кожей на другом берегу. Когда она переходила во второй раз, ведя за собой ребенка, поток обрушился, как это бывает у горных потоков, и унес мост. Женщина и ребенок утонули, а их тела нашли дальше по течению, в том месте, куда четырнадцать дней назад ходила и жалобно выла серая бесхвостая сука (*galla chutach ghlas*), принадлежавшая соседу.

Свирепое рычание собаки ночью, когда в доме нет ничего, что могло бы вызвать ее ярость, также объясняется тем, что она видит духов или призраков, неизвестно каких, живых или мертвых. Истории такого рода обычно развиваются по одной и той же схеме. У пастуха или слуги есть очень хорошая собака, которая имеет привычку спать в одной комнате с ним самим. Однажды ночью она внезапно встает, рычит, и слышно, как она направляется в другой конец комнаты. Вернувшись, она издаёт слабый вой, ложится в кровать и, упираясь

передними лапами в хозяина, яростно рычит на что-то невидимое. Обитатель кровати, не видя ничего, что могло бы объяснить ярость собаки, опускает голову под одеяло и дрожит от страха до самого рассвета.

Лошадь в Вауле (Тири), обычно спокойный зверь, во время езды на повозке была очень напугана, особенно когда проезжала мимо некой лодки, причаленной к берегу. Эта же лодка, как уже упоминалось, из-за того, что ее преследовали призраки, была продана жителями западной части Тири некоторым жителям восточной части, которые отдали ее во временное пользование жителям Ваула. Вокруг него также стали появляться огни, и в конце концов он был возвращен кредиторам, которые снова продали его жителям западной части острова. Здесь на нем произошла меланхоличная гибель. Когда лодка с шестью членами экипажа находилась в нескольких сотнях ярдов от берега, внезапно поднялся шторм. Было видно, как мужчины изо всех сил гребли, пытаясь вытащить лодку на сушу, но в конце концов им пришлось отказаться от этой попытки. Через несколько дней после этого лодку прибило к берегу в Колле, и в ней был только один человек из команды. Он лежал на одном из оконечностей мертвым. Его тело доставили домой на лошади и телеге. После этого дня лошадь больше никогда не была напугана. Его прежние припадки полностью покинули его.

ПЛАЧ, УСЛЫШАННЫЙ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ.

Вопль или необычный плач, услышанный ночью там, где, как известно, никого нет и быть не может, свидетельствует о том, что в этом месте кто-то разразится плачем в связи со смертью друга, о которой он впервые получит известие или получит иную причину для плача.

Слышится голос не того, кто "подносит" человека, который должен быть убит или утоплен, а кого-то из скорбящих - жены, сестры или близкого родственника. В этих криках перед внезапной смертью чаще всего узнаются женские голоса.

Крик или вопль, свидетельствующий о смерти и, как считалось, произносимый призраком, назывался *tàsg, éigheach tàisg* или *éigheach tàsg, m. e.* крик призрака.

В случае с человеком, случайно утонувшим на пляже Трабей в Тири, крик, описанный как "здоровый крик" (*glaoth fallain*), был услышан ночью в западной части острова за несколько дней до катастрофы и в четырех милях от места происшествия, в том месте, где брат мужчины впервые получил меланхоличное известие. Крик состоял из "òh", произнесенного трижды, и каждый раз на полную длину дыхания человека (*fad analach*).

На старой пристани в Порт-Аппине, Аргайлшир, ночью раздался женский плач. Через несколько дней после этого мать молодого человека, случайно убитого в Глазго, встретила там останки, прибывшие на пароходе, и разразилась громкими причитаниями.

На Большом мосту (*an Drochaid Mhor*) над Портри-Мэнс, по дороге в Брейс, на острове Скай, люди, проходящие там ночью, слышат странные звуки: стоны умирающего человека, звуки дросселирования и т. д. В этом месте также видят загадочные предметы, собак и неясные движущиеся объекты. Предполагается, что они указывают на то, что когда-то здесь будет совершено убийство.

Плач и рыдания были услышаны в полночь возле мельничной плотины в Тири, темной и дождливой ночью, молодым человеком, отправившимся за повитухой для жены своего брата. По возвращении он слышал те же звуки. Женщина умерла в родах, и было замечено, что на том самом месте, где, по словам молодого человека, он слышал звуки плача, две ее сестры впервые встретились после ее смерти и разразились слезами и воплями. Человеку, с которым произошел этот случай, уже за сорок лет, он умен, и на него можно положиться как

на человека, который не станет говорить неправду. Нет никаких сомнений в том, что он слышал плач, что бы ни послужило причиной его впечатления. Станные звуки, естественная причина которых неизвестна, охотно ассоциируются с первым же инцидентом, который предлагает хоть какое-то объяснение.

На острове Малл причитания (*tuireadh*), по воспоминаниям, были слышны там, где десять лет спустя был случайно убит молодой человек.

Тридцать лет назад ужасные крики и вопли (*sgiamhail oillteil agus glaothaich*) были слышны летним вечером около восьми часов на другом берегу Лох-Корри в Кингерлохе. В одном ряду с криками стоял на якоре корабль, а на другой стороне лоха - могильник. Крик был похож на крик убиваемой козы или козленка - блеяние, ужасно напоминающее человеческий голос. Следующей ночью хозяин корабля утонул, и никто не знал, как. Вахтенный рассказал, что, сидя на корме корабля, он видел, как шкипер спустился вниз, а затем раздался лязг, как будто цепь отдавали. Больше он ничего не слышал и не видел. Ночь была прекрасной.

В июле 1870 года в проходе между маяком Скерривор и Тири судно ударилось о затонувший камень и дало течь. Сразу же был выбран берег, но когда до него оставалось 150 ярдов, судно затонуло. Экипаж выбрался на такелаж и в конце концов был спасен, но шкипер, пытаясь доплыть до берега, попал в течение, которое огибает холм Кеннавара, и утонул. Считается, что плач, раздававшийся на холме Кеннавара за четыре года до этого, предвещал это событие.

Несколько раз плач слышали на рифах к восточной оконечности Колла, и, насколько можно судить, он был на английском языке. В том же году (1870) лодка или ялик с двумя рыбаками с Восточного побережья, которые следовали своему призванию в этом районе, пропала без вести, и о ней больше не слышали. Многие считали, что она, должно быть, потерялась на рифах, где уже давно раздавались крики.

СВЕТИЛЬНИКИ.

Считалось хорошим знаком, если свет видели перед смертью человека. *Дреаг* - это свет, который видели в небе, оставляющий за собой хвост (*dreallsach*) и, по мнению одних, останавливающийся над домом, где должна была произойти смерть; по мнению других, идущий от дома к церковному двору, вдоль линии, по которой должны были пройти похороны. *Дреага* видели только тогда, когда значимый человек был близок к распаду. Поэтому один непочтительный портной в Истсайде, Скай, сказал, что хотел бы, чтобы небо было полно дреагов.

Существовало также поверье, что предсмертный свет идет по дороге, по которой должны пройти похороны.

Старик из Друим-а-чаоина в Нижнем Раннохе, скептически настроенный на этот счет, однажды ночью был вызван к двери, чтобы поверить собственным глазам. Его дом выходил на общественную дорогу, и, смело шагнув вниз, он встал посреди дороги, ожидая приближения смертного света. Когда он дошел до него, тот тоже стоял прямо перед ним. Старик пристально вглядывался в неземной свет, и наконец в его центре показалась неясная тень. Она медленно сложила ладони двух рук вместе и протянула их к нему. С поразительной внезапностью она произнесла "Whish!" и пронеслась над его головой. Впоследствии этот старик никогда не произносил ни слова против смертных фонарей.

В другом случае, когда смертельный фонарь пронесся по шоссе в том же районе, на встречу ему вышел бесшабашный молодой человек и стал ждать его за своим кортиком, который он

воткнул посреди дороги. Когда свет дошел до кортика, он остановился, и юноша, вглядываясь в него, наконец увидел в слабых бликах детское лицо. Тогда он наклонился и поднял с земли свой кортик. Когда он это сделал, свет прошел над его головой.

Свет также видели там, где должна была произойти насильственная или случайная смерть, и его мог увидеть тот, чью смерть он предвещал. Так, в Брэ-Глене (*Bràighe Ghlinne*) в Глен-Иучаре, где река впадает в Лох-Сгамадейл в Лорне, огни видели за два года до того, как человек по имени Маклахлан утонул в потоке, будучи пьяным. Маклахлан сам видел эти огни.

Огни, которым придается такое таинственное значение, обычно являются просто *ignes fatui*. В последние годы они стали широко распространены на Гебридских островах, и им даются различные объяснения. На Тири их называют "светом фей" (*Teine sìth*) и говорят, что их издает птица. В Скае и на северных островах их называют "светом Уиста" (*Solus Uithist*), а об их происхождении рассказывают следующее необычное происшествие:

Однажды в воскресенье вечером молодая девушка, несмотря на уговоры матери, настояла на том, чтобы до наступления субботы отправиться с крючком и вертелом собирать в поле растения для получения какого-нибудь красителя. Поскольку ее советы оказались бесполезными, мать в ярости велела ей идти и никогда не возвращаться: девушка так и не вернулась, но ее крючок и вертел были найдены в поле, а на месте происшествия - следы драки. При встрече свет подпрыгивает три раза, а его внешний вид напоминает человеческие ребра со светом внутри. Увидеть этот свет может только нечетное число людей. Двое его не увидят, а трое смогут. Как и другие сверхъестественные явления, он может говорить только тогда, когда к нему обращаются. Однажды молодой парень набрался смелости и заговорил с ним. Свет ответил, что это та самая девушка, которую постигла вышеописанная участь: что она поступила неправильно, послушавшись матери и нарушив субботний день; что причиной ее волнения стала молитва матери; и что теперь она обречена скитаться в облике этого света до конца света.

ДУХИ, КОТОРЫХ ВИДЕЛИ ПЕРЕД СМЕРТЬЮ.

Незадолго до смерти видели зеленоватые яркие огни, перемещающиеся с места на место, когда в комнате не было другого света. Считалось, что это духи, ожидающие душу умирающего. Когда тело лежало в вытянутом положении, перед погребением, эти огни были видны вблизи, и, возможно, семь или восемь бабочек (*dealan-dé*) порхали по комнате. Они перемещались по сундуку, в котором лежали банноки, предназначенные для похорон, или накидка (*blà-lìn*), а также по шкафу, в котором находились бокалы. Вера в эти явления не была общепринятой.

Вера в то, что в момент смерти происходит нечто сверхъестественное, похоже, не была совсем уж редкой. В уже упоминавшемся случае внезапной смерти в Порт-Аппине, Аргайлшир, которой предшествовал шум бьющихся бутылок, девушка открыла дверь в боковую комнату в момент кончины больного. Она вернулась в состоянии, граничащем с истерикой, ругаясь и клянясь, что не выдержит и войдет в комнату. По ее словам, все предметы в комнате, казалось, встречали ее у двери.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕРТВЫХ.

Растение *mòthan* (*sagina procumbens*), или выющаяся жемчужница, старухи в Тири клали над дверью, на перемычку (*san àrd-dorus*), чтобы духи умерших, когда они возвращаются в свои прежние жилища, не могли войти в дом; во многих местах было принято ставить рядом с трупом стакан воды перед похоронами, на случай если мертвые вернуться.

В Тири есть септа Макдональдов под названием Макканнел, о которых говорят, что когда один из них умирает и тело выкладывают, чтобы разбудить, все умершие из этого рода входят в комнату, обходят тело, на которое каждый кладет руку, а затем торжественной процессией снова выходят. Так происходит при каждой смерти одного из септов, но только те, кто обладает вторым зрением, могут видеть тени. Один человек, женатый на одной из Макканнел, чей отец давно умер, по случаю смерти одного из септов до крайности разгневал ее, спросив, почему она не поехала в Баллевуллен (где произошла смерть) прошлой ночью, чтобы увидеть своего отца.

Духи умерших возвращались, чтобы раскрыть секреты и дать добрый совет. Те, кто при жизни спрятал железо и умер, не сказав где, не могли успокоиться, пока не раскрыли свою тайну. Считалось, что дурные люди, скряги, угнетатели бедных и все, чьи привязанности были слишком привязаны к вещам этого мира, после смерти бродят по своим прежним местам. Они стремятся оказаться там, где оставили свои сокровища. Они не говорят, пока с ними не заговорят, и от живого человека требуется большая смелость, чтобы обратиться к духам умерших. Последний похороненный должен был сторожить церковный двор до следующих похорон; и если веревки покрывала не были развязаны, считалось, что дух не может успокоиться.

Очень неосмотрительно заключать договор с другим человеком о том, что тот, кто умрет первым, вернется, чтобы рассказать о своей судьбе оставшемуся в живых. Такой договор нечестив и повлечет за собой горе, независимо от того, в каком положении находится покойник - в радости или в горе.

Два пастуха на летних пастбищах для скота (*bothan àiridh*) в "диких местах дальнего Кинтайла" заключили подобный договор. Один из них умер, и на его место пришел другой. Новоприбывший заметил, что его товарищ стремился не оставаться один ни на какое время, каким бы коротким оно ни было, но однажды ему пришлось отправиться в страт за дрожжами (*deasgainn*), так как оба занимались варкой спиртных напитков, и он вернулся только далеко за полночь. Оставшийся в живых из тех двоих, что совершили пакость, оставшись один, с наступлением ночи принялся чинить обувь и петь за работой, чтобы поддержать свое мужество. Мысли его постоянно возвращались к мертвому товарищу и заключенной с ним сделке, и чем больше он думал, тем тревожнее ему становилось. В полночь на крыше дома раздался скребущий звук, как будто кто-то пытался войти в дом. Скрежет становился все громче и громче, и сапожник, охваченный ужасом, но притворяясь, что шум производит его товарищ, ушедший в страт, воскликнул: "Я знаю, это ты пытаешься меня напугать" (*cuir eagal orm*). Как только он заговорил, в хижину вошел человек, в котором он узнал своего умершего товарища, завернутый в могильную одежду, но, сказав, что для него хорошо, куда он (покойник) ушел, ушел и оставил его невредимым.

В другом случае аналогичного соглашения между двумя молодыми людьми в том же районе выживший забыл об этой сделке, пока однажды ночью его не встретила на дороге фигура его ушедшего друга, который сказал ему, чтобы он встретился с ним один в определенном месте (которое он назвал) в определенный час, иначе ему будет хуже. Испугавшись до крайности,

мужчина посоветовался с приходским священником, что ему делать, но тот лишь посоветовал ему молиться, чтобы его необдуманный и опрометчивый поступок не привел ни к чему плохому. Тогда он посоветовался со стариком, который посоветовал ему пойти в назначенное место, взять в руку железный шар и протянуть его призраку при рукопожатии. Человек пошел, призрак раздавил железный шар, и человек спасся, иначе дух, который мог прийти только из плохого места, раздробил бы его руку на атомы.

Женщина из Флодигарри в Скае, чей муж был убит колдовством (*buidseachd*), видела его после смерти сидящим у камина. Когда с ним заговорили, призрак спросил, почему его не побили, прежде чем положить тело в гроб?^[31]

КОСТИ УМЕРШИХ И МЕСТО ЗАХОРОНЕНИЯ.

Это было частью урока, преподанного молодому горцу, - относиться с почтением к тому, что принадлежит мертвым. Ненужное или пренебрежительное беспокойство о могилах, костях или других реликвиях человечества осуждалось, а иногда вызывало горячее негодование. Это похвальное отношение к мертвым подкреплялось гордостью за свой род и происхождение, которая составляла столь заметную черту характера горцев, а также различными преданиями, имевшими широкое распространение.

Уже рассказывалось о портном, который непочтительно пнул череп, и после этого его преследовал человек, которому он принадлежал. Рассказывают, что один человек, потревоживший ночью могилу, взял в руки череп, и слабый голос потревоженного духа сказал: "Это мой". Он бросил этот череп и взял другой, когда тот же голос сказал: "Это мой". Человек воскликнул: "У тебя два черепа?".

По преданию, остров Айла получил свое название от имени скандинавской принцессы Иле, которая пошла купаться в тамошний лог и, увязнув в мягком иле, утонула. Надгробный и подножный камни ее могилы находятся на некотором расстоянии друг от друга, и из трех человек, которые последовательно пытались открыть могилу, чтобы посмотреть, как выглядят кости, каждый умер в безумии! Вполне вероятно, что именно такая судьба их и ожидала. Их действия по вскрытию могилы, чтобы удовлетворить праздное любопытство, соответствовали болезненному характеру, и они умерли так же, как и жили.

Камни из заброшенного захоронения под названием "Место погребения больших женщин" на ферме Хейниш в Тири были использованы для строительства одного из хозяйственных домиков. В этот дом отправили спать слугу из Малла. Всю ночь его беспокоила собака, которая прыгала в постель между ним и стеной и, упираясь передними лапами в его тело, яростно рычала на что-то, чего он не мог разглядеть. В доме раздавались слабые голоса: "Вот камень, который лежал у меня на голове". После этого визита духов Мулл (который, скорее всего, стал жертвой розыгрыша) больше не хотел спать в этом доме.

То, как тени преследуют места, где находятся их тела, очень наглядно показано в следующей истории.

Тело женщины было выброшено на берег моря на северном пляже, называемом пляжем Фелл (*Tràigh Feall*), на острове Колл, и погребено на соседней песчаной отмели. После этого по вечерам на пляже, недалеко от прилива, видели подобие женщины. Маклин, тогдашний арендатор фермы Каолас, расположенной неподалеку, высмеял это поверье. Однако однажды вечером, возвращаясь домой через Северный пляж, у Белого потока (*Sruth Bàn*), он вспомнил многочисленные истории, которые слышал об этом явлении, и, посмотрев в

сторону моря, увидел женщину, которая сидела на берегу, раскачиваясь (*ga turruman fhein*), и, судя по всему, находилась в крайне бедственном положении. Он подошел к ней и спросил, что она делает? "Рука ловкости" (*làmh thapaidh*), - ответила она, - "я здесь уже давно; я пытаюсь вернуться домой, но не могу. Я была бедной женщиной с острова Уист; я потерялась на скале; мое тело прибило к берегу здесь, и я пытаюсь вернуться домой, но не могу; мое тело держит меня". Маклин спросил, какое вознаграждение она даст, если он доставит ее тело домой. Она пообещала быть с ним в любой ссоре или драке, в которую он может быть вовлечен. От этого предложения он отказался, сказав, что его собственная рука достаточно сильна, чтобы вытащить его в любой подобной ситуации. Затем она предложила ему узнать вора, если в Колле что-нибудь украдут. Этот дар он принял, а камни, которыми была отмечена могила, сказал ему, послал за братьями женщины, тело отнесли домой, и призрак больше не видели на Северном берегу.

ДУХИ, ПОЯВЛЯЮЩИЕСЯ ВО СНЕ.

Призрак умершей сестры явился женщине во сне и рассказал, что их брат был похоронен накануне в Ирландии. Она также рассказала приметы, с помощью которых на следующий день должна была быть доказана истинность сна. Слова призрака образуют на гэльском языке необыкновенно красивую и пронзительную песню. Каждая строка повторяется дважды, сначала с одним, а затем с другим бессмысленным припевом, который встречается в гэльской мелодии и хорошо сочетается с гениальностью языка.

E ha na hoo-roo

Любимая сестра, ты спишь?

No lo va, hoo-roo,

E ha na hao-lo-ro hee.

Любимая сестра, ты спишь?

Брат, который был у нас в Эрине,

Вчера уехал на носилках.

Я был там, но никто меня не видел.

Немного пешком, немного верхом,

И еще один раз я сжимал руки.

Я приведу доказательства твоей прозорливости,

Большой байр, где содержатся кони,

завтра будет объята пламенем,

И младенец в твоей груди,

Ты найдешь мертвым у своей постели.

Рассказывают, что одному вдовцу, который был недобр к своим детям, явился призрак его покойной жены и сказал:

"Человек, ты закрыл передо мной дверь,

и оставил меня лежать здесь!

До наступления Рождества

Вас постигнет еще большая утрата.

Человек, у которого есть дети,

Воспитывает их беззаботно,

Если часто ты поднимаешь руку,

Я недолго буду в мире с тобой".

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ ВТОРОГО ЗРЕНИЯ.

На острове Колль существовало поверье, что человек, страдающий вторым зрением, может избавиться от своего несчастливого дара и как бы привязать его (*nasg*) к себе, подавая милостыню (*déirc*) и молясь, чтобы дар ушел. У одного провидца, жившего неподалеку от Аринагура на этом острове, двое сыновей служили в армии, участвовавшей тогда в чужеземных войнах, и в своих видениях он видел, что с ними происходит. Эти видения настолько овладели его разумом, что, чтобы избавиться от них, он дал полкроны старухе и молился, чтобы у него отняли второе зрение. После этого он ничего не видел о своих сыновьях и, желая узнать их судьбу, отправился на Тири за знаменитым тайшером и привез его с собой в Колл. Он положил его у огня, который находился на середине пола. Лучшие провидцы считали, что видения лучше всего видны через огонь (*roi' n teine*). Вскоре провидец из Тири начал потеть, и другой, знавший, что это вызвано болезненным видением, умолял его рассказать, что он видел, и ничего не скрывать. Он рассказал, что оба сына были убиты: один - пулей в голову, другой - пулей в сердце и через шею. Вскоре после этого к лэрдлу Колла пришло письмо, подтверждающее видение провидца.

ГЛАВА V. ХОБГОБЛИНЫ.

Термин *Bòchdan* (произношение *Baucan*) - это общее название страшных объектов, которые видят ночью и считают сверхъестественными, жуков, призраков, явлений, гоблинов и т. д., во всем их многообразии. Это слово передает как идею испуга наблюдателя, так и идею чего-то вредного или насильственного в самом объекте. Оно происходит от слова *bòchd* - "нахлынуть", то есть нахлынуть бурным и неистовым потоком. Это не совсем удачное описание того, как страх овладевает своими жертвами. Любой объект, неясно видимый, может оказаться хобгоблином такого рода. Это может быть сосед, разыгрывающий из себя белую простыню, бродячая собака, куст, колышущийся и вздыхающий на ночном ветру, или даже торфяной штабель, вырисовывающийся в неярком свете. На берегу Лох-Раннох есть

история о человеке, который сражался с кустом, приняв его за привидение, в лощине, которая имела дурную славу призрака. Борьба продолжалась до рассвета, когда его нашли изможденным, исцарапанным и истекающим кровью.

Иногда баукан, или страшный объект, вызывает испуг одним лишь своим видом, иногда - издаваемыми им звуками, а иногда - тишиной. Обычно это мужчина или женщина, бесшумно проходящие мимо и не говорящие, пока с ними не заговорят, а то и вовсе не заговорят; но встречались и черные собаки, сопровождающие путника на протяжении всего пути, и безголовые тела (особенно опасная форма призрака), и козлы, и просто темные движущиеся объекты. Иногда он страшен тем, что за ним тянется цепь, свистит с неземной громкостью, издает ужасные, леденящие кровь крики и звуки ударов, а иногда дает о себе знать лишь слабыми и едва слышными звуками. На самом деле, количество и разнообразие вещей, которые могут пробудить суеверный ужас ночью, бесчисленно.

В большинстве случаев баукан считается предвестником внезапной или насильственной смерти, которая произойдет в том месте, где его увидели или услышали. После этого вспоминают, что ночью там был замечен непонятный свет, или лошадь забеспокоилась и не могла заставить своего седока пройти, или было замечено что-то необычное, что народное воображение связывает с последующим событием. В других случаях Баукан - это дух умершего, возвращающийся на землю, чтобы с ним поговорили и открыли ему какую-то тайну, нарушающую его покой. Иногда это злой дух, несущий некое послание тьмы, а иногда просто звук или неясный предмет, который путник пугается, но не может дать ясного описания. Испуг разрушает любопытство, и от человека, готового упасть в обморок от ужаса, нельзя ожидать ни критичности в наблюдениях, ни последующих последовательных высказываний. Кроме того, неясность или неопределенность в отношении причины - элемент, которому ночная темнота способствует, - как правило, делает страх более неистовым. Если бы наблюдатель отчетливо видел объект своей тревоги и точно знал, что это такое, даже если бы это был дух тьмы, его ужас был бы меньше. *Omne ignotum pro magnifico* - аксиома, которая особенно верна в таких случаях, и именно незнание своей собственной причины придает ужасу самые дикие формы. Призрак или явление, увиденное в дневное время, если бы это было возможно, не было бы столь ужасающим.

Можно сказать, что в каждой горной деревушке есть место, где можно увидеть призрака или *баукана*. Излюбленное место обитания этих неземных гостей - броды рек (*beul àth na h-aimhne*), где в наше время обычно строят мосты, возле церковных дворов, на темных болотах и в лощинах, а точнее, на вершине подъема из лощин, пройденных общественной дорогой. Нередко рядом с этим местом находится выступающая скала (*sròin creige*), и она может внести свою лепту в создание того чувства одиночества и благоговения, которое заставляет запоздалого крестьянина быть склонным превращать бродячих животных и необычные явления в призраков и духов. В историях о привидениях заметно, что призраки являются в основном тем, кто путешествует в одиночку и не привык ходить по ночам. Их видели в домах и даже в городах, но обычно они обитают в одиноких местах, где люди, естественно, более склонны к робости.

Черный берег" (*du-chladach*), как его называют, то есть берег ниже линии или вала водорослей, выброшенных приливом (*ròlag ròid*), является, по поверьям горцев, убежищем от всех видов сверхъестественных существ, которые преследуют ночью, фей, призраков или злых духов. Ни одно существо "вообще, вообще" такого рода (*seòrsa sam bith, sam bith*) не может опуститься ниже отметки прилива. Уверенность робких в этом месте убежища

подтверждается уверенностью в том, что они не подвергаются подобной опасности со стороны моря. Поговорка гласит: "Зло не приходит с моря" (*Cha d'thig olc sam bith o'n fhairge*).

Призраки и злые духи не могут пересечь бегущий поток - это поверье возникло еще до появления мостов. Потрясение нервов, вызванное холодной водой, если она была достаточно глубокой, рассеивало оптический бред, вызванный беспочвенным ужасом.

При встрече с бауканом кортик должен быть частично извлечен из ножен, иначе во время встречи достать оружие будет невозможно. Если злой дух спросит, как его зовут, следует называть кортик не по имени, а "сестрой моего отца" (*piuthar m'athar*), "сестрой моей бабушки" (*piuthar mo sheanamhair*) или каким-либо другим подобным именем. Это предотвращает наложение на него чар, делающих его бесполезным. В результате вместо того, чтобы *утихомирить* призрака, оружие лишь издает звонкий звук (*gliong*). Злые духи не выносят прикосновения холодной стали. Железо, а лучше сталь, в любом виде защищает от фей, хотя непонятно, как и почему, - железное кольцо на острие посоха не хуже меча, но злые духи умирятся им только тогда, когда оно превращается в смертельное оружие.

В борьбе призрак находится в руках своего противника, мягкий, как мешок с шерстью, или непроницаемый, как воздух. Поэтому в каждой схватке несчастный оказывается поверженным и раненым.

В присутствии злого духа собака защищает своего хозяина или в ужасе прижимается к его ногам, а сука прыгает на его горло и, если может, разрывает его. Однако она становится безвредной, если взять у нее кровь из уха или повязать на шею ошейник (*conghal*, т. е. *seangal*), обычно подвязку хозяина. Точно так же считалось, что целая лошадь защищает своего хозяина, а кобыла нападает на него. Существовало также поверье, что целая лошадь не может быть ранена ведьмами или злыми духами.

Лучшей защитой является круг, начерченный вокруг себя на земле острием сажени или кортика со словами: "Крест Христов да будет на нас" (*Crois Chriosd oirnn!*) Все духи, населяющие ночь, могут в ярости броситься на этот круг, но они не смогут пройти его, как самые грозные волны моря - скалы, образующие назначенные им пределы. Как уже говорилось, этот круг является суеверным представителем собственной целостности человека, внутри которого он защищен от нападков и козней дьявола. Он известен и в Ирландии, о чем свидетельствует следующая история, рассказанная в Арисаиге, Инвернесс-шир, ирландским упаковщиком.

Умер брат священника, и молодой человек, который был его близким другом, через несколько недель после этого выразил горячее желание увидеть его снова. В тот же вечер его встретила тень его умершего товарища, и они долго беседовали. Они говорили о том, как им было приятно общаться друг с другом, и мертвец добился от собеседника обещания встретиться с ним на том же месте следующим вечером. Он добавил: "Чтобы ты был уверен, что это действительно я, ты расскажешь моему брату священнику о таком-то и таком-то происшествии [описывая его], о котором никто не знает, кроме него и меня". Возвращаясь домой, юноша подозвал священника и рассказал о том, что видел. "Это вовсе не призрак моего брата, - сказал священник, - а дьявол, который пытается заманить тебя в свою власть; я пойду с тобой завтра вечером, чтобы встретиться с ним". Они вместе отправились к назначенному месту, причем священник взял с собой кортик, которым очертил круг вокруг них, и железный обруч, внутри которого они также стояли. Пришла фигура, лицом и формой похожая на брата священника, "очень похожая, но не та же самая", но, обнаружив, что ее перехитрили, и открыв перед ней Библию, ушла в пламени огня.

Бодах, или карле.

Бодах (лит. *carle*, старик) - это, пожалуй, самая распространенная форма баукана, настолько распространенная, что в некоторых районах, *например*, в стране лорда Рея (*Dùthaich Mhic Aoi*), как называют семь ближайших к мысу Гнева округов, у них нет другого названия для явлений или страшных предметов, которые видят ночью. Это фигура человека, который не является "живым волшебником", которого видят ночью, и, как можно легко представить, такое явление часто наблюдается, когда дети упрямятся, капризничают или плачут без причины, как это принято у них. По углам домов появляется Старик, подающий знаки (*Bodach an Sméididh*), который делает знаки рукой, чтобы люди подошли к нему. *Corra-lòigein*, что бы ни означало его имя, стоит в местах, куда желательно не пускать детей после наступления темноты, и жестоко обращается с каждым, кто попадает в его руки. Главный из этих лемуров - "Сын Платтер-пула", полное название которого звучит так: "Сын Платтер-пула из серого шипа, шелковистого шипа, большой гусеницы". [32] Это, как видно из его имени, действительно страшный жук; он заглядывает в окна, прижимается мордой к стеклам, с шумом точит зубы и в мгновение ока уносит детей, если они не замолчат. Однако ни он, ни его братья-жучки не входят в дом, если их не позовут. Угрозы его появления обычно достаточно, чтобы заставить замолчать самого невоспитанного ребенка.

ФУАТ.

Это слово означает буквально отвращение, ненависть, но в Россшире оно часто используется для обозначения наваждения, призрака, привидения. В этом последнем значении оно редко встречается в Аргайлшире. В поэме *Муиреартах* или *Муилеартах*, что можно перевести как "Западное море", приемная мать Мануса, короля Лохлина, описывая свое нападение на Фина Маккоула и его людей, заявляет:

"Имя дерзкого призрака (*fuath*)

была смелая, рыжая, белокожая Вестлин Море;

Лицо ее было сумрачным, оттенка угля,

Зубы в ее челюстях кривые, красные;

В голове ее сверкал один-единственный глаз,

Который двигался быстрее, чем макрель, преследующая приманку;

А на голове у нее щетинились темно-серые волосы,

Как хворост, покрытый инеем". [33]

Атрибуты *Фуата* в разных историях различны, и мистер Кэмпбелл (*Tales of the West Highlands*, ii. 191) впал в ошибку, соединив атрибуты, приписываемые в нескольких историях, и представив *Фуата* как водяного духа, имеющего паучьи лапы, хвост, гриву и т. д. Одно лишь название пустынного болота близ Уллапула в Россшире - "Плоскокаменный склон фуатов" (*Leathad leacanta nam Fuath*) - убеждает в том, что он не считался особенно водяным духом.

Следующие рассказы лучше проиллюстрируют характер горных хобгоблинов и подобных им объектов ужаса, чем пространные рассуждения.

КАХЛАЙД-НА-ФЕУСАЙГ, ИСЛЕЙ.

На дне лощины, или котловины, через которую проходит общественная дорога, на острове Айлей были ворота через дорогу, носящие вышеупомянутое название, что означает "Ворота Бороды". В этом месте с наступлением темноты происходили неземные вещи. Однажды ночью мужчина увидел неясный объект, приближающийся к нему. Он не мог ничего сказать о нем, но сказал, что его рот был широко открыт, как будто для того, чтобы сожрать его, и что из-за ширины его щели он мог видеть легкие (*sgamhan*) в его горле. К счастью, его сопровождала большая ньюфаундлендская собака, которая бросилась между его ног на "тварь", и завязалась страшная драка. Он убежал домой, оставив их наедине. Утром собака пришла без единого волоска на теле, а вскоре после возвращения умерла.

Примерно в середине февраля группа людей возвращалась домой с рынка, который проходил на Ровном хребте (*Imire Còmhnaidh*) в Баллигранте (Уродливом городе). Перед расставанием они зашли в придорожный трактир. Одному из них, Юэну М'Коркиндейлу, пришлось, уходя, пройти через ворота Бороды и призрачную лощину. Его спутники посмеялись над ним и спросили, не боится ли он *Бодаха*, карла, или старика, который обитает в этой лощине. По глупости Юэн предложил "поздороваться со стариком *Бодахом*, а старую жену *Кайлих* отпустить к собакам". Когда он добрался до призрачного места, его встретили два привидения - старик и старуха. Старуха попыталась напасть на него, но старик ее удержал, и впоследствии при каждом удобном случае повторялась та же сцена: старая жена нападала на него, а старик защищал. Последний также посоветовал ему пойти в кузницу в Ирландии, по другим данным, к двум братьям в Кантайре, и сделать кортик, и пока он будет носить его при себе, старуха не решится на него напасть. В процессе изготовления кортик трижды сгибался, и благодаря его обладанию Эуэн получил титул "Эуэн кортика" (*Eoghan na biodaig*). Однажды вечером, работая при свете луны на поле, он оставил кортик на кочерге кукурузы вместе с жилетом. Жена-карлин встала между ним и кортиком и так сжала его, что он выпустил три полных рта крови. *Бодах* пришел, но слишком поздно, на помощь. Однако он сказал ему, что если он доживет до петушиного крика, то к его жизни прибавится пять лет. Юэн то и дело просыпался, чтобы спросить, не прокричал ли петух, но когда он прокричал, было уже слишком поздно. Скорее всего, бедняга умер от разрыва или болезни сердца. Кортик сохранился у его сына.

Тело без головы (*Colann gun cheann*).

На берегу, составляющем часть границы между Северным и Южным Мораром,^[34] на западном побережье Инвернессшира, находится большая скалистая насыпь (*спос mòr creige*), которая долгое время была причиной ужаса в округе. У подножия насыпи есть дорога, по которой можно пройти вдоль берега во время прилива. Однако никто из тех, кто отправился по ней в одиночку после наступления ночи, не дожил до этого момента. Его останки были найдены на следующий день среди больших камней-валунов (*еòmach mòr chlach*), которыми полон берег, изуродованные и носящие следы ужасной и неестественной смерти. Люди, которые вторым зрением смотрели на скалы, нависающие над берегом, говорили, что видели фантом или "нечто", преследующее это место, имеющее форму безголовой человеческой фигуры. Макдоналл, или Маккуил, как его называют, из Южного Морара (*Mac Dhughail mhòrair*), чей дом находился неподалеку от места насилия Безголового тела, неожиданно стал средством изгнания его из своего пристанища. Однажды зимним вечером его неожиданно посетил друг. Ему некого было послать в Бракару за реку, чтобы пригласить еще друзей и присоединиться к развлечению гостя, кроме своего сына и наследника, которому тогда было около 18 лет. Он строго-настрого приказал юноше

не возвращаться в ту ночь, пока с ним не придут люди, опасаясь Безголового тела. Юноша не нашел дома друзей, за которыми его послали, и со свойственной его годам смелостью вернулся один. Тело встретило его и убило, а утром были найдены следы страшной борьбы, большие вывороченные камни и сгустки крови, как будто юноша пустил кровь из своего сердца. Маккуил дал торжественный обет не есть и не пить, пока не отомстит за смерть сына. Весь тот вечер друзья пытались уговорить его остаться дома, но безрезультатно. Безголовое тело не появлялось только тем, кто проходил его путь в одиночестве, и друзьям вождя пришлось вернуться, а он отправился к призрачным скалам без сопровождения. Тело вышло и сказало: "Ты пришел забрать выкуп за своего сына (*éiric*); прими совет и иди домой". В ответ на это вождь обхватил руками ненавистное привидение. Началась яростная борьба, и по сей день можно увидеть камни, которые были отброшены с пути во время страшной схватки. Наконец сильный и бесстрашный вождь подмял под себя Безголовое Тело и выхватил кортик, чтобы пронзить его. Тело закричало: "Держи руку, Маккуил, не трогай меня железом, и пока в Мораре есть хоть один человек в двадцатой степени родства с тобой (*air an fhicheadamh miar*), я больше не появлюсь".

Когда несколько лет назад мы услышали эту историю, в живых оставалось только два человека, состоящих в таком родстве с древним вождем: один - безобидный идиот, другой - бедная женщина в Форт-Уильяме. Должно быть, один из них еще жив, поскольку Безголовый призрак до сих пор не появился вновь. Человек, от которого услышали эту историю, твердо верил в ее истинность и в молодости, полвека назад, был хорошо знаком с районом, в котором, как говорят, произошли эти события. Там он учился и занимался портновским ремеслом.

Другую, несколько отличную версию этой истории можно найти в "*Сказках Западного Хайленда*" Кэмпбелла, ii. 89. В ней усмирение призрака приписывается Стауту Джону, лэрду Раасея, что свидетельствует о манере, в которой плавающие народные сказки привязываются к известным персонажам. Слова, приписываемые телу, когда оно уходило, были сочинены в Ост-Индии воынщиком по имени Брюс из Ист-Сайда, Скай. *Бейн Хайдера* и *Билах а Бхорбхейн* находятся в Ист-Сайде, Скай. Слова являются адаптацией старой мелодии "*Thogainn fonn air gille an t-sealgair*".

Цитируемая Скоттом (*Lay of the Last Minstrel*, примечание Q) история о встрече сэра Уильяма Уоллеса с Безголовым телом также известна на Гебридских островах и была рассказана писателю уроженцем крайнего запада Тири. Согласно этой версии, Уоллес отрубил Макфадьену голову, чтобы тот не попал живым в руки англичан. Макфадьен был уже пожилым человеком и не мог поспевать за остальными членами отступающей компании. Когда Уоллес сам пошел открывать дверь, Безголовое тело встало, держа голову за волосы в руке, и бросило ее в Уоллеса. Уоллес подхватил ее и швырнул в дверь так далеко, как только мог. Безголовое тело отправилось на поиски, а Уоллес сбежал через окно на противоположной стороне замка.

Существует рифма, с которой, вероятно, раньше была связана какая-то легенда:

"Когда Фионн отправился на холм

Он встретил Безголовое Тело". [35]

Считалось, что мальчику очень глупо выходить на улицу после наступления темноты одному и говорить,

"Тело без головы

Приди и заberi меня".[36]

ЗЕЛЕНАЯ ЛАПА (*Spòg liath*).

В большой церкви Боли (*Eaglais mhor na manachain*, то есть монастыря) по ночам видели и слышали таинственные и неземные звуки, и никто из тех, кто ходил смотреть церковный двор или места захоронений в церкви, никогда не возвращался живым. Один отважный портной не стал скрывать этого и поспорил, что в любую ночь пойдет и сошьет пару рукавов в церкви с привидениями. Он отправился в путь и принялся за дело. Свет полной луны струился в окна, и поначалу все было тихо и естественно. Однако в мертвый час полуночи из гробницы высунулась большая призрачная голова и сказала: "Посмотри, портной, на старую серую корову, которая осталась без еды".[37] Портной ответил: "Я вижу это и шью это", - и вскоре обнаружил, что пока он говорил, призрак был неподвижен, но когда он перевел дыхание, то поднялся выше. Шея вылезла и сказала: "Длинная гризлистая ласка, которая не ест, портной".[38] Портной в страхе продолжил работу, но ответил: "Я вижу это, сын мой, я вижу это, сын мой, я вижу это и я шью это только что".[39] Так он говорил, растягивая слова до предела. Наконец голос его пропал, и он испустил долгий вздох. Призрак поднялся выше и сказал: "Длинная серая рука без плоти и пищи, портной".[40] Дрожащий портной продолжил работу и ответил: "Я вижу это, сын мой, я вижу это, сын мой; я вижу это и я шью это только что". В следующий вдох бедро поднялось, и жуткое привидение сказала: "Длинная, кривая голень без мяса, портной". "Я вижу, сын мой, вижу, сын мой; я вижу это и шью это прямо сейчас". Длинная рука без мяса и пищи теперь была вытянута в сторону портного. "Длинная серая лапа без крови, без плоти, без мышц, без мяса, портной".[41] Портной уже почти закончил свою работу и ответил: "Видю, сын мой, вижу, сын мой; я вижу это и шью это только что", - и с трепещущим сердцем продолжил свою работу. Наконец ему пришлось вздохнуть, и призрак, раскинув длинные костлявые пальцы и сжимая ими воздух перед собой, сказал: "Большой серый коготь без мяса, портной".[42] В этот момент в рукав был зашит последний стежок, и портной в ужасе отпрянул от двери. Коготь ударил его, а острие пальцев зацепило его снизу за дверной косяк и вырвало кусок. След от руки остался на двери и по сей день. Плоть портного тряслась и дрожала от ужаса, и он мог бы резать траву своими подколенками, пока летел домой.

Это, пожалуй, самая известная и самая популярная история в Горных горах. Зимним вечером ее события можно воспроизвести с пугающей отчетливостью с помощью тени на стене. Это придает ей удивительную привлекательность для детей, и если страх при каких-то обстоятельствах и может быть вызван к здоровому действию (а страх, как и любая другая сила или способность ума, должен иметь правильное и здоровое действие), так это при прослушивании этой или подобных историй. Их пагубное влияние, если оно есть, вскоре исчезает. Вряд ли найдется старая церковь в Горных горах, где бы не рассказывали о таком событии. Один из авторов последнего статистического отчета (Argyleshire, p. 682 note) утверждает, что это произошло в старой церкви Глассари. В Скае она помещена в *Eaglais Uamhalta* в Конасте около Дунтулма. Старая церковь в Боли - самая популярная претензия, хотя для юной аудитории правдивость истории значительно подтверждается, если поместить сцену в какое-нибудь знакомое место.

В соборе Ионы есть небольшой уголок, называемый "дырой портного" (*Toll an taillear*), где, как говорят, монахи держали портного, который шил им одежду. Они держали его слишком долго, и он был слишком занят своей работой, и в конце концов по ночам его стали беспокоить "вещи". Самой страшной из них была бесплотная рука, которая показывалась на стене и говорила: "Большая серая лапа, которая без мяса, портной".

По другой версии, портной был на *aire chlaidh*, то есть наблюдал за кладбищем своего друга, в часовне (*caibeal*), когда из могилы стала появляться фигура без пищи. Портной не убегал, пока фигура не поднялась до колен, и сказал: "*Sliasaid liath reamhar*" и т. д.

ЭУЭН И ЖЕНА КАРЛИНА.

Одна из самых распространенных гэльских поговорок гласит: "Хотел он того или нет, но на Эуэна навалилась старая жена", к которой часто добавляют: "жена, такая же большая, как его мать" (*a dheòin no dh'aindeoin, mar thainig a chailleach air Eoghan, bean cho mòr ri mhathair*). Существуют различные версии происхождения этой сказки, но ни одна из них не является общепринятой.

Прославленный Юэн Камерон из Лочейла (которого Маколей в своей "*Истории Англии*" называет Улиссом Горных гор, милостивым хозяином, надежным союзником и страшным врагом), как гласит история, отправился в путешествие из Абердина в Инвернесс. В то время он был еще молодым человеком, и, войдя вечером перед отъездом в трактир, где остановился в Абердине, он обнаружил, что перед ним сидит старуха, которую он никогда раньше не видел. Увидев Юэна, она сморщила нос, вскинула голову и сказала "hĩh". Юэн, будучи остроумным юмористом, ответил, сморщив нос, запрокинув голову и сказав "hõh". На следующее утро, поднявшись, он увидел, что карга ждет его у двери. Она сказала: "Выходи, Эуэн!" Он ничего не ответил, но пошел своей дорогой. Весь день старуха шла рядом и всякий раз, когда он замедлял шаг, повторяла свой вызов, чтобы он вышел вперед. Пристыженный тем, что его обошла старуха, и проворный, как дикая кошка, Юэн не отставал, и к вечеру они были в Инвернесе, в 108 милях от города. Как можно предположить по расстоянию и темпу, Юэн был сильно утомлен. В ту ночь он посоветовался со стариком, который посоветовал ему ответить на вызов старой жены словами, и тогда от его прогулки не будет никакого вреда. На следующий день карга, как и прежде, ждала его у дверей и сказала: "Шагай, Эуэн!" Он ответил: "Шаг за шагом, и еще шаг, старуха!" (*Ceum air do cheum, agus ceum a bharrachd, a chailleach!*) В этот день они шли пешком до Патриксон Саунд (*Caolas 'ic Phadruig*), как называется паром через Лох-Левен в Балачулише, расстояние - 75 миль. Юэн первым сел в паром и оттолкнулся от берега. Когда карга увидела, что вот-вот потеряет его, она воскликнула: "Мои искренние пожелания тебе, Эуэн" (*Mo dhùrachd dhut fhéin, Eoghain!*) Он ответил: "Твои искренние пожелания - на твоей собственной стороне и на том сером камне, старая жена!" (*Rùn do chridh' air do chliathaich 's air a chloich ghlais ud thall, a chailleach*). Старая жена посмотрела на серый камень, и он раскололся на две части, что и сейчас может увидеть любой проходящий в той стороне.

Другая версия расставания Юэна и Старой жены гласит, что пара пришла в дом приемной матери Юэна. В ту ночь приемная мать уложила его спать на жесткую доску и поставила к его ногам кувшин с маслом^[43], а старую жену уложила в мягкую и роскошную постель. Утром Юэн был свеж как жаворонок - за ночь его ноги полностью пропитались маслом, а жена Карлина была мертва!

Другая, возможно более древняя, история происхождения этой поговорки более дикая. Юэн был веселым молодым парнем (*óganach grinn*), который отправился на свадьбу. В руках у него был рубильник, которым, когда в церкви проходила церемония, он постукивал по черепу в церковном окне, говоря ему все слова, которые священник говорил венчающейся паре. В ту ночь, когда он лег спать, его охватил озноб, и тут пришла старая женщина (*cailleach*) и потребовала его в мужа. Она сказала, что они женаты так же, как и та пара, что была в церкви в тот день. Она приходила ночь за ночью, и Юэн, чье бездумное веселье перешло в такую ужасную серьезность, не мог от нее отделаться, что только ни делал. Старик, к

которому он обратился за советом, сказал, что шансы на то, что она уйдет, пока он жив, невелики, но что ему следует посоветоваться с Майклом Скоттом. Майкл сказал: "Я разлучу тебя с ней, но, возможно, ты не сможешь жить после этого. Вот книга, которую ты должен взять с собой в постель, а когда она уйдет, открой книгу и следуй за ней, куда бы она ни пошла. Пока книга открыта, она не сможет покинуть вас, уйдя. Прежде чем ты вернешься, ты увидишь приготовленную для меня постель и сможешь рассказать мне, какова она". Карга отправилась в ад, и Юэн последовал за ней.^[44] Первыми к двери подошли несколько подчиненных демонов, но Юэн потребовал беседы с их начальником. Затем он попросил связать старую жену цепями, чтобы она всегда оставалась в своей адской обители. Так и было сделано, но когда он предложил уйти, она последовала за ним. Тогда ее положили в котел (*fo bhial coire*) на ложе из серы, приготовленное для Майкла Скотта, и, вероятно, она находится там до сих пор. Юэн вернулся, чтобы сказать Майклу, что его постель готова, и прожил недолго после своего ужасного приключения.

ЧЕРНЫЙ ХОДОК ИЗ БРОДА.

Более века назад^[45] в Амхулайхе, что в Раннохе, жил мельник, сильно пристрастившийся к употреблению табака, а когда не мог его достать, был, как и большинство курильщиков, очень немногословен и быстр в обращении. Однажды у него закончился табак, и он послал за его запасом нескольких людей из Лохабера, которые проезжали через Раннох по пути в Перт. Недалеко от его дома протекал мельничный ручей, и ему приходилось переходить его по ступенькам, идя на мельницу и обратно. Однажды вечером, когда он возвращался домой в сумерках и уже собирался войти в дом, он услышал звук шагов, приближающихся к броду. Он позвал: "Кто там?", но ответа не получил. Затянувшись корочкой табака и подумав, что это, возможно, возвращаются люди из Лохабера, он позвал во второй раз, очень настойчиво и нетерпеливо. Ответа по-прежнему не последовало. Тогда он позвал в третий раз, повернулся к броду и громко сказал, что, будь это человек или дьявол, он заставит его ответить. Тогда это существо заговорило и сказала, что оно (или он) - Черный Ходок из брода (*Coisiche du beul an àth*). Что было дальше между ними, так и не выяснилось, но каждый вечер после этого, в течение года или больше, мельник выходил из дома в сумерках, переходил ручей и шел к небольшой куче деревьев примерно в полумиле от дома, откуда в течение ночи доносились громкие крики и вопли. Перед рассветом он вернулся домой, а его нож или кортик был весь в крови. При ближайшем рассмотрении кровь оказалась просто землей. Однажды несколько молодых людей попытались проследить за ним до места встречи, но он каким-то таинственным образом узнал об этом и, обернувшись, предупредил их, чтобы они не шли за ним. По его словам, достаточно было того, что он пошел сам, и не нужно было губить их души. В последнюю ночь, когда он отправился на встречу с Черным Ходком, из кучи деревьев раздались такие жуткие крики, что жители соседних деревень, Амхулайха и Крагганоура, подошли к дверям послушать. Это было зимней ночью, и на следующее утро на снегу были обнаружены следы ступни или колена, а также шаги самого мельника, как будто с ним что-то боролось. Через несколько лет после этого на мельницу Амхулайх зашел человек, уехавший в Америку. Мельник в это время обтесывал жернова, и всякий раз, когда замечал американца, кидал в него кирку, которую держал в руке, и чуть не убил другого, стоявшего рядом. Он сказал ему, чтобы тот больше никогда не появлялся в его присутствии, что с него хватит. Многие предположили, что это был тот самый человек, который беспокоил его раньше, но так это или нет, так и не выяснилось.

СТРОУЭН, АТОЛ.

В нынешнем столетии подобным же образом пострадал уроженец Глен Эрохти (*Gleann Eireachdaidh*), долины, ведущей из Атола в Раннох. Каждый вечер он отправлялся на встречу со злым духом в небольшой круг деревьев на вершине холма над клаканом Строуэн. Последний раз он сделал это после игры в шайбу в день Нового года. Он взял с собой большую палку, которая в тот же день была вырезана в лесу и служила одному из игроков клюшкой для игры в синти. На следующий день эта палка была найдена на месте ночных посиделок, скрученная, как острога, а вокруг по кругу был утоптан снег, как будто здесь происходила борьба. Были видны следы мужской ноги и колена.

НЕЗЕМНОЙ СВИСТ.

Около семидесяти лет назад один молодой человек, уроженец деревни Корнаиг в Тири, отправился вечером в другую деревню, *Круайд-хортайн*, расположенную примерно в двух милях от него. Придя туда, он лег на кровать и от усталости крепко уснул. Проснувшись, он резко встал и, подумав, что из-за ясности ночи (было полнолуние) наступил рассвет, поспешил домой. Его путь лежал через безлюдное болото, называемое Желтым хребтом (*Druim Buidhe*), и на полпути он услышал позади себя громкий свист, но в другом направлении, чем то, по которому он шел, на расстоянии, как ему показалось, более мили. Свист был таким неземным, что ему показалось, будто его слышал каждый житель острова. Он поспешил дальше и, оказавшись напротив Остроконечной скалы (*An Carragh biorach*), снова услышал свист, как будто в том месте, где он сам находился, когда услышал его в первый раз. Свист был таким ясным и громким, что его пробрала дрожь до мозга костей. С бьющимся сердцем он ускорил шаг и, оказавшись у ворот, примыкающих к деревне, к которой он принадлежал, услышал свист у Заостренной скалы. Тут он свернул с дороги и успел добраться до дома, прежде чем его настигли. Он бросился в сарай, где обычно спал, и, бросив взгляд в сторону двери на своего преследователя, схоронился под кучей кукурузы. Его брат лежал на кровати в том же сарае и спал. Его отец был в доме и трижды, с интервалом между каждым звонком, слышал голос за дверью: "Ты спишь? Не пойдешь ли ты взглянуть на своего сына? Ему угрожает опасность для жизни, и он рискует всем, чего стоит" (*an geall na's fhiach e*). Каждый призыв становился все настойчивее, и наконец старик поднялся и отправился в сарай. После поисков он нашел своего сына под кучей снопов, почти мертвого. Единственное, что смог рассказать юноша, - это то, что, стоя у двери, он видел небо между ног своего преследователя, который подошел к двери и сказал, что ему повезло, что он добрался до убежища; и что он (преследователь) был таким, которого убили на Поле Птиц (*Blàr nam Big-ein*) в Моасе, части Тири, расположенной неподалеку.

В основных чертах эта история может быть достаточно правильной. Страшный кошмар или ужас заставил измученного юношу спрятаться под кукурузой, и в истории нервных галлюцинаций случались такие странные вещи, как то, что он должен был сам подойти к двери жилого дома, чтобы позвать отца.

БИТВА ПРИ ГАУРЕ.

В этой битве погибли Кэрбр и Оскар, сын Оссиана. Она произошла в Ирландии примерно в пятом веке, а благодаря поэме или балладе, в которой Оссиан описывает битву и обстоятельства гибели своего сына и которая до сих пор сохранилась в народной традиции, она всегда была самой знаменитой из кельтских битв. Макферсон переработал народные предания в первой книге Теморы, но не очень удачно.

Однажды ночью маленький человек по имени Кэмпбелл возвращался домой из кузницы с лемехом и сошником на плече и в узкой лощине столкнулся с гигантской фигурой, которая стояла, упираясь ногами в каждую сторону долины. Эта фигура спросила его: "Как тебя зовут?". Он смело ответил (как и подобает представителю клана): "Кэмпбелл". Затем она спросила: "Ты был в битве при Гауре?". Он ответил: "Да". "Тогда покажи мне свою руку, чтобы я мог узнать, был ли ты в битве при Гауре". Вместо руки Кэмпбелл протянул лемех и сошник, и фигура схватила их так крепко, что они сварились вместе, и их пришлось отнести обратно в кузницу, чтобы разделить. "Я вижу, - сказала привидение, - что ты участвовал в битве при Гауре, потому что твоя рука довольно твердая".

Говорят, ночью двое мужчин шли по дороге, чтобы украсть овец. Один из них сбился с пути, рассказывая другому о битве при Гауре. Появились две фигуры огромных размеров, по одной на вершине каждого из двух высоких холмов поблизости. Гигантские явления заговорили друг с другом, и один из них сказал: "Ты слышишь этих людей там, внизу? Я был вторым лучшим героем (*ursainn chath*, букв. дверной столб битвы) в битве при Гауре, и этот человек внизу знает о ней лучше, чем я сам".

ЧУДОВИЩЕ С ПЕРЕВАЛА ОДАЛ.

От Кайл-Реа (*Каол-Редхинн*), самой узкой части Скайского залива, на запад тянется перевал Одал, образующий один из самых ярких перевальных видов в Нагорье. Именно через него около шестидесяти лет назад была проложена первая общественная дорога в Скае. В то время, когда ее прокладывали, перевал преследовало "нечто" ужасное - тем более ужасное, что его характер не был точно известен, - пользовавшееся дурной славой "Чудовище с перевала Одал" (*Biasd Bealach Odail*). Это существо, чем бы оно ни было, не всегда появлялось в одном и том же облике. Иногда оно имело форму человека, иногда - человека с одной ногой; иногда оно напоминало борзую или зверя, рыскающего по окрестностям; а иногда от него доносились страшные крики и вопли, заставлявшие рабочих в ужасе покидать свои мастерские. Только ночью его можно было увидеть или услышать. Путешественники, проходящие ночью через Перевал, часто падали и получали травмы, с трудом добираясь до безопасного места. Оно прекратилось, когда на обочине дороги нашли труп мужчины, пронзенного двумя ранами - на боку и на ноге, причем к каждой ране была прижата рука. Считалось, что эти раны не могли быть нанесены человеком.

Луидеаг, "РАГ".

На небольшом озере между Бродфордом и Слеатом в Скае, называемом "Озеро черной форели" (*Lochan nan dubh bhreac*), тридцать или сорок лет назад по ночам в окрестностях и на общественной дороге, проходящей по этому пути, часто можно было видеть фигуру молодой женщины в плаще, накинутом на голову. Ее называли *Луидеаг*, то есть Тряпка, или неряшливая женщина. Она не отвечала, когда к ней обращались, и исчезала так же бесшумно и таинственно, как и появлялась. Место это уединенное и находится вдали от домов, и не было никакой причины, по которой кто-то, тем более женщина, должен был забредать туда по ночам. Однажды проезжавший мимо акцизный служащий заговорил с *Луидеаг* сначала по-английски, а потом по-гэльски, но она не ответила ни слова. В этом месте на дороге нашли труп мужчины, и после этого она никогда не появлялась.

Лохань Доймиг.

На окраине Шихаллиона, самого крутого и одного из самых высоких холмов королевства, недалеко от Кроссмаунта, в Нижнем Раннохе, есть небольшое озеро или тарн, окрестностях

которого около 50 лет назад по ночам происходили странные ужасы. Дорога, ведущая через плечо холма в Вим, пролежала вдоль берега этого озера, и там, где ее пересекал небольшой ручей, впадающий в лог, тех, кто проходил по ней после наступления темноты, пугали странные зрелища. После перехода брода путника на протяжении примерно двадцати ярдов сопровождали то собака, то козел, то темная движущаяся масса, то еще какой-нибудь предмет, который по необъяснимой манере его появления и исчезновения нельзя было считать земным. Уроженец Килчонана в Раннохе, некоторое время работавший на юге садовником, приехал в гости к своим друзьям и вынужден был проехать поблизости от лохани. Было установлено, что в Кашивилле (*Койс-а-Бхиле*), где он покинул пролив Тей, чтобы пересечь берега Шихаллиона, он выпил портера. Прошло четырнадцать дней, прежде чем выяснилось, что он так и не добрался до Килчонана. Начались поиски; люди собрались из Аппина, Атола и Ранноха, а также со всей округи, и продолжали поиски три или четыре дня, вплоть до Гленлиона, но безуспешно. Когда один из отрядов исследователей оказался выше Кроссмаунта, их встретила женщина, которая посоветовала им поискать вокруг *Лохан Доймиг*, поскольку прошлой ночью ей приснилось, что она срезает там камыш. Вскоре после этого им встретился мужчина, который дал им тот же совет и сказал, что ему приснился тот же сон. Обогнув лох, они обнаружили мертвого садовника, лежащего на зеленом кургане на берегу ручья, который, как уже говорилось, пересекал дорогу, в том положении, в котором он растянулся, чтобы попить.

ВОЗВРАЩЕНИЕ МЕРТВЫХ.

Бывший священник из Ист-Сайда, Скай, при жизни пристрастился к посещению своего скотоводческого хозяйства. Все его сердце было отдано своим стадам, и после смерти его призрак можно было увидеть возвращающимся в свои прежние места. Один старик взялся встретить и уложить призрака. Они встретились и приветствовали друг друга в обычной манере. Однако при рукопожатии вместо руки мужчины протянул лемех. После этого призрак больше не появлялся.

В том же районе около тридцати лет назад внезапно умер мужчина. Вскоре после этого его жена следила за коровами во время жатвы, чтобы они не покинули загон, в который их загоняли на ночь, чтобы они не забредали в посевы. Однажды вечером ей довелось оставить своих подопечных и отправиться в магазин, расположенный в двух милях от дома. Вернувшись, она пошла закрыть щель (*beàrn*) в загоне (*buaile*). Там она нашла своего покойного мужа, который сказал ей, чтобы она не беспокоилась, так как он следит за ней вместо нее. После этого каждую ночь он был виден всем, кто решал пойти и поискать его. Он даже приходил в дом, чтобы устроить *ceilidh*, то есть скоротать время - излюбленный вид отдыха на высокогорье (λέσχῃ древних греков), когда можно провести вечер, собравшись в соседском доме, чтобы послушать сплетни, байки и пустые разговоры. В конце концов внимание покойника заставило жену решиться продать все, что у нее было, и уехать в Америку. В день продажи скот не удалось собрать; казалось, им овладел какой-то неопределенный ужас, и от продажи и предполагаемой эмиграции пришлось отказаться. Причиной дикости скота, очевидно, была маленькая птичка, витавшая поблизости. После этого дня визиты мертвеца прекратились.

ПРИЗРАК ДОНАЛЬДА ГОРМА.

В 1616 году несколько вождей Западного Хайленда и островов предстали перед Тайным советом в Эдинбурге и были связаны ограничениями в отношении количества вина, которое они должны были использовать в своих домах. Повествование, на котором основывался Тайный совет, цитирует Грегори (*History of the Western Highlands*, p. 395): "Большое и

чрезвычайное излишество в питье вайна, распространенное среди простолюдинов и арендаторов Иллиса, является не только поводом для звериных и варварских жестокостей и бесчеловечных поступков, которые совершаются среди тама, к оскорблению и неудовольствию Бога, презрению закона и справедливости; но что это доводит многих из них до жалкой нужды и нищеты, так как они вынуждены, когда хотят получить от своих особей, брать у них никтбуры. "[46] Среди этих незаконных и безрассудных вождей был Дональд Горм Мор (Большой Синий Дональд) из Слеата в Скае, тогдашний лорд Макдональд Островов. Из-за болезни он не смог присутствовать на совете, но одобрил все его решения. "Своей резиденцией он назвал Дантулм, замок своей семьи в Троутернесс (в Скае); ему было разрешено содержать шесть домочадцев и ежегодно потреблять четыре тонны вина." Он умер в том же году, и его преемником стал племянник, Дональд Горм Ог (Молодой Синий Дональд). Это пока история; в Скае хорошо известна следующая традиция:

Какой-то семейный документ пропал, и его потеря, вероятно, имела серьезные последствия для юного Дональда Горма. В это же время на дороге, ведущей к замку Дантулм, неоднократно видели фигуры Дональда Горма Мора и двух его спутников. К ним пытались пристать, но три фигуры каким-то загадочным образом прошли мимо встречных, не заметив их и не дав возможности пристать к ним. Затем их видели входящими в замок. Один из окрестных стариков посоветовал взять семь сосновых шестов (*gathannan caol giuthais*), по мнению других - семь дубовых веретен (*seachd dealgun daraich*) с огнем на остриях и войти в комнату, в которой призраки каждый день устраивали свои покои. Это было сделано, и призраки, Дональд Горм Мор и два его спутника, были найдены пьющими. Чтобы вселить уверенность в незваных гостей, что они услышат его рассказ, Дональд сказал:

"Вчера вечером я был в Эдинбурге,

Сегодня вечером я в своем особняке,

И, как соринка в солнечном луче.

Нет во мне силы". [47]

Затем он рассказал, где можно найти потерянный документ, и исчез, сказав:

"Если бы это не были тонкие копья сосны,

Это было бы тебе во вред, юный Дональд Горм". [48]

TAIBHSE CHOIMHLIG.

Питер Браун в Дун-Кросге, в Глен-Лохи, спрятал лемех (*coltair*) и умер, не сказав где. В результате его призрак долгое время преследовал водопад в окрестностях (*Eas Choimhlig*), но ни у кого не хватало смелости поговорить с ним и выяснить причину его беспокойства. В каждой оседлой общине лемех имеет большую ценность, хотя слава о нем меньше, чем о мече или любом другом оружии, и в Горных горах сокрытие столь полезного инструмента сопровождалось теми же страхами, которые впоследствии, в более торговом обществе, считалось сопровождать сокрытие золота. Несчастный человек, спрятавший его и умерший, не раскрыв своего секрета, не мог успокоиться в могиле. Призрак Питера Брауна обычно видели в виде робука (*boc-earba*), который следовал за людьми, проходившими по оврагу Койлиг после наступления темноты, а также в виде лошади, собаки, человека и т.д., и исчез он всего около сорока лет назад. Один ткач отважился встретить его и долго с ним

беседовал. Ему было сказано, что случится с его семьей, и что его дочь, о замужестве которой тогда говорили, никогда не выйдет замуж. Вернувшись домой, он лег в постель и больше не вставал. Там, где раньше был брод, теперь стоит мост, и именно на вершине берега над бродом видели призрака. Когда-то он сражался с сильным человеком, и следы этого поединка долгое время оставались на земле и деревьях.

КИНГЕРЛОХ, АРГИЛШИР.

В Маодлахе, самой изрезанной части побережья этого сурового района, потерпел крушение ялик. Из двух мужчин, составлявших его экипаж, один спасся, уцепившись за лодку, а второй, сильный пловец, пытаясь выплыть на берег, утонул недалеко от суши. Он не успел снять обувь и запутался в водорослях. Через некоторое время после этого его брат поздно вечером шел из кузницы по берегу, неся на плече железный болт. Напротив того места, где было найдено тело брата, к нему присоединилась фигура, которая, как говорили, напоминала козла. С ним были две собаки, одна из которых трусилась у его ног, а другая, сука, прыгнула ему на горло, и ему пришлось снова и снова сбивать ее болтом, который он носил на плече. Фигура заговорила, но что она говорила, так и не удалось разобрать. Она передавала послания бывшим соратникам, особенно одному легкомысленному человеку, предупреждая его о необходимости вовремя исправиться. Когда брат добрался до дома и вышел на свет, он потерял сознание.

ФЛАДДА-ЧУАЙН.

На этом островке, расположенном на восточном побережье Скай, в свое время жили уроженец Малла и его жена. В этом месте есть могильник под названием "Монашеское захоронение" (*Cladh a Mhanaich*), существование которого усиливает чувство благоговения, естественное для такого одинокого места - одинокого островка в нескольких милях от суши в штормовом море. На берег прибило мертвое тело, которое было похоронено, после того как с него сняли одежду. После этого мертвец пришел в хижину, в которой регулярно в полночь останавливался Мулла, и сел греться у огня, который всю ночь горел на полу. Склонившись над огнем и протянув к нему ноги и руки, он сказал: "Я тихонько согреюсь, я тихонько согреюсь" (*Ni mi mo theóghadh 's mo theóghadh*), а затем добавил,

"Жена, которая сняла с меня брюки,

и мои хорошие черные туфли с меня,

И рубашку, что дала мне сестра, -

К ней, к ней, холодные ноги мои,

Много морей ты переплыл".[49]

После того как Мулл покинул это место, рыбаки, находившиеся поблизости, послали одного из них на берег, рыжего Дональда (*Dòmhnall Ruadh*), чтобы тот приготовил для них ужин в боти. Когда Дональд наклонился, чтобы разжечь огонь, что-то сильно ударило его по черепу и свалило с ног. Каждый раз, когда он пытался поднять голову, что-то снова било его по черепу. Он был уверен, что это призрак, который грелся у костра Мулла-человека, *Теоган*, о котором предупреждали его спутники. Не в силах подняться, он лег на спину, как его повалили, и, не смея взглянуть на обидчика, извивался по полу, пока не ухватился за столб, по которому и вскарабкался, чтобы спрятаться среди стропил. Когда пришли его спутники, оказалось, что призрак - это домашний баран, пристрастившийся, как и его сородичи, к попойкам.

ДОМА С ПРИВИДЕНИЯМИ.

Около полувека назад или даже больше уроженец Ранноха жил в Бонскейде (*Бонн-сгаод*) в соседнем приходе Блэр-Атол. Он был женат на женщине из Баденоха, которая привезла с собой слуг из своей страны. Фактически единственные слуги в доме были из Баденоха. Повинуясь закону, который приписывает таинственное тому, что находится в отдалении, Баденох в то время считался местом, где творилось колдовство и все "сверхъестественное". В доме в Бонскейде началась череда необъяснимых шумов и явлений. Репа и торф, брошенные невидимыми руками, летали по дому, свет перегорал, мебель таинственным образом передвигалась, постельное белье срывалось, и никто не мог быть уверен, что найдет ту или иную вещь там, где ее оставил. Во всем этом не было ни малейшего намека на присутствие смертного, и сразу же возникло предположение, что все это дело рук злых духов. Друг из Ранноха, побывавший в этом доме, торжественно заявил (а он был богобоязненным и надежным человеком), что сам слышал, как прялка спускалась по лестнице, и видел, как она разлетелась на куски на полу комнаты, в которой сидели он и семья, без всякого видимого вмешательства, ни одна ее часть не была сломана или повреждена. Он снова собрал его, своими руками отнес наверх и оставил на прежнем месте. Не успел он спуститься вниз, как колесо снова появилось тем же таинственным образом и разлетелось на куски, упав на пол. В другой раз, когда он стоял в байре, на него налетела репа и выбила свечу из рук. Насколько он знал, в байре не было никого, кто мог бы ее бросить. Эти летающие репы иногда прилетали так, будто их бросали в стену. Несчастный, в доме которого это произошло, терпел гонения больше года, и от этих неприятностей у него сильно пошатнулось здоровье и дух. Однажды, когда он стоял на очаге, грея заднюю часть ног об огонь, камень очага начал двигаться. В это время рядом стояла баденохская темноволосая девушка (*Caileag dhubh*), положив локоть на кухонный комод, а подбородок на руку. Он заметил, как она улыбается, и ему показалось, что именно она лежит в основе всех этих бед. Он выгнал ее и всех остальных слуг Баденоха, и больше никаких беспорядков не было.

Около двадцати лет назад в доме в Килмолуаге, Тири, произошли похожие события. За одним-двумя исключениями, все жители острова верили, что они вызваны каким-то сверхъестественным злом, и все суеверия, которые с распространением образования тихо угасали, возродились с новой силой. Никто не мог отрицать причастность духов, когда доказательства были столь очевидны. Все началось с того, что с крыши потекли струйки грязной воды, смешанной с песком. Горящий торф был найден среди постельного белья, а камешки - в мисках с молоком, где не должно было быть ни торфа, ни камешков; белье таинственным образом было поднято со стирки и найдено в другой комнате; предметы мебели передвигались без видимого прикосновения рук, а камни летали по дому. Беспорядки происходили не днем и не тогда, когда в доме собиралась большая компания. Несколько человек отправились укладывать призрака, и немало пороха и дробы было потрачено людьми несомненной храбрости на стрельбу в воздух вокруг дома. Досада стала настолько сильной, а советы "мудрых людей" настолько положительными, что семья переехала в другой дом, надеясь, что зла не последует. Однако переезд не возымел никакого эффекта, и, по слухам, беспорядки прекратились только после того, как были возвращены пропавшие деньги. Причина так и не была точно установлена, но есть основания подозревать, что ее, как и все подобные беспорядки, вызвал некто, подкупленный для этой цели и защищенный от подозрений притворным простодушием и ужасом.

Можно привести множество подобных случаев, произошедших в Горных горах. Случаи, происходящие в Англии, начиная с Вудстока и ниже, и на юге Шотландии, отличаются только

обстоятельствами стран. Все они, похоже, имеют одну и ту же особенность: трюки таковы, что их вполне может выполнить человеческий агент, но считается, что в этом месте нет человека, который бы их выполнял. Камни влетают в окна, как будто их бросили с неба, и оказываются лежащими на полу; ножка тачки пугает двух людей, занятых в доме серьезным разговором, пролетая между ними через окно и с силой ударяясь о противоположную стену; торф ударяет недоверчивого незнакомца между плеч, и он уходит домой верующим, и т.д. Страх и слухи преувеличивают значение этих приворотов, пока, наконец, не станет ясно, что дьявол необычайно занят в данной местности. Как только эта вера становится популярной, заблуждение легко распространяется.

Bòcain, GOBLINS.

Их, похожих на *Луидеага*, видят у бродов и мостов, а также возле дорог в одиноких местах, как уже говорилось, их бесчисленное множество. Любой необычный вид и звук в местности, которая носит название призрачной, становится гоблином для робкого человека, и одна из самых утомительных форм историй о привидениях - это рассказ о том, как рассказчик чуть не перепугался до смерти (количество которых не упоминается) из-за лошади, стоящей с вытянутой шеей и головой к нему, которую он принял за гигантскую человеческую фигуру, из-за белой козы на фоне скалы, заунывных криков совы и т. д. и т. п. Большинство призраков, однако, зависят не столько от воображения отдельного зрителя, сколько от накопившихся слухов, и объяснение им следует искать в любви людей к чудесному и склонности к преувеличению. Два или три лета назад на большой дороге, ведущей из леса Нант (*Coill' an Eannd*) в Килчренан на Лохавсайде, путника встретила темная тень, которая прошла мимо него, сама не зная как. Присмотревшись, он снова увидел тень, но на этот раз удаляющуюся, а в ее центре - маленького человечка, который становился все меньше по мере удаления тени. Этот человечек был известен как "*Bodach beag Chill-a-Chreunain*".

Примерно в то же время в окрестностях Инверарея появился призрак, который досаждал почтовым служащим и другим путешественникам. Один человек вступил в схватку с призраком в *Учдан-а-Бхиорайн-дуи* в Аппине и сказал, что тот ощущается в его руках как мешок с шерстью. Призрачных людей видели в *Учдан-на-Дубхайг* над Балачулишем; в *Ам-Флеодаир*, на броде у Лох-Мэдди в Уисте, постоянно видят "вещи", и нужно быть очень смелым человеком, чтобы после наступления темноты отправиться из Портри домой в Брейс в Скае. В миле от поместья, где дорога наиболее одинока, и на вершине постепенного подъема слышны звуки дросселирования и видны темные движущиеся объекты.

На острове Колл вершина подъема над *Grisipol* в свое время имела дурную репутацию места с привидениями. На вершине перевала находится белая круглая скала под названием *Снос Stoirr*. Однажды мужчина, направлявшийся в западную часть Колла, добрался до этого места около полуночи, и к нему присоединился человек верхом на лошади. Всадник не сказал ни слова и сопровождал его около трех миль до "Круглого дома", как назывался дом, построенный для проживания фермерских слуг замка Бреакача. Всякий раз, когда он пытался зайти в какой-нибудь из домов по дороге, молчаливый всадник становился между ним и домом и препятствовал ему. Когда они подъехали к Круглому дому, раздался крик петуха, и всадник исчез за воротами в пламени огня. Мужчину подняли в дом, он обливался потом и падал в обморок.

В Глен-Лайоне, в Пертшире, есть деревня *Кайсл*, а рядом с ней - брод (ныне мост) и овраг, называемый *Эас а Чайсл*. В начале нынешнего века невидимые руки бросали комья и камни в тех, кто переходил этот брод ночью. В конце концов, никто не решился переправиться. Однажды ночью переправлялся один из окрестных джентльменов, которого в народе

считали неверующим и человеком, не боящимся ни Бога, ни людей, и в него, как обычно, полетели комья. Он воскликнул: "Именем Божиим я бросаю вызов всем из ямы"; после этих слов таинственный звук унесся вверх по оврагу, и о метании комьев в этом месте больше никогда не слышали.

Район, в который сейчас входят приходы Килмартин и Килмайкл, расположенный в западной части канала Кринан, известен в окрестностях как Аргайл (*Earra-ghaidheal*), вероятно, из-за того, что сначала здесь поселилась кельтская колония из Ирландии. Жители Лох-Аусайда, например, говорят о человеке, идущем мимо Форда, что он спускается в Аргайл. Со временем это название распространилось и на графство. В общественную дорогу, проходящую через округ, однажды вселился призрак, наводивший ужас на жителей. Для его изгнания был вызван человек. Он встретил призрак и изгнал его во имя Петра и Павла, Иоанна и всех самых могущественных святых, но тот не двигался с места. Наконец он презрительно воскликнул: "Именем герцога Аргайла я велю вам немедленно убираться отсюда". Призрак тут же исчез, и больше его никогда не видели.

ГЛАВА VI. КЕЛЬТСКИЙ ГОД.

Авторы кельтских древностей выводят слово *Bliadhna*, год, от *Bel-ain*, "кольцо или круг Ваала", но это вывод противоречит этимологическим аналогиям, а также неприемлем, поскольку нет удовлетворительных доказательств того, что поклонение Ваалу когда-либо распространялось на кельтские племена. Его можно рассматривать только как часть того каламбурного жеманства, которым обезображена гэльская наука. Начальная буква *bl* встречается во многих словах, которые объединяет идея *разделения*, и *bliadhna*, вероятно, связана с такими словами, как *bloigh* - фрагмент; *ball* - пятно, конечность, и обозначает просто разделение или отдельную часть времени.

Кельтские обозначения года относятся к христианскому периоду, старому стилю. Если и есть какие-то следы языческих времен, то только те, которые можно почерпнуть из нескольких имен и церемоний.

Четыре времени года известны как *earrach*, весна, *samhradh*, лето, *fogharadh*, урожай, и *geamhradh*, зима. Последний слог в каждом из этих названий - *ràidh*, четверть или сезон года, промежуток в три месяца; изучающий гэльский язык заметит, что долгий и тяжелый гласный, из которого он состоит, вопреки общему правилу, касающемуся долгих гласных, сокращается и превращается в безразличный конечный слог. Во многих районах Высокогорья до сих пор считается несчастливym быть провозглашенным в одну четверть года и жениться в следующую, и это обстоятельство называется "быть" *верхом на временах года* (*gobhlach mu'n ràidh*). Старая поговорка гласит, что появление сезона происходит за месяц до его фактического прихода; *mios roi gach ràidh choltas*, т. е. за месяц до каждого сезона видно его появление. Характер времен года описан в старой загадке,

"Пришли четверо,

Без лодки и корабля,

Один желтый и белый,

Один коричневый, весь в сучьях,

Один из них управлялся с граблями.

А один - обдирать деревья".[50]

Нет сомнений, что происхождение названий, данных им, относится к периоду, предшествующему христианству.

Earrach, весна, происходит от *ear*, голова, *front*, восток. При наименовании четырех четвертей небес лицо, как и в случае с древнееврейскими названиями, должно быть обращено на восток. Правая рука (*deas*) - это название юга, а прилагательное *tuaitheal*, от *tuath*, север, означает "неправильно, слева, против солнца". Отсюда также: *toirt fo'n ear*, дословно "брать вещь с востока", означает "наблюдать"; *earalas* - предвидение, *то есть* наличие вещи в поле зрения; *earar* - день после завтра, *то есть* день перед ним. Латинское *bos* и греческое ἔας или ἦς указывают на то, что древнее кельтское название сезона было *fearrach*, и если это так, то оно может быть связано со *страхом*, *vir*, человек, первый *par excellence*, *ибо*, прежде, *furasda*, легко и т. д. *Eàrr* означает хвост, и долгий слог показывает, что это лишь другая форма *iar*, запад, позади, после, противоположная уху. Часто эти названия востока и запада называются *sear* и *siar*, *например*, *cha-n fhearr an gille shiar na'n gille shear*, "парень с запада не лучше парня с востока", то есть их всего шесть, а других - полдюжины.

Samhradh, лето, согласно старым глоссариям, происходит от обс. *samh*, солнце, и означает солнечный сезон или четверть. Это соответствует английскому названию, которое, очевидно, является смягченной формой *sun-mer*. Сейчас *samh* используется для обозначения "удушливого запаха, возникающего от чрезмерной жары".[51] На Тири так называют туманный тяжелый вид западного океана, и мало найдется выражений более распространенных, чем *samh chuain t-siar* - гнетущее чувство, которое вызывает беспокойное море на западной стороне острова. На Северных Гебридах *samh* означает сам океан. Распространенное по всему Нагорью описание нестерпимого зловония - *mharbhadh e na samhanaich*, *то есть* оно убило бы дикарей, живущих в пещерах у океана, как это, по преданию, делали великаны.

Fogharadh, осень, вероятно, связано с *fogh*, означающим легкость, гостеприимство, и *foghainn*, достаток, с той же корневой идеей *изобилия*.

Geamhradh, зима; лат. *hiems*, гр. χεῖμα. Несомненно, *geamh* имеет то же происхождение, что и греческое и латинское слова, но оно не находит своего объяснения в греческом χεω, наливаться. Судя по тому, что оно встречается в словах *gèamhlag*, ломик, *gèimheal*, цепь, *geamhtach*, короткий, жесткий и толстый, похоже, что в нем был гэльский корень, означающий связывать, быть жестким, что дает подходящую производную для названия сезона морозов и льда.

Mios, месяц, предположительно связан с *mias*, круглым блюдом, от круглой сферы луны, завершающей свой круг в течение месяца. Греч. μήν, зол. μεῖς, месяц; лат. *mensis*; санскр. *mâsas*, месяц, *mâs*, луна. Они показывают, что происхождение слова, несомненно, связано с луной. Названия в греческом, латинском и тевтонском языках показывают, что первоначально в слове присутствовала буква *n*, а гэльский язык, как и санскрит, свидетельствует о том же факте, долгий гласный. В иврите обычно *n* в конце слога и в середине слова ассимилируется с непосредственно следующим согласным, и более

вероятно, что оно исчезло в одних языках, а не перешло в другие. Другое гэльское название луны, *ré*, также используется для обозначения отрезка времени; *ri mo ré* - в течение моей жизни.

Однако исчисление времени по месяцам и дням месяца, как сейчас, было совершенно неизвестно горцам прежних времен; и даже сейчас коренное население говорит не "в такой-то день такого-то месяца", а за столько-то дней до или после начала лета или другого сезона, или до и после некоторых известных сроков и праздников, таких как День Святой Невесты, День Святого Патрика, Уитсанди (*caingis*), Хэллоутайд (*Samhuinn*) и т. д. Время всегда отсчитывается по старому стилю, и эта разница в обозначениях поначалу сбивает с толку незнакомого человека. Например, если сказать, что ловля линя на западном побережье длится с середины весны до пяти недель лета, то придется немного подумать, чтобы понять, что это значит с начала апреля до примерно 18 июня. Названия месяцев можно найти в словарях, но они явно производятся от латинских названий и ограничиваются современным печатным гэльским языком.

Связный рассказ о праздниках и днях, которыми отмечался год, следует начать с праздников, которыми отмечалось его наступление.

НОЛЛАЙГ.

Семь дней от Рождества до Нового года назывались *Ноллайг*, и в старые добрые и спокойные времена в эти дни никто не работал, а люди предавались дружеским празднествам и выражениям доброй воли. Отсюда поговорки: "Кого Рождество не развеселит, того Пасха оставит печальным и плаксивым"[52] и "Нет Рождества без плоти".[53] День Рождества назывался "днем большого Ноллайга" (*Latha Nollaig mhór*), а ночь перед ним - "ночью пирогов" (*oidhche nam bannagan*); день Нового года был известен как "день маленького Ноллайга" (*Latha Nollaig bheag*), а ночь перед ним - "ночь ударов" (*oidhche nan Calluinn*).

Название *Nollaig* происходит от латинского *natalis*, что подтверждается валлийским словом *Nadolig*, и поэтому соответствует английскому Christmas. Существуют различные объяснения названия ночи, предшествующей Рождеству. Одни говорят, что *bannag* означает "женский праздник", от *bean* - жена, праздник ликования, такой, какой обычно бывает при рождении ребенка, готовится женщинами в этот вечер в память о рождении Христа. Другие говорят, что *баннаг* - это пирог, который они преподносили каждому, кто входил в дом в эту ночь. Если это слово означает пирог, то оно относится только к рождественским пирогам или тем, которые используются в этот день. Когда на сайте был человек с достатком, он приводил в свой дом каждого, кого встречал на той неделе, особенно бедняков, и дарил им свой *баннаг* - большой круглый торт (*bonnach mòr cruinn*).

Новогоднюю ночь, или Хогманай, называли по-разному: "ночь свечей" (*oidhche Choinnle*) и "ночь ударов или битья" (*oidhche nan Calluinn*, а *Challuinn*). Первое название, возможно, произошло от того, что некоторые религиозные церемонии проводились при свечах, как предполагается, от английского названия Candlemas (2 февраля), или от того, что свечу держали зажженной до наступления Нового года. Другое название, как говорят, происходит от грохочущих ударов по сухой коровьей шкуре, используемой в вечерних церемониях; *colluinn* также используется для обозначения громopodobного удара или того, что в Низинах называют "буйным лизанием" (*stràic mhòr*). Таким образом, *thug e aon cholhuinn air* (он нанес ему один гулкий удар); *bi tu air do dheagh cholhuinneachadh* (ты будешь жестоко избит). Однако это слово, как уже давно заметил Лхуид (*Archæologia Britannica*, 1707), происходит от

Calendae, первого дня каждого месяца, который является началом всего года, а ночь в Горных горах считается предшествующей дню.

КАЛЛУИНН.

Ближе к вечеру стали собираться мужчины, а мальчишки бегали вокруг с криками и смехом, играли в синти и катали "снежных свиней" (*mucan sneachda*), то есть большие снежки. Шкуру зимней коровы (*seiche a mhairt gheamhraidh*) наматывали на голову одного из мужчин, и он уходил, за ним следовали остальные, колотя по шкуре, которая шумела, как барабан, стрелками. Беспорядочная процессия обошла три раза *deiseal*, согласно ходу солнца (то есть держа дом по правую руку), вокруг каждого дома в деревне, ударяя по стенам и крича, когда подходили к двери:

"Каллуинн из желтого мешка со шкурами,

Ударь по шкуре (по стене).

Старая жена на кладбище,

Старая жена в углу,

Еще одна старая жена у огня,

Заостренная палка в ее двух глазах,

Заостренная палка в ее животе,

Впусти меня, открой".[54]

Прежде чем эта просьба была выполнена, каждый из веселящихся должен был повторить стишок, называемый *Rann Calluinn* (то есть рождественский стишок), хотя, как и следовало ожидать, когда дверь открывалась для одного, несколько человек протискивались внутрь, пока в конце концов она не оставалась открытой для всех. Войдя на сайт, каждый из них получил угощение: овсяный хлеб, сыр, мякоть и порцию виски. Их предводитель отдал хозяину дома незаменимое дополнение к вечерним мумериям - *Caisein-uchd*, грудную полоску овцы, обернутую вокруг острия палки для игры в синто. Затем ее поджигали в огне (*teallach*), трижды обводили правой рукой (*deiseal*) вокруг семьи и подносили к носу каждого. До выполнения этой церемонии не давали ни капли питья. *Caisein-uchd* также делали из грудной полосы или хвоста оленя, овцы или козы, и столько, сколько выбирали, имели при себе.

Дом завешивали остролистом, чтобы отгонять фей, а мальчик, которого хлестали веткой остролиста, мог получить заверение, что за каждую потерянную каплю крови он проживет год. Эти царапины и заверения мальчики дарили друг другу, и это считалось хорошей шуткой.

Сыр был важной частью угощения и был известен как рождественский сыр (*Càise Calluinn*). Ломтик, отрезанный на этом празднике, или кусочек кожуры (*cùl na mulchaig*), если его сохранить и проделать в нем отверстие, обладает странными свойствами. Его называли *laomachan*, и человеку, потерявшему дорогу в течение следующего года, в тумане или иным образом, достаточно посмотреть в отверстие, и он ясно увидит свой путь. Взобравшись на вершину дома и заглянув через нее в *fàr-lus* (отверстие в крыше, служившее в старину дымоходом и окном), человек может узнать имя своего будущего мужа или жены. Оно

окажется таким же, как и у первого увиденного или услышанного имени. Кусочек *лаомачана* также ценен тем, что его можно положить под подушку, чтобы переспать.

В таком стиле жители деревни, мужчины и мальчики, ходили от дома к дому, во многих случаях под аккомпанемент волынки, и топили вражду прошлого года в веселье и радости.

Рождественские рифмы (*Rann Calluinn*).

В целом рифмы, которые использовались при обращении за входом, мало чем отличались в разных районах. Иногда изобретательный человек придумывал рифму, подходящую к месту и людям, и содержащую отсылки к происшествиям и характерам, которые усиливали царящее веселье. Ниже приводится один из наиболее распространенных вариантов:

"Я пришел сюда первым
Чтобы возобновить Хогманай;
Мне не нужно рассказывать о нем,
Это было заведено еще во времена моего деда.
В кармане у меня нагрудная полоска Каллуинн,
От нее исходит приятный туман;
Добрняк достанет ее первым,
И сунет нос в огонь на очаге.
Он обойдет детей по солнцу,
И особенно достанется жене;
Ведь его собственная жена больше всех заслуживает этого,
Рука, раздающая рождественские пироги.
Встань, молодая жена,
И юная жена, заслужившая похвалу;
Встань (и спустись), как ты привыкла,
И приведи к нам нашего *Каллуинна*.

Сыр, у которого гладкое лицо,
И глаз масляный не моргает;
Но если у вас нет этого рядом с вами,
Хлеба и плоти будет достаточно.
В моих башмаках вода,
И пальцы порезаны,

И у огня есть,
Что излечит мои жалобы,
И если у вас есть место, чтобы двигаться,
Встань и опусти стакан".

Следующая новогодняя рифма, должно быть, изрядно потрепала дыхание оратора и терпение его слушателей. Вероятно, она состоит из нескольких отдельных рифм, соединенных вместе, а содержащиеся в ней ссылки на "большого клерка с улицы" и т. д. делают весьма вероятным, что церемонии этого вечера были остатками праздника дураков и происходили на улицах Рима. Рифма приводится в том виде, в каком она дошла до нас.

"Благослови этот веселый дом,
музыкальным голосом,
Чтоб было оно как королевский дворец,
Не будучи расточительным.
Благослови каждого человека.
Кто окружает это собрание,
От седовласого со стажем
До того, кто в младенческом возрасте.
Благословите наших нежных мужчин,
и наших маленьких детей,
Всех, кто в это время
Прийти к Дональду.
Люди! Это начало моей истории.
И я должен ее рассказать.
Хо! Каждый черный, каждый черный щедрый!
Хо-хо! Каждый щедрый!

Разделите эту порцию
Мой слуга боронил!
Больше продукции!
Тогда Маргарет сказала,
"О, дорогая! Больше продуктов!
Тогда Мэри сказала,

"Моя дорогая!
Мартин стоит за дверью,
подслушивает нас!
"Это его оправдание, - сказала она.
Hu fudar! hei fedar!
Довольно с тебя, кахолка!
Яростный лед поднялся
на Дональда,
Он обрушился на Маргарет
Справедливое оскорбление!
Он постучал по арфе,
И зазвучали струны.
Он быстро достал *крамбат*
И попытался настроить ее.
Вы натворили бед, - сказал клерк,
О чем я не жалею!
Тебя постигло полное разорение,
с твоей сломанной палкой!
"У тебя есть целебный сосуд".
сказал арфист.
Когда ты испытаешь его во второй раз,
палка станет целой;
Так что твоя доля в чаше исцеления будет твоей".
О дорогой господин!
Пусть эта палка, обладающая многими достоинствами.
будет полна плодов!
В ночь свечей я отправился на новогодний пир,
В дом жирных пудингов,
Я попросил разрешения войти в дом,
уговаривая честными словами;
А большой клерк на улице сказал

Бессмысленное слово,

"Будь в руке моей золотая клюка,

Я б не дал вам головы от двери".

Я повернул на север к двери,

Это был северный поворот, который принес мне несчастье;

Я ударил большим пальцем ноги

В лицо камню,

Булавка упала, сковорода упала,

Бороны в двери упали,

Они издавали лязг, лязг, лязг!

Встань, молодая жена,

И честная дама, что несла похвалу,

Будь женственной, как подобает,

И принеси нам наши рождественские подарки.

Сыр с гладкой поверхностью,

И кишки, приготовленные с соком;

Но если это не подходит,

Хлеба и сыра будет достаточно.

Не жадность с открытым ртом

Привела меня в город,

а корзина

на спине моего слуги!

Белый слуга ловит меня,

Жир сжигает меня!

Откройте и впустите меня!

"Верно, - сказал добрый человек, -пусти его".

Следующую рифму назначили для всех, кому больше нечего было сказать:

"Я не питаю отвращения к сыру,

И к маслу не питаю отвращения;

Но капельку из бочки

Моя глотка жаждет".

НОВОГОДНЯЯ НОЧЬ.

Было принято поддерживать огонь в доме всю ночь. Никто, кроме друга, не должен был приближаться к нему, а в качестве дополнительной защиты от его погасания держали горящие свечи. Отсюда и другое название этой ночи - *Oidhche Choinnle*, то есть ночь свечей. Существовала рифма (которую автору не удалось восстановить), которую нужно было произносить при кормлении огня. Этим способом отгоняли зло от дома на весь последующий год. Если огонь гас, на следующий день нельзя было получить хворост ни от кого из соседей. Первый день года - четверть дня, в который было несчастливо выносить огонь из дома. Это давало возможность колдунам и людям со злым умыслом наносить непоправимый вред скоту и его продуктам. Поэтому в те времена, когда люциферовые спички были неизвестны, затухание огня было серьезным неудобством. Женщины использовали этот случай, чтобы испечь хлеб на следующий день.

Старики, предвидя будущее, с интересом наблюдали за ветром, который оставил старый год (*ghaoth dh'fhàgas a Choluinn*). Это свидетельствовало о преобладающем ветре в следующем году и указывало на его основные характеристики, как говорится в рифме:

"Южный ветер - жара и плоды,

Северный ветер - холод и буря,

Западный ветер - рыба и молоко,

Восточный ветер - плоды на деревьях".[55]

ДЕНЬ НОВОГО ГОДА

(*Latha na Bliadhn' ùr*); также называется Днем маленького Рождества (*Latha nollaige bige*).

Встав утром, глава семьи угощал всех домочадцев драмой. После этого на счастье давали ложку полусваренных свиной (*cabhruich leth-bhruich*), самой бедной пищи, которую только можно себе представить. Иногда соевки варили целиком, а в некоторых местах жена зажиточного фермера оставляла немного на ночь в доме каждого бедняка на ферме. Обычай есть это блюдо из свиной был известен в центральном нагорье и в Лорне, но, похоже, не распространялся на Малл, Морвен или Западные острова. Приветствуя друг друга, домочадцы должным образом приветствовали всех встречающих: "Хорошего вам Нового года" (*Bliadhna mhath ùr dhuit*), "И вам того же, и многим другим" (*Mar sin duit fhein is mòran diu*). Мальчики поспешили выйти на улицу, чтобы поиграть в свою вечную игру - синти, и был приготовлен завтрак, более роскошный, чем обычно.

В этот день не разрешалось выносить из дома ничего: ни пепла от костра, ни уборки, ни грязной воды, ни чего-либо другого, пусть даже бесполезного или мешающего. Выносить огонь из дома соседу, чей очаг остыл, было очень серьезным делом, так как это, как уже говорилось, давало власть злонамеренным отнимать у скота. Действительно, это было предзнаменованием того, что в течение года в доме наступит смерть. Хоспиниан рассказывает, что в Риме в день Нового года никто не позволял соседу выносить из своего дома огонь или что-либо, сделанное из железа (Ellis's *Brand's Antiquities*, i. 13).

Несчастливым считалось, если первой в дом входила женщина или если человек был с пустыми руками. Молодой человек, вошедший в дом с охапкой кукурузы, был прекрасным знаком процветания в этом году, но дряхлая старуха, просящая хворост для своего огня, была самым плачевным предзнаменованием. То же поверье о том, что некоторым людям везет как первокурсникам, привело к "любопытному обычаю" на острове Мэн, известному как *Quaaltagh* (Ellis's *Brand*, i. 538). Это слово отличается только написанием от гэльского *còmhalaich*, или *còmhaltaich*, - человек, встреча с которым предвещает хорошую или плохую судьбу. Чтобы обеспечить хорошее предзнаменование, в каждом приходе Мэна в день Нового года партия молодых людей ходила от дома к дому, напевая удачу жильцам. Считалось хорошим предзнаменованием увидеть в этот день солнце.

Ближе к середине дня мужчины собирались в подходящем месте, на самом большом и ровном поле в окрестностях, чтобы провести большой синти-матч (*Iomain mhòr*). Матч проводился между соседними районами и деревнями, или, если деревня была многолюдной, двумя лидерами, назначенными для этой цели, которые выбирали одного поочередно из присутствующих, пока не проходило все собрание. Кто будет выбирать первым, решалось следующим образом: один вождь держал свою палку для игры в синти (*каман*) вертикально, или вверх-вниз, и бросал ее другому, который ловил где-то посередине. Затем оба поочередно хватались за палку, причем рука одного из них располагалась ближе к руке другого, и первый выбор получал тот, кто ухватился за конец, так что мог трижды взмахнуть палкой вокруг своей головы. Иногда, чтобы быстрее решить вопрос, один спрашивал другого, что он выберет: "ногу или ладонь" (*chas no bhas*), имея в виду, какой конец клюшки он выберет: "нога" - это та, которой держат клюшку, "ладонь" - та, которой наносят удар по мячу. При выборе клюшку подбрасывали в воздух, и вопрос решался по ее острию, направленному на юг, более суммарно, чем по "голове и решке" медной монеты.

Днем, когда люди могли уберечься от удара, в игре использовался деревянный шар (*мяч*), а ночью, в сумерках или при свете луны, - клубок волос или ниток, называемый *crìod*. Цель игры заключалась в том, чтобы загнать этот шар "под град" (*thaghal*), то есть между и за определенные отметки на двух концах поля. Разумеется, у двух сторон были противоположные "грады". Игра начиналась с того, что мяч устанавливался в подходящем месте, и первый удар, называемый *Buille Bhàraich*, наносил вождь, владелец, священник, министр или другое главное лицо, присутствующее на поле. Игрок вставал напротив него и, если при первом ударе мяч промахивался, как это иногда случалось от излишнего раздумья, недостатка мастерства и практики и т. д., отбивал его в другую сторону, и, без дальнейших церемоний, каждый бежал за ним по своему усмотрению и бил по нему, как только представлялась возможность. Два или три лучших игрока с каждой стороны держались позади своей партии, "за градом" (*air chùl taghail*), как в игре в футбол, чтобы подстраховывать, когда их противники слишком часто отправляли мяч "домой". Иногда компании были настолько равны, что наступление ночи ставило точку в спорте, и ни одна из сторон не выигрывала "град". Каждый игрок получал столько упражнений, сколько считал нужным. Кто-то просто гулял по полю, а кто-то с трудом тащил себя домой по ночам от усталости. Можно многое сказать в пользу этой игры как лучшего из видов спорта на открытом воздухе, сочетающего в себе здоровые и, когда игрок выбирает, сильные физические нагрузки со свободой от верховой езды.

До и после игры играл волынщик. Женщины, одетые во все лучшее, стояли и смотрели на происходящее. По окончании игры вождь или лэрд давал ужин, а если его не было, то несколько человек приглашались в дом общего друга. Вечером давался бал, открытый для всех.

День Нового года, как и первый день каждой четверти года (*h-uile latha ceann ràidhe*), был великим *сайнингом*, то есть днем принятия мер предосторожности, чтобы отвести зло от скота и дома. Суеверные люди тщательно соблюдали определенные обряды: в байре сжигали можжевельник, животных помечали смолой, дома украшали рябиной, а дверные косяки и стены, и даже скот окропляли вином.

К Новому году ночи начинают заметно укорачиваться. Гэльская поговорка гласит, что в день маленького Рождества есть "час большей длины" (*uair ri latha Nollaige bige*), и объясняется, что это "час горячего парня" (*uair a ghille chonnaidh*). Слово *uair* означает "время", а также час; возможно, смысл заключается в том, что из-за удлинения дня человеку, приносящему дрова, приходится реже ходить за топливом, чтобы разжечь свет.

В день Рождества (*La Nollaige mòire*) говорили, что удлиняется *fad coisichean coilich*, петушинный шаг или походка, и это выражение объясняли тем, что птица успевает дойти до соседского нарзана, трижды каркнуть и вернуться обратно.

В Горных горах и на юге распространены те же поговорки. "Зеленый Йоль делает жирный киркъярд" имеет буквальный аналог в "*S i Nollaig uaine ni an cladh miagh (m.e. reamhar)*" и в "*S blianach Nollaig gun sneachda (m.e. Худой Йоль без снега)*".

Нет причин предполагать, что языческие обряды, связанные с периодом зимнего солнцестояния, были включены в церемонии Йоля или *Ноллайга*. Различные названия, связанные с этим временем года, имеют христианское происхождение; суеверия, такие как отказ от огня и запрет выходить из дома, можно отнести к Риму; обычай одеваться в коровью шкуру, предложенный Брандом (i. 8), с большой вероятностью является пережитком праздника дураков, который долгое время проводился в Париже в день Нового года и частью которого было то, что люди одевали себя в коровью шкуру (*vestiuntur pellibus pecudum*). Прижимание к носу осаливающих куска кожи, скорее всего, возникло в ходе веселья на том же празднике, а не в результате какого-либо языческого обряда. Смысл этого обычая неясен, но его характер слишком причудлив, чтобы связывать его с каким-либо языческим обрядом.

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ РОЖДЕСТВА.

(*Da latha dheug na Nollaig.*)

Это двенадцать дней, начинающихся от Рождества Христова или Большого *Ноллайга*, и считалось, что они представляют собой, с точки зрения погоды, двенадцать месяцев в году. Некоторые считают, что дни следует отсчитывать от дня Нового года. "Какая бы погода ни стояла в двенадцать дней, начиная с последнего декабря, она совпадет с погодой в соответствующем месяце" (Пеннант). В Ирландии считалось, что двенадцать дней означают двенадцать апостолов, а "в сочельник на Рождество ставили сито с овсом так высоко, как только могли, и в нем дюжину свечей по кругу, а в центре одну побольше, все зажженные. Это в память о нашем Спасителе и его апостолах, светильниках мира" (Brand, i. 25). Так же, несомненно, возникла и нотация Хайленд. Их также рассматривают как двенадцать дней между старым и новым стилем. Поговорка "полтора часа добавляется к дню свечей" (*uair gu leth ri Latha Coinnle*) свидетельствует о том, что в Шотландии, как и в Ирландии, издревле существовал подобный обычай; и хотя Ночь свечей (*Oidhche Choinnle*) сейчас называется

рождественской ночью, есть вероятность, что первоначально она обозначала сочельник или праздник Богоявления.

ЗИМНИЙ СЕЗОН.

Период, когда происходят вышеупомянутые торжества, а также до и после *Ноллайга*, в народе называли "черным черенком Рождества" (*Gearra dubha na Nollaig*) из-за его подверженности бурной погоде. Небо в это время опускается и темнеет, "ровное" солнце дает мало тепла, дуют сильные ветры.

Зимний *Dùlachd* длится шесть недель, предшествующих середине весны (*gu meadhon an Earraich*). Некоторые (например, *Highland Society's Dict.*, *sub voce*) называют это время *Dùbhlachd* и переводят его просто как "ветреная погода". Другие называют его *Dùdlachd* и обозначают им "глубину зимы". Это слово - сокращение от *duaithealachd*, от *duaitheil*, чрезвычайно грубого и неровного, эпитета, применяемого к штормовой погоде. Таким образом, *nach duaitheil an t-sìd?* Разве это не отчаянно грубая погода? *Ceann reamhar an duaithealais*, "толстый конец грубости", обозначает чрезвычайно грубое использование.

Ручной понеделник (*Di-luain an t-sainnseil*) - первый понеделник после Нового года, который был главным днем в году для *deachainn*, то есть для проведения испытаний и предсказаний будущего. Свое название он получил от *sainnseal*, шотл. *handsel* - подарок или презент в руке, который дарили в этот день каждому посетителю дома. *Sainnseal sona* - "счастливый или удачный подарок". В некоторых районах петушинные бои практиковались в школах, и дети приносили директору школы вознаграждение (деньгами). В других районах это происходило только на масленицу (*Di-màirt Inid*).

В Скае этот день называется *Di-luain Traosda*, и именно от него отсчитываются 12 дней, соответствующих по погоде 12 месяцам года.

ФЕВРАЛЬ (*Faoilleach*).

Название *Faoilleach*, как говорят, означает "Волчий месяц", от *faol* - дикий, отсюда также *faol-chu* - волк, то есть дикая собака. Он охватывает последние 14 дней зимы и первые 14 дней весны, первые называются зимним Фаолихом (*am Faoilleach geamhraidh*), вторые - весенним (*am Faoilleach Earraich*). Он также известен как "мертвый месяц" (*a' marbh mhiòs*). Зима все еще правит перевернутым годом, и вся природа кажется мертвой. Деревья давно потеряли листву, трава не подает признаков возобновления роста, поля и пастбища пусты. Когда все покрыто снегом, название "Мертвый месяц" кажется особенно подходящим. Время, отсчитываемое по старому стилю, почти точно соответствует нынешнему месяцу февралю, и поговорка о том, что "каждый месяц в году проклинает справедливый февраль", вполне подтверждается гэльскими изречениями о нем. Старики любили, чтобы он начинался с сильной бури и заканчивался затишьем, или (говоря их же словами) "входил с головой змеи и выходил с хвостом павлина" (*tighinn a stigh le ceann na nathrach, 's dol amach le earball reusaig*). Во время него должно быть три дня затишья, согласно поговорке: "Три дня августа в феврале и три дня февраля в августе" (*trì la Faoilleach san Iuchar, 's trì la Iuchar san Fhaoilleach*). Однако и февральское затишье, и августовская буря стали пословицами из-за своей неопределенности и непродолжительности. "Февральское затишье и августовский ветер" (*Fia' Faoilleach is gaath Iuchar*) - самые непостоянные вещи на свете. На севере говорили, что туман в феврале означает снег на следующий день (*Ceò san Fhaoilleach, sneachda maireach*). Старые люди говорили: "Лучше пусть земля будет разграблена, чем спокойное утро в феврале".^[56] Самое неразумное из ожиданий - ожидать черных "колючек в феврале" (*smeuran dubha san Fhaoilleach*).

К несчастью, если в это время года стоит такая жара, что, как рассказывают старики, скот бежит от жары; но это здоровый признак сезона, если люди ходят с руками, сморщенными от холода, пока они не станут похожи на копыта животных, и держат их в карманах (в старину - поясах) для тепла.

"Дикий месяц, дикий месяц, копыто в поясе

Следует много ликовать;

Коровы и овцы бегают в жару,

Плачут и причитают тогда".[57]

Считалось, что слышать гром в это время так же неестественно, как слышать мычание теленка в материнской утробе (*laogh a geumraich am broinn a mhàthiar*).

Earrach beag nam Faochag.

"Маленькая весна уэльков" - это период от Рождества (*Nollaig*) до Дня святой невесты или начала февраля. В это время этот вид моллюсков находится в самом лучшем состоянии, и суп из него, называемый *siabh* или *brochan fhaochag*, считался не хуже плоти.

СВ. ДЕНЬ СЯТОЙ БРИДЖЕТЫ.

День святой Бриджит, или святой невесты (*Feill Bride, Brithid*) - первый день весны, следовательно, середина *фаолиха*, 1 февраля по старому стилю, но 13-го по новому. Его часто путают с Кандлемасом, но этот день приходится на 2 февраля, тогда как День святой невесты - на 1-е. Эту ошибку допускает Мартин (*West. Isl.*, 1716, p. 119). Он говорит, что 2 февраля "хозяйка и слуги каждой семьи берут сноп овса, одевают его в женские одежды, кладут в большую корзину и кладут рядом деревянную дубину, которую они называют "кровать Брайда"; затем хозяйка и слуги трижды кричат: "Брайд пришел, Брайд желанный" (Brand, i. 56). Этот обычай давно исчез в тех районах Горных гор, с которыми знаком писатель, и единственные сведения, связанные с ним, которые он слышал, сводятся к тому, что в День святой невесты женщины стелили постель из березовых веток (*leaba bharraich*), а затем кричали в дверь: "Невеста, невеста, входи, твоя постель готова" (*Bride, Bride, thig astigh, tha do leaba dean-te*).

Как и в случае со многими гэльскими праздниками, церемониями и прочими древностями, происхождение Дня святой невесты следует искать непосредственно в Ирландии. Святая Бриджит, как нам рассказывают, была первой монахиней в Ирландии и основала свою первую келью там, где сейчас стоит город Килдэр, в 585 году. Она была родом из Ольстера и, построив монастыри и совершив чудеса, стала покровительницей Ирландии. В 1185 году ее тело было найдено в одном склепе с телами святого Патрика и святого Колумбы. Колодец рядом с ее церковью на Флит-стрит в Лондоне дал название "Брайдвелл" дворцу, подаренному Эдуардом VI городу под работный дом и исправительный дом. Почетное имя Святой Невесты, которая на протяжении многих веков славилась своей святостью и благочестием, таким образом, случайно стало ассоциироваться с преступным населением.

Признаком приближающейся весны является то, что в этот день вороны начинают каркать, а жаворонки петь более чистым голосом. В другой части этой работы объясняется, что

существовало поверье, согласно которому змея должна была вылезти из своей норы за семь дней до этого. Рифма, касающаяся ворона, гласила:

"Гнездо в день святой Бриджит,

Яйцо на Масленицу,

И птица на Пасху;

Если у вороны их нет,

то он умирает".[58]

Корректность наблюдений, которые она воплощает, подтверждается Уайтом (*Nat. Hist. of Selborne*), который называет 14-17 февраля периодом, когда ворон строит гнездо.

В Тири в этот день проводились петушинные бои, а школьному учителю давали вознаграждение. Вечером было принято устраивать бал.

Период от *Ноллайга* до *Фейл-Брида* считался одним месяцем и тремя днями.

ВЕСНА.

Фаолих вводит ряд названий, характерных для кельтов и (насколько известно писателю) не имеющих аналогов ни в одном другом языке. Обозначаемые ими отрезки времени простираются до начала лета, и каждое имя, в соответствии с гением гэльского языка, проявляющимся в названиях мест, прозвищах и т. д., носит описательный характер. Альманахи давно вытеснили древние обозначения, и теперь нелегко расставить их в нужном порядке или согласовать сохранившиеся в традиции счета с обозначениями альманахов. Продолжительность времени, приписываемого каждому из них, в разных районах, по-видимому, была различной.

Феадаг, СЛУХ,

следует сразу за Волчьим месяцем (*Faoilleach*), хотя некоторые помещают его перед *Cailleach* и около дня святого Патрика. В словаре М'Леода и Дьюара говорится, что это третья неделя февраля, которая по О.С. считается с 1 по 8 марта по Н.С. Таким образом, она сменяет *Faoilleach*, и так же считает Хью М'Лаклан из Абердина, самый ученый и опытный человек. В стихотворении, посвященном весне, он говорит

"Сезон, в который приходит пламенный Волчий месяц,

Холодный град, буря пуль,

Феадаг, Сгуабаг, мрак Геаррана

И дряхлеющий *Кайлих* с острой щетиной".

Он длится три дня, и его бурный характер показан в рифме:

"Феадаг, Феадаг, мать холодного Фаолиха,

Он убивает овец и ягнят,

Он убивает больших коней одного за другим,

И лошадей заодно".[59]

Гобаг, ОСТРЫЙ БОЛЬНОЙ,

длится неделю, другие говорят о трех, четырех и девяти днях.

Сгуабаг, УБИРАЮЩИЙ,

похоже, то же самое, что и три дня, называемые "Порывами ветра штормового месяца" (*loma-sguaba na Faoilleach*). Появление весны уже заметно, но плохая погода еще не прошла.

Худшая погода возвращается время от времени, а порывов ветра, неопределенных по своему приходу и продолжительности, становится все меньше, и они вполне заслуживают названия "Порывистые ветры февраля".

Gearran, A GELDING, OR PERHAPS Gearan, COMPLAINT.

Вполне возможно, что последнее было первоначальным названием, поскольку с ним всегда связан период, называемый *Caoile*, Leanness. Он длится больше месяца, и в Скае его делают преемником *фаолиха*. Старикам было известно правило: "первый вторник марта (по старому стилю) - последний вторник Геаррана" (*a chiad Di-mairt de'n mhàrt an Di-mairt mu dheire de 'n Ghearran*). В Тири, с которого открываются возвышенные холмы Рума и с зеленым видом которых в морозную погоду разительно контрастируют их заснеженные вершины, говорят, что в это время "большая кобыла Рума трижды обращается к своему жеребенку", то есть от холода и голода. Это выражение относится к тем временам, когда на Западных островах была найдена небольшая выносливая порода лошадей, похожая на шетландских пони, и их оставляли на зиму. Об этом также говорится:

"Тогда Гирран сказал Фаоилеаху,

Где ты оставил бедного Стирка?

Я оставил его у Того, Кто создал стихии",

и смотрел на стог корма.

Если я поймаю его, сказал май месяц,

с дыханием в ушах,

Я отправлю его на холм

С хвостом на плечах".[60]

Зверь выкарабкается, если сможет "поднять ухо выше рога", что в этом возрасте (один год) ему положено делать.

О сильных ветрах, приходящих в это время и хорошо известных на юге как мартовские ветры, говорят, что в своей жестокости они "посылают семь болванов снега через одно отверстие авгура" (*Chuireadh an Gearran seachd bola catha, stigh air aon toll tora, leis co gailbheach's a bha 'n t-sìd*).

Гирран считается лучшим временем для посева семян. Сильные ветры высушивают землю, и все сельскохозяйственные семена лучше положить в "сухое ложе" (*leaba thioram do' n t-sìol*). Точная дата появления этого стихотворения является спорной.

Пертширская рифма также свидетельствует о все еще штормовом характере погоды. То, что Гирран назван коротким, подтверждает мнение многих, что он пробыл в действительности всего семь дней:

"Тогда, сказал коротышка Гирран,
я разыграю тебя с помощью хитрости, которая ничуть не лучше,
Я положу большую корову в грязь,
пока волна не накроет ее с головой".[61]

Одни говорят, что Гирран наступает за месяц до дня святого Патрика по старому стилю, другие - за четырнадцать дней до него и четырнадцать дней после, *то есть* до и после 29 марта.

A Chailleach, старая жена.

Эта старая жена - та самая карга, которой люди боялись во время жатвы, когда последний стригуший должен был кормить ее до следующего урожая, и которой мальчики бросали вызов в своей новогодней рифме, а именно: "Голод, или Скудость на ферме". Весной она с молотком занималась тем, что подбивала траву.

"Она бьет здесь, она бьет там,

Она бьет между ног".

Но трава растет слишком быстро для нее, и в отчаянии она бросает молоток, и там, где он загорелся, не растет трава.

"Она бросила его под жесткое остролистое дерево,

где никогда не росла ни трава, ни волосы".[62]

Trì làithean nan òisgean, ТРИ БОРОДИНЫХ ДНЯ.

В сельских преданиях юга Шотландии считается, что три дня свиней - это три последних дня марта, и что они были заимствованы этим месяцем у апреля (Brand, ii. 42). Доктор Джеймисон (*Etym. Dict. of Scot. Lang.*) говорит: "Некоторые вульгарные люди полагают, что эти дни получили свое обозначение от поведения израильтян, когда они заимствовали имущество египтян".

Есть и горское объяснение, связывающее их с уходом из Египта. Это были дни, одолженные израильтянами для убийства пасхального агнца. "Некоторые пошли по эту сторону холма, некоторые - по ту" (*Chàidh cuid an taobh so 'n Chnoc* и т. д.).

Возможно, это дни, называемые в Тири "*trì latha na bo ruaidhe*", *то есть* "три дня красной коровы".

Mhàrt, время посева.

Это название, несомненно, происходит от латинского *Mars*, и в таком случае оно должно соответствовать месяцу марту по старому стилю, который начинается только 24 числа этого месяца. Это слово стало означать напряженное время года, будь то время посева или сбора

урожая, обычно, однако, первое. *Saothair a Mhàrt* - "самое напряженное время весны"; *a ghaoth luath luimeineach Mhàrt* означает "голый быстрый мартовский ветер", часто упоминаемый в "*Зимних вечерних сказках*" для обозначения большой скорости, а *a Mhàrt tioram blath* означает "сухой благодатный март". Благоприятным признаком сезона является то, что в его начале земля пропитана влагой. Старики загадывали,

"Полный бассейн в ожидании марта,

И дом-домик в бороздах пахотной земли".[63]

и считали хорошим знаком, если сильный ветер срывал с домов три слоя соломы (*trì breathan de thugha*). Совет по посеву семян звучит следующим образом:

"Пусть пройдет первое марта (*то* есть вторник),

И второго марта, если нужно,

Но будь погода хорошей или плохой,

Сеять семена свои в истинном марте".[64]

Другие говорят: "Хотя против северного ветра не пошлешь и камешка" (*ged nach cuireadh tu dòirneag an aghaidh na gaoth tuath*), сеять следует.

"Мартовская ночь быстрее, чем две в жатве" (*Is luaithe oidhche sa Mhàrt na dhà san fhogharadh*).

Инид, Шроветид.

Гэльское название происходит от лат. *Initium*, то есть начало Великого поста. Он всегда считался "первым вторником весеннего света" (*chiad Di-màirt de'n t-solus Earraich*), *то есть* новолуния весной. Это подвижный праздник, и это простой способ его вычисления. План, принятый английской церковью, сложнее: масленица всегда приходится на седьмой вторник перед Пасхой, а Пасха - "первое воскресенье после первого полнолуния, которое случается 21 марта или позже; но если полнолуние приходится на воскресенье, то день Пасхи - следующее воскресенье".

Масленица называлась "*an Inid bheadaidh*" (бесстыдная масленица), потому что день праздника предшествовал ночи, в то время как в случае всех остальных праздников ночь или бдение предшествовали дню. Причину этого можно найти в естественном нежелании начинать аскезы Великого поста.

Уже рассказывалось[65] (art. Diabolus), как Майкл Скотт, или, согласно скайской традиции, парсон сэр Андро из Ригга, близ Сторра на этом острове, отправился в Рим верхом на дьяволе и впервые узнал от Папы правило исчисления дня.

В школах в этот день устраивали петушиные бои и давали вознаграждение директору школы. Последний обычай соблюдался с большей правильностью в первый понедельник года - день, отведенный для подарков. Практика петушиных боев исчезла в Горных горах, но подарки школьному учителю практикуются повсеместно. Мальчик и девочка, сделавшие наибольшее пожертвование (а оно редко превышает шиллинг), объявляются королем и королевой школы и получают привилегию выпрашивать для школы "пъесу" (*то есть* праздник).

Названия, связанные с петушиными боями, которые до сих пор можно встретить в Горных горах, являются латинскими, что свидетельствует о том, что эта практика не является местной. Каждый мальчик приходил в школу, держа под мышкой петуха. Голову птицы покрывали, а хвост удаляли, чтобы она была более готова к бою и лучше сражалась, когда ее выпускали на волю против другой птицы.

Убежавших петухов называли *фуге*, и это имя до сих пор дают мальчикам, уклоняющимся от боя. Поверженную птицу провожали криками "беги, беги, петух с одним глазом" (*fuge, fuge, coileach sam*), а ее хозяин должен был заплатить штраф в несколько пенсов.

Масленица была одним из великих дней для *поения* скота, перед которым сжигали можжевельник и принимали другие суеверные меры предосторожности, чтобы уберечь его от вреда.

Те, кто был любопытен или беспокоился о своих будущих мужьях или женах, делали лепешку из сажи (*Bonnach sùith, B. Inid*), которую съедали, а остальное клали под подушку, чтобы видеть сны.

Считалось, что если на *Инид* была хорошая погода, то на Пасху будет плохая, и наоборот, как гласит рифма:

"Масленица сказала Пасхе,

Где мне место для игры?

Дайте мне зимний дворец,

А я тебе построю летний дом".[66]

Каргас, ЛЕНТ,

это период от Масленицы до Пасхи. Он длится 40 дней и связан с чудесными постами Моисея, Ильи и нашего Господа. На гэльском языке расчет велся так: "Семь коротких недель от масленицы до Пасхи" (*seachd seachdainean gearr goirid Eadar Inid is Càisg*). Название *Каргас* - это коррумпция *Квадрарезима*, итал. *Quaresimo*, 40, так же как *Inid* - от *Initium*. *Inid a charghuis* - это просто "начало сорока дней".[67]

СВ. ДЕНЬ КЕССОКА (Féill mo Cheasaig)

отмечался 10/22 марта. Говорят, что "в праздник святого Кессока каждый угорь беременный" (*Latha Feill mo Cheasaig bithidh gach easgann torrach*).

Святой был епископом в Шотландии в 560 году и дал имя парому Кессок (*Port a Cheasaig*), расположенному недалеко от Инвернесса, и рынку, который устраивается в Калландере, Пертшир, для сдачи внаем 22 марта или 10 марта по старому стилю. Ярмарка известна как "Десятый день", а среди населения, говорящего на гэльском языке, как "*Féill mo Cheasaig*". Скала в западном конце деревни известна как "*Том а Чейсайл*".

ST. ДЕНЬ ПАТРИКА (*Feill Pàruig*)

средний день весны, в который ночь и день имеют одинаковую продолжительность, 17/29 марта. На Гебридах считается, что определенным признаком этого дня является южный ветер утром и северный ветер ночью.

Святой приезжает из Ирландии к своим прихожанам в Барру и другие места на западе Шотландии, и его приезд и возвращение сопровождается благоприятным ветром. В преданиях горцев его называют "Патриком, благословившим Ирландию" (*Pàdruig a bheannaich Eirinn*), и говорят, что он был женат на дочери Оссиана, барда и последнего из Фейннов. Он родился в 373 г. н.э., но спорно, была ли его родина Шотландия, или Уэльс, или Англия, или Франция. Несомненно, в Ирландии и Шотландском нагорье о нем сохранились самые живые и добрые воспоминания. Многочисленные места, названные в его честь, разбросаны по всей Шотландии, Уэльсу и Ирландии.

После этого дня (*seach gun leum an Fhéill Pàruig*) (дословно: как только праздник Патрика перескочил) лимпет лучше, чем сыч, и, как говорят, в связи с этим к нему относятся с большим пренебрежением.

Latha Feill Pàruig

Muinidh bhairneach air an fhaochaig.

Еще одна информация, связанная с этим временем года, гласит, что с наступлением весны "когда лошади становятся худыми, крабы толстеют" (*mar is caoile 'n t-each, 's ann is reamhrad am partan*). Другие говорят: "Когда лошадь худая, сыч толстый" (*Nuair bhios an t-each caol bi 'n fhaochag reamhar*).

Оживляющее влияние весны сейчас дает о себе знать, если верить поговорке: "В земле нет ни одной травинки, но в День святого Патрика она выходит длиной с мышинное ухо" (*Chaneil luibh san talamh, nach' eil fad cluas luch dhi mach, latha Féil Pàruig*).

Старики любили, чтобы дни, непосредственно предшествующие этому дню, были бурными и чтобы, как они говорили, "борозды были полны снега, дождя и соломы домов" (*a chlaisich làn sneachda, làn uisge, 's tugha nan tighean*).

Особенно высокие приливы бывают в День святого Патрика, а также в день Благовещения Девы Марии, согласно поговорке,

"Весенние приливы в Женский день

И бешеные приливы в День святого Патрика".[\[68\]](#)

Marbhladh na Feill Pàruig, затишье Дня святого Патрика, означает тихие спокойные воды, которые иногда случаются в это время года; другие говорят *Bogmharbhlainn* и утверждают, что это означает вздутие (*tòcadh*), наблюдаемое в это время в море (от усиливающейся жары).

ДЕНЬ ЛЕДИ (*Féill Moire*).

Этот день назывался *Féill Moire an t-sanaís* (Бдение святой Марии в день благовещения), чтобы отличить его от *Féill Moire Mòr* (Большого дня святой Марии), Взятия Девы, который приходился на середину осени. Празднуется 25 марта/ 6 апреля.

БЕРЕГ ИЛИ МАУНДИ-ЧЕТВЕРГ.

Это был четверг перед Пасхой, известный на Гебридах как "*La Brochain Mhòir*", День большой каши. Наступала поздняя весна, и если зима не смогла выбросить на берег достаточное количество морских водорослей, то пора было прибегнуть к экстраординарным мерам, чтобы необходимое удобрение для земли. Готовили большой горшок каши с маслом и другими полезными ингредиентами и отправлялись на мысы у ручьев, где покоились водоросли. С каждого мыса, произнося определенные заклинания или рифмы, в море выливали определенное количество каши, и в результате, как считалось, гавани наполнялись морской утварью. Церемония должна была проводиться только в штормовую погоду. Его целью, несомненно, было, бросая продукты земли в море, заставить море бросать свои продукты на землю.

ХОРОШИЙ ПЯТНИЦА (*Di-haoine na Ceusa*).

Гэльское название означает буквально "пятница распятия". Этот день приходился на пятницу перед Пасхой и отмечался в память о Страстях Господних. Вряд ли найдется поверье, которое сильнее закрепилось в сознании горца, чем то, что в этот день ни в коем случае нельзя вкапывать железо в землю. Отвращение к этому было настолько велико, что самые суеверные распространили запрет на каждую пятницу. Разумеется, не пахали землю, а если нужно было похоронить человека, то могилу вскрывали накануне и деревянной лопатой выгребали землю из гроба. Возможно, причиной возникновения этого праздника стало то, что гробница нашего Спасителя была подготовлена заранее - она была новой, вырубленной в скале.

Говорили, что если день холодный, то он холоднее всех остальных, фактически самый холодный день за весь год.

Пасха (*Càsg*).

День, в который следует отмечать этот праздник, годовщину воскресения Господа, в свое время был причиной ожесточенных споров в христианском мире. Сначала это был предмет ожесточенных споров между Восточной и Западной Церквями, а затем между Римской Церковью и Ирландской и Британской Церквями. Праздник подвижен и зависит от времени первого полнолуния после весеннего равноденствия. Из-за исправлений в календаре, внесенных в Риме, но неизвестных британским церквям, стали отмечаться два разных дня, и к седьмому веку дискуссия о том, какой день правильный, стала настолько жаркой, а разница настолько скандальной, что в дело вмешались гражданские власти, и вопрос был решен в пользу Римской церкви Осви, королем Нортумбрии, в Уитби в 664 году. Кельтское духовенство обвинили в том, что они - квартодециманы (очень хорошее слово в споре), то есть соблюдают праздник, согласно иудейскому способу исчисления, в четырнадцатый день месяца Низан, независимо от того, выпадает этот день на воскресенье или нет. Это обвинение теперь повсеместно признано необоснованным, но, скорее всего, они следовали александрийскому правилу, по которому праздник Пасхи мог начинаться только восьмого марта, - правило, которого одно время придерживалась сама Римская церковь. Ни цикл, которому во время споров следовала кельтская церковь, ни цикл, которому следовала римская церковь, не являются преобладающими в настоящее время, так что если один день имел большее значение для праздника, чем другой, обе стороны были неправы.

В настоящее время в Горных горах соблюдается правило "семи коротких недель от масленицы до Пасхи", причем масленица - это "первый вторник новолуния весной", а Пасха - "первое воскресенье второго убывания луны весной" (*chiad Di-dòmhnaich de 'n dara earra-dhubh san Earrach*).

Название "Càisg" - это всего лишь гэльская форма древнееврейского *Pascha*. Замена P на C, K или Q хорошо известна в филологии, и наиболее заметное различие между валлийской и гэльской ветвями кельтского языка заключается в том, что последняя испытывает отращивание, которого нет у первой, к *p* в качестве начального согласного, предпочитая вместо него *c*. Лхайд (*Arch. Brit.*, p. 20) говорит: "Очень примечательно, что в ирландском языке почти нет слов (кроме заимствованных из латинского или какого-либо другого языка), начинающихся с P, настолько, что в древнем алфавитном словаре, который у меня есть, эта буква опущена; и не менее примечательно, что значительное число тех слов, начальная буква которых есть в британском, начинаются в этом языке с K или (как они постоянно пишут) C". Затем он приводит в качестве иллюстраций: *W. Pask*, *Easter*, *Ir. Kasg*; *Corn. Peneas*, *Whitsuntide*, *Ir. Kinkis*; *W. pen*, *a head*, *Ir. keann* и т. д. Он приводит у Вассиуса примеры аналогичного изменения в вопросительных и родственных предложениях греческого ионического диалекта. Легко узнаваемым примером является изменение греческого ἵππος в латинское *equus*.

В воскресенье Кайсг в Шотландском нагорье, как и в Ирландии, считалось, что солнце танцует вскоре после восхода, и можно найти немало уважаемых людей, утверждающих, что они видели это явление. Попеременное сверкание и потемнение солнца в беспокойное весеннее утро, несомненно, часто так истолковывалось теми, кто слишком долго смотрел на яркий объект.

Предрасположенность к северному ветру сделала "*Gaoth tuath na Càisg*" (северный ветер на Пасху) пословичным выражением. Самая трудная часть весны еще впереди, и это выражение используется, чтобы умерить чрезмерную радость и заставить людей вспомнить, что заботы жизни еще не все позади, что есть "долгая весна после Пасхи" (*Earrach fada 'n déigh Càisg*).

Другое выражение, напоминающее о том, что еще не поздно выполнить свои обязанности или устроить праздник, звучит так: "Праздник можно устроить и после Пасхи" (*Gleidhear cuirm an déigh Càisg*).

Пасха была особым праздником для молодежи, и подготовка к ней велась задолго до ее наступления. Каждое яйцо, которое мальчик мог украсть или взять в руки незаметно, он прятал в соломе хозяйственной постройки, или в ямке в земле, под дерном, или в любом другом месте, где, по его мнению, его сокровище останется нераскрытым. Когда наступал великий день, он и его товарищи, каждый со своей коллекцией яиц, удалялись в какое-нибудь уединенное место, подальше от домов, чтобы их не потревожили старшие. Здесь они устраивали грандиозный пир с блинами и бесконтрольно веселились. Яйца считались бесполезными, если только они не были спрятаны или украдены, и, возможно, это объяснялось тем, что с честно или открыто добытыми яйцами пиршество не было таким уж полностью независимым от старших.

Причина, по которой яйца вообще использовались, предположительно кроется в том, что яйцо символизирует воскрешение.

Два воскресенья проводились как Càisg. Второе отличалось только тем, что пиршество было лучше, чем обычно в домах. Первое воскресенье называлось "Большой Пасхой" (*Càisg mhòr*),

а следующее за ним - "Пасхой стариков" (*Càisg nam bodach*), что соответствует английскому Low Sunday.

ДЕНЬ ВСЕХ ДУРАКОВ

известен в Горных горах как "День дураков" (*Latha na Gogaireachd*), "День кукушки" (*Latha na Cuthaig*) и "День фокусов" (*Latha nan Car*). Он отмечается первого апреля по северному календарю, и это доказывает, что он появился в Горных горах совсем недавно. Уловки и обычаи этого дня такие же, как и в других местах: отправка знакомых на задания без рукавов. Иногда, но очень редко, проявляется некоторая изобретательность в использовании местных и проходящих событий, чтобы сбить с толку самых подозрительных и отправить их с посланиями для дураков. Нетрудно навязаться людям с серьезным лицом и правдоподобной историей, когда не составляет труда проверить, действительно ли столь вероятная история или столь настойчивое послание реальны.

Bailc na Bealltainn.

Четырнадцать дней, предшествующих майскому дню, известны как *Bailc na Bealltainn*, "балк или хребет Бельтайна". В это время море как бы пробуждается и становится более послушным ветрам. *Balc* означает "хребет", а также "вздвигаться", "сила", "*onfhadh*", "*foghail*". Погода часто угрожает, не прекращаясь.

"Если теплый майский день будет раздутым [угрожающим],

а на третий день будет сухо,

И будет восточный ветер после этого,

На деревьях непременно будут плоды".^[69]

Bealltainn, MAY-DAY.

Наступление лета повсеместно приветствуется с радостью, и день, признанный первым в сезоне, естественно, является одним из самых важных в календаре. Другой день, имевший такое же значение в кельтском году, был первым днем зимы, и названия этих двух дней, *Bealltainn* и *Samhainn*, как и многих других обозначений года, не могут быть отнесены к церковным источникам. Как и названия *Faoilleach* (месяц бури) и *Iuchar* (месяц жары), их лучше отнести к языческим временам.

Bealltainn обычно происходит от *Bel teine*, огня Ваала или Белуса, и считается надежным доказательством финикийского происхождения священных институтов кельтов. Однако эта деривация лишена всех элементов вероятности. Нет никаких доказательств того, что финикийский Ваал или какое-либо божество, напоминающее его, когда-либо почиталось кельтами, или что разжигаемые в этот день костры и совершаемые обряды имели какую-либо связь с приписываемыми ему атрибутами; а аналогии гэльского языка не позволяют предположить, что "огонь Ваала" может быть переведен как "Beall-tein". Кроме того, слово звучит не *Beall-teine*, а *Bealltainn* - разница в последнем слоге достаточно заметна для гэльского уха. Это разница между одинарным и двойным звуком *n*. Баал и Ашторет были верховными мужским и женским божествами финикийских и ханаанских народов и, как предполагается, олицетворяли генеративную и рецептивную силы природы, а также были идентичны солнцу и луне. В древнееврейском и родственных языках *Баал* - это просто почетный титул, означающий "Господь или Владыка", а в гэльском солнце и луна - существительные женского рода, просто описывающие внешний вид этих планет. Ничто не

указывает на то, что на них когда-либо смотрели как на божеств или приписывали им какие-либо атрибуты, подобные тем, что принадлежали Ваалу. В гэльском языке существительное "ограниченный" или "обладающий" всегда предшествует определяющему существительному, и потребуются веские доказательства, чтобы доказать, что "огонь Баала" может быть "Beltane", т.е. огнем Баала, а не "Tane-Bel" (*Teine-Bhàil*), т.е. огнем Баала. Контраст между английским и гэльским языками в этом отношении часто очень поразителен, и это надежное правило в этимологии!

Последний слог тот же, что и в слове *Samhainn*, конец лета, которое, по мнению Лхуида, происходит от *fuinn* (связанного с латинским *finis*), конец. В этом случае *t* просто аккрецирует. *L* тяготеет к *t* после него, как *m* к *b*, а *n* к *d*. *Beall*, вероятно, связано с другими словами, имеющими *bl* в начальном слоге, с корневой идеей разделения, расставания, открытия; и претендует на родство с *blàth*, цветком, *bial*, ртом, *bealach*, проходом, больше, чем с титулом семитского божества. Это день открытия года, когда суровая зима уходит, а времена года как бы расходятся. Позади остались зима, холод и неплодородность земли, а впереди - тепло, плодородие и красота. Последний слог имеет не больше отношения к огню, чем в словах *gamhainn*, а *stirk*, *calltainn*, а *hazel tree*.

Правду говорят, что на какой бы день ни выпадал Новый год, Белтайн приходился на следующий день. "Новый год - сегодня, Белтайн - завтра" (*Nollaig an diugh, Bealltainn a màireach*).

Иногда в это время бывает очень холодная погода, и это обозначалось выражением "скорбный лилипут на Белтане" (*Glaisein cumhach na Bealltainn*). Снег в это время был известен как "Снег около устья майского дня" (*Sneachda mu bhial na Bealltainn*).

В предшествующую ночь, то есть в канун Белтана, ведьмы бодрствовали и, как зайцы, ходили по улицам, чтобы забрать у коров их продукцию (*toradh*) - молоко, масло и сыр. Люди, верившие в их существование, старались противостоять их махинациям. Скоту за уши и в корень хвоста мазали деготь, животных окропляли мочой, чтобы они не дрались, дом завешивали рябиной и т.д. и т.п. Если до восхода солнца взбивали масло и готовили сыр (*muidhe 's mulchag*), то феи оставались вдали от фермы до конца года. Если кто-то приходил просить сычужный фермент (*deasgainn*), его ни в коем случае нельзя было давать. Он должен был использоваться для извлечения вещества из молочных продуктов самого дающего.

Когда наступал день, нужно было, независимо от погоды, хотя люди по щиколотку погружались в снег, или (как гласит гэльская идиома), хотя снег налипал на обувь, уводить скот на летние пастбища среди холмов (*àiridh*).

Ни в этот, ни в какой-либо другой первый день четверти года (*latha ceann raidhe*) огонь из дома не выносили. Это давало право заемщику брать молоко от коров заимодавца.

Люди устраивали в своих домах пиршества с едой лучше обычной. Ожидали прилета кукушки, и мальчики кричали: "Кукушка! прокричала "гаук" в желтый день Белтана" (*Gug-ùg ars' a Chuthag latha buidhe Bealltainn*).

В "Статистическом отчете Шотландии", 1794, XI. 620, описывается обычай, существующий в Калландере в Пертшире: мальчики отправлялись в этот день на болота и замешивали лепешку из овсянки, одну часть которой мазали черной краской. Затем хлеб клали в чепец,

из которого каждый вынимал кусочек. Мальчик, на чью долю выпадает черный кусок, должен трижды перепрыгнуть через пламя, на котором готовилась трапеза. Служитель Лоджирейта (V. 84) говорит, что празднества этого дня отмечались в основном пастухами, а Пеннант (*Tour*, р. 90) описывает аналогичный праздник пастухов, на котором куски пирога предлагались лисе, ворону, орлу и т. д. с просьбой, чтобы они избегали скота в течение года. На юге Ирландии, как нам рассказывают (см. Brand on May-day customs), коров заставляли прыгать через зажженную солому. Все это относили к Ваалу и человеческим жертвоприношениям, а прохождение через огонь и другие обряды считали остатками сирийских обрядов. На самом деле они являются лишь частью многочисленных суеверных обрядов, связанных с *поением* скота.

Sop seilbhe, или "Ветка владения", сжигалась на земле, владение которой должно было произойти на Уитсанди. Это была кормовая трава или вереск. Сжигание его на земле, как уже объяснялось, гарантировало владение (*bha e ceangailte aige tuille*).

Céitein, МЕСЯЦ МАЙ.

Это месяц, центром которого является день Белтайн (по старому стилю), состоящий из последних четырнадцати дней весны и первых четырнадцати дней лета. Его происхождение - от *seud*, "первый", это начало летнего сезона. Он идентичен нынешнему месяцу май. "Лучше снег в мае, чем отсутствие дождя" (*'S fhearr sneachda sa Céitein na bhi gun uisge*).

Месяц, предшествующий Бельтайну, назывался *Céitein na h-òinsich*, "майские дни глупышки"; слово *òinseach* обозначало как глупую женщину, так и кукушку. Повадки этой птицы, которая не имеет собственного гнезда и целый день бесцельно ходит по улицам, издавая свою особую ноту, создали ей репутацию глупой, о чем свидетельствует и шотландское слово *gowk*, а преждевременные проблески хорошей погоды, как считается, вводят ее в заблуждение относительно наступления мая.

НЕДЕЛЯ СВИСТА.

Seachdain na feadaireachd, свистящая неделя, - это первая неделя лета, а название дано в честь громких, свистящих ветров, которые часто случаются в это время. В это время не рекомендуется проводить полевые работы.

Màigh, МАЙ.

Название *Màigh*, обозначающее первый месяц лета, довольно распространено в Горных горах и встречается в песнях и пословицах. Это упоминается как неопровержимое доказательство того, что римские (или, скорее, церковные) обозначения времени были приняты в древнем кельтском календаре.

ИЗБЕГАЮЩИЙ ДЕНЬ ГОДА.

(*Latha seachnach na Bliadhna*.)

Это третий день лета, и его название - почти единственная часть поверий о нем, сохранившаяся до наших дней. Писатель долго искал объяснение этому названию и лишь однажды услышал удовлетворительное. Именно в этот день падшие ангелы были изгнаны из Рая, и в этот день люди должны избегать совершать любое зло. Если их поймают за этим

занятием, они будут точно так же изгнаны из мест прощения и подвергнутся "суду без милости". Если он выпадает на пятницу, то отправляться в путешествие не повезет.

Пеннант говорит об этом так: "Четырнадцатое мая несчастливо, как и день, на который оно выпадает".

Каингус, Уитсантид, Пентекост.

Это и Мартинмас - два главных дня семестра в Шотландии, в которые полугодовые слуги приступают к своим обязанностям, и в которые происходят переезды. В день Уитсандай (по старому стилю), особенно 25 мая, города Шотландии представляют собой оживленный вид из-за большого количества переездов или смены места жительства. Улицы переполнены домашними вещами, которые переносят из одного дома в другой. Арендаторы по собственному желанию снимают жилье, а срок аренды истекает в этот период.

В Лорне и районах к югу от него, вдоль Лохфайнсайда, этот срок называется *Feill Breunain*. Святой Брендан Старший, от которого происходит название, был аббатом Клонфеста в Ирландии в 578 году н.э. Его день приходится на 16-28 мая. От него происходит название прихода Килбрандон (по-гэльски *Sgìreachd a Chuain*, приход у океана) на западе Аргайлшира, а на острове Малл есть одноименная ферма. История гласит, что однажды святой с 14 спутниками отправился в путешествие в поисках Рая, и в штормовую погоду, когда море бурное, небо ненастное, а землю укрывают проливные дожди [это вызывает улыбку], он отправился на север в надежде найти его. Летом на Гебридских островах действительно бывают дни, когда сияние покрывает море, небо и холмы, "которые окружают море", и тогда он может подумать, что находится в пути.^[70]

В Сазерлендшире люди считают время по *Feill Chelzie*, рынку, проводимому во вторник этого срока, получившему свое название от шерстяной мануфактуры, ныне прекращенной, под названием *New Kelso*, недалеко от Лох-Каррона.

Названия *Caingis*, *Whitsuntide* и *Pentecost* являются модификациями одного и того же слова. Пятидесятница стала *pencas* в корнуэльском, в гэльском (который представляет *p* из валлийских диалектов через *c*) *caingis* (Kinkis), как *pascha* стала *W. pâsk*, Gael. *Càisg* (Kasg). Гэльский звук *c* или *k* представлен в саксонском языке звуком *wh*. Таким образом, мы имеем *cuibhle* (cuile), колесо; *cuip*, кнут; *ciod*, что?; *cuilein*, сынок; *co*, кто?; *cuist*, wheesht! be quiet!; *saoin*, хныкать и т. д. Так *Cencas* превратился в *Whitsun*. Праздник не имеет названия в языках Западной Европы, кроме тех, которые являются производными от греческого слова. Английское название считалось исключением и, следовательно, имело современное происхождение. Из света, брошенного на него кельтскими языками, мы делаем вывод, что оно имеет то же происхождение, что и остальные.

Каингус считается "в конце двухнедельного лета".

Feill-Sheathain, ST. JOHN'S OR MID-SUMMER'S EVE, 24 ИЮНЯ - 6 ИЮЛЯ.

Считалось, что в этот день кукушка входит в свой зимний дом (*theid a chuthag na tigh geamhraidh*). После этого слышать ее песню неестественно. Птицу можно увидеть, но не услышать. Она, как и сухонос, камнешарка и другие птицы, исчезающие на зиму, является одной из семи спящих, которые, как считалось, проводят зиму под землей.

Seathan, Swithin - это старая форма имени Джон, распространенная форма *Iain*, *Eòin*, а на острове Айла *Eathin*. Она до сих пор сохранилась в имени клана Маклин, Mac-ill'-sheathain, также пишется MacGhilleòin. Бывшую служительницу Килмора в Малле до сих пор помнят как *Maighsthir Seathain*, а вдова ее мужа, преданного и казненного за пиратство, поет очень жалостливую песню, которая начинается так: "Swithin is to-night a dead one."

"Tha Seathan nochd na mharbhan".

имена - те, что сейчас обозначены Джоном.

Mios crochadh nan Con, DOG-DAYS.

(Лит. месяц для вешания собак.)

Это мальчишеское и спортивное название месяца, предшествующего *Лунасдалю*, или первому августа, - времени наибольшей скудости у бедняков. Запасы прошлого урожая исчерпаны, а новые еще не поступили. Если не хватает корма для собак, рекомендуется, как лучшее, что можно сделать, повесить их. Кроме того, из-за сильной жары рекомендуется избавиться от всех лишних собак.

ЛАТХА МАРТАЙНН БУИЛГ, ПЕРЕВОД МАРТИНА.

(Лит. День Мартина Мешка.)

4-16 июля получили свое название Перевод Мартина от того, что в этот день останки святого Мартина, епископа Тура 397 года, "апостола галлов" (от его имени также происходит термин Мартинмас) были перенесены в собор Тура. В Шотландии этот день называется Днем святого Мартина Бульонского, а пословица гласит, что если олень встанет сухим и ляжет сухим на него, то есть если утро и вечер будут сухими, то до сбора урожая будет сухой сезон; также в Европе было распространено поверье, что дождь в этот день предвещает сырую погоду в течение следующих двадцати дней.

День святого Мартина Бага обычно переводится как день святого Свитина, который приходится на 15-е число. Святой Свитин был епископом Винчестера, а в гэльском календаре нет имени английского епископа.

Lùnasdal, LAMMAS, 1-12 августа.

В этот день, который приходился на четверть дня, старухи замаливали скот и совершали обряды, с помощью которых зло должно было оберегать их в течение следующих трех месяцев. Им мазали хвосты и уши дегтем, произносили заклинания (*òradh*) на вымя, надевали на хвосты красные и синие нитки, совершали различные обряды с клубками волос (*rolag*), растениями, огнем вокруг глиняных пиал (*crogain*), в которые наливали молоко или масло, и т. д. Творог и масло специально готовили для большого пира в этот день, на котором было очень важно, чтобы каждый получил столько, сколько пожелает.

В день Ламмаса муха-гад "теряет один из своих глаз" (*Latha Lùnasdal caillidh chreithleag an leth shùil*). После этой даты существо уже не такое злобное.

Lùnasdal - слово не гэльского происхождения, по крайней мере, удовлетворительной гэльской этимологии для него не существует. Возможно, это сокращение латинского *luna augustalis* - августовская луна. Римский месяц был лунным и отсчитывался от первого

появления на небе тонкого полумесяца луны. Луна в месяцы сбора урожая имеет большее значение для земледельца, чем в любое другое время года, и всегда обращала на себя внимание своим великолепием. Температура ночного воздуха имеет к этому самое непосредственное отношение. Гэльский язык свидетельствует об этом, давая осенней луне характерные названия.

Соответствующее английское название, Lammas, скорее всего, имеет то же происхождение и является сокращением *Lunamas*. Происхождение его от Lamb-mas - это "аффект каламбура", а предложенный г-ном Валланси вариант от La-ith-mas, "день поедания фруктов", крайне причудлив. Опускание *n* в середине слова, ради краткости или по неосторожности, часто встречается. Так *g* было опущено в *Lùnasdal*. Augustus, принятый как название шестого месяца до н. э. 6, стал *east* в корнуэльском и *eost* в армориканском.

ИУЧАР, ГОРЯЧИЙ МЕСЯЦ (*m.e.* АВГУСТ).

Иухар состоит из 14 дней лета и 14 дней осени, а день Ламмас по старому стилю, являющийся первым днем осени, соответствует нынешнему месяцу августу. С точки зрения погоды он считается противоположностью *Фаолиха*, "месяца шторма" - февраля.

Название происходит от устаревшего глагола *fiuchadh* - быть жарким. Lhuyd (*Archæolog. Brit.*) переводит *fiuchaeh*, кипящий, и *fiuchadh*, источник, *скатбра*. В другом месте он приводит *fiuchadh* как эквивалент латинского *æstus*. В некоторых северных районах название сезона до сих пор называется *Fiuchar*. Линлитгоу, знаменитый своими колодцами, известен в горных районах как *Gleann luch*, а меры Линлитгоу называются *tomhaís Ghlinn luch*. Опускание инициала *f*, как в случае с греческой дигаммой, слишком распространено, чтобы его иллюстрировать.

Fèill Moire, ДЕНЬ ВОЗВРАЩЕНИЯ.

Это средний день осени (*latha meadhon an fhogharaidh*), 15-27 августа. Он считался более днем, чем День святой Марии (*Féill Moire*) весной, и назывался "Большим днем святой Марии". Уборочные работы теперь активно продвигались вперед, отсюда и поговорка: "Большой праздник Святой Марии в жатве, снопы, вязанки и мужчины без пальто" (*an Fhéill Mhoire mòr a's t-fhogharadh sguab 'us ceangal 's daoine' as an léintean*).

Féill Ròid, РОДМАС, 14-26 СЕНТЯБРЯ.

Этот день - первый в сезоне гона у оленей, и считалось, что если ночь перед ним (*oidhche na Féill Ròid*) будет влажной, или (как выражались), "если олень возьмет свою голову влажной в сезон гона" (*ma bheir e cheann fliuch san dàmhair*), то после него будет месяц сухой погоды, и фермеру не нужно будет опасаться за сохранность своего урожая. В эту ночь среди холмов можно наблюдать великолепное скопление оленей.

Ночь, следующая за Рудмасом, называлась "ночью ореха", "ночью святого ореха" (*oidhche na snò, na snò Naomh*), название, причина которого сомнительна. Некоторые говорят, что оно происходит от того, что в эту ночь урожай делится на неравные половины, как ядро делится в орехе. Бранд (i. 353) упоминает об обычае ходить за орехами в день Руда, и, похоже, в народе бытовало мнение, что в этот день дьявол ходит за орехами. Но это не объясняет, почему орех называется Святым орехом.

Святой Руд - это то же самое, что и Крест.

МИХАЭЛЬМАС (*Feill Micheil*)

также известен в римско-католических районах Высокогорья как "День верховой езды" (*latha na marcachd*). На ровной зеленой площадке Борг (*machaire Bhorg*) в Барре устраиваются большие скачки, женщины приводят лошадей и садятся позади мужчин, сидящих верхом. Если во время скачки женщина упадет, это будет счастливым знаком. Все расходы по проведению праздника берут на себя женщины, каждая из которых берет с собой на ипподром большой толстый баннок из овсянки, сделанный с патокой, маслом и т. д.

Самхейн, HALLOWMAS,

первый день зимы, также известный как День всех святых (*Latha nan uile Naomh*), 1-13 ноября. По поговорке, если Хэллоумас выпадал на среду, это было признаком плохой зимы: "Когда Хэллоумас приходится на среду, после него наступает несчастье" (*Nuair is Di-ciadain an t-samhainn is iargaineach na déigh*).

Наступление зимы встречали с большим весельем и радостью, чем любое другое время года. Наступали холода, собирались плоды лета, вплоть до самых орехов, и молодым хотелось узнать свою судьбу, связанную с предметом беспокойства всех времен - будущими мужьями и женами. Этим естественным приветствием зимы объясняются и дневные церемонии, и вечерние игры. Вряд ли какие-либо из них имеют отношение к обычаям или божествам древних народов или к Священному Писанию, и такое объяснение следует искать в языческих временах.

В последний день осени дети собирали папоротники, смоляные бочки, длинные тонкие стебли, называемые *gàinisg*, и все, что годилось для костра. Все это складывали в кучу на возвышенности возле дома, а вечером поджигали. Костры назывались *самхнаган*. По одному на каждый дом, и было предметом честолюбия, у кого больше. Целые районы блистали кострами, и их отблески через горное озеро и со многих возвышенностей представляли собой чрезвычайно живописную сцену. Некоторые находят в них следы поклонения неизменному Ваалу, но нет причин смотреть на них иначе, чем как на естественное и вызывающее приветствие сезона, в котором костры наиболее необходимы, когда жара ушла, а холод, мороз и порывистые ветры покрывают все вокруг мраком. Костры разжигают по всем случаям общественного ликования или волнения, а костры Хэллоума - естественное выражение смены сезона. Возможно, изначально с этим праздником было связано какое-то божество, но теперь от него не осталось и следа ни в названии, ни в обычаях этого дня.

Когда наступал вечер, молодые люди собирались в одном доме, и в ход шли почти бесконечные игры (*cleasan*), целью которых в каждом случае было предсказание будущего жребия компании. Выйдут ли они замуж или нет, будет ли это в том году или никогда, кто женится первым, каким должен быть будущий муж или жена, их имена, профессия, цвет волос, размер, имущество и т. д. - вопросы были очень важными, а ответы на них служили источником неизменного развлечения. Способы гадания представляют интерес с точки зрения света, который они бросают на характер людей, среди которых они преобладали, и с антикварной точки зрения, как остатки языческих времен.

Туфля, пойманная за кончик и переброшенная через дом, предсказывает будущее по своему положению на земле с другой стороны. В каком бы направлении ни был направлен носок, бросающий скоро уйдет, и очень не повезет, если туфлю найдут с подошвой наверху - несчастье "готовится" для него. Тонкий, изящный ботинок, использованный таким образом, заставил человека, выловленного на Зеленом острове, заметить после нескольких лет молчания:

"Тонкий башмак, мало ценится,

Трудно сказать, кто ее будет носить".[71]

Он вполне мог так сказать, ведь владелец башмака умер через несколько дней.

Белок яйца, опущенный в стакан с чистой водой, по определенным приметам указывает, сколько детей будет у человека. Нетерпение и шум детей часто заставляли хозяйку проводить эту церемонию для них днем, и добрая мать, стоящая лицом к окну, опускающая белок яйца в хрустальный стакан с чистой водой, окруженная группой детей, с нетерпением наблюдающих за ее действиями, представляла собой милую картину.

Когда веселье начиналось, на каминной трубе писали имена подходящих или, по возможности, подходящих женихов, а молодому человеку, желающему узнать свою судьбу, завязывали глаза и подвели к списку. То имя, на которое он укажет пальцем, окажется именем его будущей жены.

Два ореха клали на огонь рядом друг с другом, представляя двух людей, имена которых были известны компании. По тому, как они горели вместе, или вспыхивали поодиночке, или отпрыгивали друг от друга, можно было судить о будущем браке пары или о ее надменном отказе друг от друга.

Делалось блюдо из молока и муки (*fuarag*, шотл. *crowdie*) или из толченого картофеля, в которое прятали кольцо. Компании раздавали ложки и начинали энергичную атаку на блюдо. Тот, кому доставалось кольцо, становился первым женатым. Это был отличный способ сделать поглощение пищи частью вечернего веселья.

В кадку с водой клали яблоки и серебряный шестипенсовик. Яблоки плавали наверху, а монета лежала ближе ко дну. Тот, кому удавалось поднять в рот и то, и другое, не используя зубы, считался очень удачливым и получал приз себе.

Если взять яблоко, пойти в комнату одному, разделить его там на девять частей во имя Отца и Сына, съесть восемь частей спиной к смотровому стеклу и лицом через левое плечо, а затем бросить девятый кусок через то же плечо, то в стекле можно увидеть, как будущий муж или жена подходит и забирает кусок яблока.

Человек, отправившийся во имя дьявола в одиночку полоть в амбаре, увидит, как в дверь входит его будущий партнер.

Незамужняя женщина, взяв клубок ниток и перешагнув по пути через стену, шла к печи или другой хозяйственной постройке. Здесь, держа один конец нитки, она бросала клубок в темноте в глазок печи (*sùil àth*), или через одно из стропил, или через перегородку, называя имя возлюбленного, на котором она заранее зациклилась, и восклицая: "Кто там внизу, на конце моей маленькой веревки?" (*co so shìos air ceann mo ròrain?*), в то же время она осторожно потянула за нить. В ответ кто-то или что-то потянуло за нитку на другом конце, и голос назвал имя ее будущего мужа. Существует история о том, как портной спрятался, ожидая, что к этому способу гадания прибегнут, а когда бросили мяч, поймал его и потянул за нитку. На вопрос "Кто это на конце моей веревки?" он ответил: "Я - дьявол" (*Tha mise, 'n deamhan*), и женщина, которой был дан этот страшный ответ, больше никогда не пыталась гадать.

Молодые женщины сеяли конопляное семя (*fras lín*) на девяти грядках пахотной земли, говоря: "Я сею конопляное семя, а тот, кто будет моим мужем, пусть придет и боронит его" (*Tha mi cur fras lín, 's am fear bhios na fhear 'dhomh, thigeadh e 's cliathadh e*). Оглянувшись, они увидели фигуру своего будущего мужа. Хэллоуин, ночь, предшествующая первому дню лунного месяца, всегда была темной, и эта церемония стала еще более ужасной благодаря рассказу о том, что однажды женщина увидела себя, идущую за ней, и так и не оправилась от последствий этого видения.

Окунув рукав рубашки в колодец на юге (*tobar mu dheas*), а затем сняв рубашку и положив ее сушиться перед огнем, встревоженный юноша, если он не проспит, увидит, как его возлюбленная войдет ночью и развернет рубашку.

Если положить в решето нечетное количество ключей, пойти одному в сарай и там хорошенько загадать их "неправильным поворотом руки" (*car tuaitheal*), то суженый придет и положит нечетный ключ правильно.

Если набрать в рот воды и пойти послушать (*farcluais*) у окна соседа, то первое услышанное имя окажется именем того, кто предназначен.

То же самое можно было узнать, если откусить кусок от последней телеги, на которой привезли кукурузу, и с этим куском во рту пойти, не разговаривая, послушать (*farcluais*) под окном соседа.

Распространенной практикой было ходить и воровать запасы кайла. Если растения не сорваны тайком, без ведома или согласия их владельца, они не годятся для гадания. Несколько молодых людей собираются вместе и, осторожно и с трудом пробравшись на подворье, тянут каждый первый попавшийся под руку чубук, наклонившись. Это должна быть первая, которую встречает рука. Затем растение забирают домой, осматривают на свету и, судя по его высоте, прямоте, цвету и т.д., определяют будущего мужа или жену. Количество земли, прилипшей к нему, означает деньги и имущество. Если положить его на ночь над перекладной двери, то утром он укажет на первого человека, вошедшего под него; а если положить под подушку, то он отлично подходит для сновидений.

Соломинка, вытянутая наугад из стога, указывает по количеству зерен на ней, какая семья будет у человека.

Три колосья кукурузы, сорванные таким же образом и положенные на ночь под подушку, вызовут сны о будущем муже, собирающем их.

Тарелка с чистой водой, одна с грязной и одна пустая ставились на пол, а на глаза набрасывалась салфетка; блюдо, в которое человек с завязанными глазами опускал указательный палец, указывало на служанку, вдову или вообще никого.

Если в эту ночь хоронили кусок плоти, то если утром в нем находили какое-либо живое существо, то хоронивший его человек женился, а если нет, то никогда не женился.

Если в эту ночь в доме будет храниться вода, в которой омыли ноги,^[72] (а феи часто заходили в дом в таких случаях), то человек, положивший в нее горящий торф, увидит в ней цвет волос своей возлюбленной.

Если взять в рот верхний дерн стены дома (*fòid fàil na h-anainn*) или ком над перемычкой двери (*àrd-dorus*) в зубы и найти в нем волос, то он будет того же цвета, что и волосы будущей жены того, кто совершает обряд.

Одним из главных представлений вечера было то, что молодые женщины шли к Пограничному ручью (*allt crìche*), (если он находится между двумя соседними владельцами, тем лучше) и с закрытыми глазами поднимали из него три камня между средним и большим пальцами, произнося такие слова:

"Я подниму камень.

Как Мария подняла его для своего Сына,

Для сущности, добродетели и силы;

Пусть этот камень будет в моей руке

Пока я не дойду до конца своего пути".[73]

Камни клали под голову, когда ложились спать.

Существовало множество других способов гадания, о которых слишком утомительно упоминать, - с помощью срезов плуга, различных металлов, поедания украденной сырой соленой селедки, посыпания кукурузы перед кроватью и т. д. и т. п. Эти обряды вряд ли можно назвать суевериями; они исходили скорее из духа веселья, чем из веры в их действенность. В каждом обществе найдется немало слабых и простых людей, которым легко навязать и заставить поверить почти во что угодно; но гадания на Хэллоуин оставили неизгладимое впечатление в умах немногих.

Фейл Фионнайн.

Канун Святого Финана - самая длинная ночь в году, и поэтому про очень глупого человека говорят: "Он такой же темный, как ночь Святого Финана, и эта ночь довольно темная" (*Tha e co dorch a ri oidhche Feill Fionnain, 's tha 'n oidhche sin glè dhorch*). Самый короткий день называется в стране Маккей, на крайнем севере Сазерлендшира, "Днем трех ужинов" (*Latha nan trì suipeirean*).

В эту ночь говорили, что "дождь - это вино, а камни - сыр" (*Tha 'n t-uisge na fhìon 's na clachan nan càise*), и считалось шуткой уговаривать мальчиков пойти и посмотреть. "Помню, - говорит один проницательный интеллигентный человек, - лет пятьдесят назад, когда я был маленьким мальчиком, я вполне удовлетворенно сидел на в канун Дня святого Финана, потягивая ложкой из большой кадки воду, в полной надежде, что следующая ложка окажется вином".

Название происходит от имени святого Финана, исповедника, епископа Клонарда, в Ирландии, в шестом веке. Сейчас этот день установлен как 12 декабря, но в Горных районах он является самым коротким в году, на какой бы день календаря он ни приходился. В старые времена он был очень почитаем, о чем свидетельствует рифма:

"Ночь святого Финнана - ночь празднеств,

А Рождественская ночь - веселья".[74]

Помимо названия дней календаря, святые использовались для обозначения местных рынков: День святого Кессока (*Fèill mo Cheasaig*) в Калландере уже упоминался. День святого Коннана (*Feill Connain*) - осенний рынок в Гленорчи; *Feill Fhaolain* проводится в Киллине; *Feill Ceit* - в Кенморе; в других местах есть *Feill Peadair*, *F. Aindreis* и т. д. Старики рассказывали о *Feill an Diomhanais*, празднике святого Безделья, который часто отмечают многие люди. *Latha na Sluasaid*, День лопаты, означает день погребения. *Bliadhna na Braoisge*, "Ухмыляющийся год", и *La Luain*, "Лунный день" (т.е. понедельник, который никогда не наступает), означают одно и то же - греческие Календы. *Bliadhna nam Brisgeinean*, Год серебряных корней, был вскоре после Каллодена и запомнился в Tiree как год большого дефицита. В предыдущие годы земля была заброшена из-за беспокойного состояния страны, и весной борозды были белыми от корней (*brisgeinean*), и люди делали из них еду.

ДНИ НЕДЕЛИ.

Они играют более важную роль в суевериях горцев, чем даже времена года. Названия, под которыми они известны, не кельтские; два - среда и четверг - скандинавского или тевтонского происхождения, а остальные - латинские. Суеверия, как и следовало ожидать, в большинстве случаев напрямую связаны с событиями из истории Священного Писания. Деление времени на недели было привнесено христианской религией из Ирландии, и ирландцы должны нести ответственность за принятые названия. Ни в названиях, ни в суевериях нет никаких следов эпохи, предшествовавшей христианству.

Dĩ, которое прилагается к каждому имени в значении "день", родственно латинскому *dies* и встречается в несколько измененном виде во всех кельтских диалектах. Любопытно, что в гэльском языке оно не встречается ни в какой другой форме или сочетании в значении "день", и тем самым возникает подозрение, что это всего лишь адаптация латинского слова, более легкая адаптация, поскольку в гэльском языке есть слова с похожим звучанием и родственным значением.

Di-dòmhnach, SUNDAY (dies Domini).

Имя *Dòmhnach* для нашего Господа не является общепринятым. Очевидно, оно происходит от латинского *Dominus*. Оно встречается в собственном имени *Maol-Dòmhnach* Ludovic, дословно "лысый" (т.е. бритый священник) нашего Господа, имя, которое до сих пор встречается в Скае и образуется подобно *Maol-Mhoire*, Miles (дословно "священник Святой Марии"), *Maol-Ciaran*, *Maol-Ruainidh*, и т.д. Недалеко от Строуна, в Блэр-Атоле, есть ручей, называемый *Allt Dòmhnach*, ручей нашего Господа; и *Tobar an Dòmhnach*, колодец нашего Господа, в Балмеанахе, на западе Тири. В амулете для набивки ткани встречается выражение: "Если он (носитель ткани) выйдет на поле или в бой, то полная помощь нашего Господа будет ему обеспечена" (*Slàn chomraich an Dòmhnach da*).

Этот день также известен как "*an Dòmhnach*" без приставки *dí*. Другие названия - встречающиеся в Писании, Суббота и т. д.

Растение, сорванное в воскресенье, по пословичному выражению, не приносит ни пользы, ни вреда (*luibh an Dòmhnach gun mhath gun chron*).

Di-luain, MONDAY.

В словарях говорится, что *Luain* - это гэльское название луны, совпадающее по происхождению с латинским *luna*. Оно используется только в названии этого дня и в

выражении *la luain*, поэтической фразе, означающей "понедельник наступит никогда", то есть "никогда больше". Предполагается, что от него происходит прилагательное *luaineach*, беспокойный, , но это слово никогда не применялось к луне. Оно относится ко всему, что беспокойно движется, перебегая с места на место, не задерживаясь надолго на одном месте, и никогда ни к чему не относится из-за изменения формы или очертаний. Его происхождение от *la uaine*, "зеленый день", абсурдно, и есть основания подозревать, что *luain* - это слово, созданное древними гэльскими грамматистами на основе латинского.

Считалось, что начинать пахоту (натягивать упряжь, как это называлось, *sìneadh na seisrich*) или любую другую работу в понедельник - несчастливая примета. Она будет выполняться слишком быстро или слишком медленно, согласно пословице,

"Работа, начатая в понедельник,

будет (слишком) быстрой или (слишком) медленной".[75]

Однако этот день считается благоприятным для удаления или "флирта", так же как суббота - наоборот.

"Субботнее удаление - на север,

В понедельник - на юг,

Хоть бы у меня был только ягненок

В понедельник я бы его убрал".[76]

Старики называли его "ключом недели" (*iuchair na seachdain*).

Di-màirt, TUESDAY.

Название происходит, очевидно, от латинского *dies martis*.

Это был хороший день для начала пахоты, и было предзнаменованием удачи, если какая-либо упряжь ломалась и пахота прекращалась на весь день. Такое поверье могло существовать только в старые добрые времена.

Ду-Куадайн, СРЕДА.

На этимологию этого слова было потрачено много изобретательности теми, кто восхищается загадочными значениями и считает, что каждое слово в гэльском языке должно иметь гэльское происхождение. То, что Lhuud говорит о радикалах и примитивах, в равной степени относится и к другим словам. Очень распространенной ошибкой в этимологии является попытка вывести все радикальные слова наших западноевропейских языков из латинского или греческого; или, более того, *вывести примитивы какого-либо одного языка из какого-либо конкретного языка*. Делая это, мы, кажется, забываем, что все языки подвергались изменениям, и что чем больше и вежливее любая нация, тем больше она подвержена (частично из соображений улучшения, а частично из роскошной бесцеремонности) переделке своего языка. Почти все слова, связанные с церковными делами, как в английском, так и в гэльском, были заимствованы из латинского и греческого, претерпев лишь те изменения, которых требует разница в языке. Когда и почему именно имя скандинавского божества, а не римское имя, было принято британской и ирландской церквями для обозначения этого или любого другого дня - это другой вопрос. Мы должны

искать (и это правило, которым, к сожалению, пренебрегают гэльские этимологи) истинное объяснение слов в любом языке, который предлагает вероятное и рациональное объяснение; в противном случае мы делаем "полезное искусство смешным", а этимолог превращается в "ничтожного догадчика".

Латинское название этого дня - *dies mercurii*, которое было принято в валлийском, корнуэльском и армориканском языках, но тевтонские названия происходят от скандинавского божества *Одина* или *Водена*, который, как предполагалось, соответствовал Меркурию. Это обозначение было принято в гэльском языке, как ирландском, так и шотландском. Как и во французском, в гэльском языке нет буквы *w*, и этот звук обозначается буквами *g* или *c*. Так, *gad* - остроумие; *gul* - плач; *cosd* - отходы; *clòimh* - шерсть; *cnuimh* - червь; *curaidh* - воин и т. д. Иногда, как указано в разделе *Whitsuntide (caingis)*, соответствующий английский звук - *wh*. Так день *Водена*, среда, стал *Di-ceden*.

На производное *ciad aoin'*, первый пост, можно возразить, что в кельтской или любой другой церкви не было поста в среду, что использование слова *aoin'* для обозначения поста вторично и происходит от пятницы (*di-haoine*), истинного постного дня, и что последний слог, являющийся основным, при таком производном должен быть сильно акцентирован, а не отпадать в просто конечный слог. Могильное *ia* в *Di-ciadain* объясняется тем, что *o* в *Woden* длинное.

В отношении молодых женщин существовало такое проклятие: "Да будет над тобой болезнь той женщины, которая надела на голову гребень первой среды" (*Galar na tè chuir a chiad chìr Chiadna na seann*). Болезнь заключалась в том, что она умерла бездетной.

Многие начинали сеять семена не весной, а в этот день или четверг. Этот день также считался удачным для начала пахоты.

На острове Колль одна ведьма, которую человек, уличивший ее в неблагоприятных проделках, попросил посетить ферму в виде зайца, ответила, что, поскольку день - среда, она ничего не может сделать. Почему ее власть была ограничена в этот день, неизвестно.

Ди'рдаоин, четверг.

Латинское название, *dies Iovis*, с небольшими изменениями сохранилось и у кимрской ветви кельтов, а гэльские имена взяты от *Thor*, *Tor*, а в некоторых диалектах *Thordan*, скандинавского божества, сына *Одина*.

Это удачный день для рождения теленка или ягненка, для начала ткачества ткани и для стрижки волос, о чем свидетельствуют рифмы:

(1) "Четверг - день благосклонного Колум-Килла.

День, когда можно завладеть овцами,

Чтобы положить ткань в основу, и оседлать корову на теленка".

(2) "Стригите волосы и бороду в четверг,

И затупите гвоздь в субботу".^[77]

Несчастливо, если день Бельтайн, первый день лета, выпадает на четверг, согласно поговорке: "Многие женщины останутся без младенца-сына, если Бельтайн выпадет на

четверг" (*Is iomadh té bhios gun mhacan baoth dar is ann air Di'rdaoin bhios a Bhealltainn*). У М'Интоша (*Gael. Prov.*, 146) сказано: "Горе матери сына волшебника, если Белтайн выпадает на четверг". Аналогичное предубеждение существовало против того, чтобы Хэллоумас (*Самайн*), первый праздник зимы, выпадал на среду.

Di-haoine, FRIDAY, DIES VENORIS.

Здесь гэльские имена возвращаются к латинским. Венера этимологически связана с гэльским *bean* - жена, как *Friga* - с немецким *frau*. В Арморике название дня - *dar guener*, и, как говорит Лхайд (стр. 9), "можно заметить, что начальное *gu* является общим для британцев, французов, испанцев и итальянцев; и что римляне часто начинают такие слова с *V* согласного". Гэльское слово произносится так же, хотя пишется *di-Fhaoine*, что, вероятно, является более правильной формой. В словарях говорится, что *Aoine* означает пост, но в этом смысле оно никогда не вошло в обиход и не встречается ни в песнях, ни в пословицах.

Суеверий, связанных с этим днем, было очень много, и их происхождение можно отнести к пятнице, которая была днем распятия Христа. В Страстную пятницу (*Di-haoine na Ceusa*), годовщину Страстей Господних, различные поверья имели двойную силу. Так сильно было убеждение, что в этот день силы зла имеют больше власти, чем в любой другой, что было принято говорить: "Пятница против недели" (*Tha Di-haoine an aghaidh na seachdain*).

В пятницу и в воскресенье не считалось приличным идти к больному человеку. Большинство относилось к такому визиту отнюдь не с добрыми намерениями, и многие с таким же удовольствием встретили бы смерть, пришедшую в дом, как и сочувствующего друга. По их мнению, разница была невелика.

Более суеверные не разрешали класть в землю железо, поэтому могилы не копали и не пахали. Однако обычно от пахоты воздерживались только в Страстную пятницу.

Не считалось удачей (*sealbhach*) в пятницу стричь волосы или ногти, точить ножи, начинать работу, считать животных или подходить к огню. В Аргайлшире и Высокогорье этот день вообще считается несчастливым для браков, но на юге это любимый день, а в Аппине, Пертшир, люди не желали жениться в любой другой день. Хорошо известно отвращение моряков к отплытию в этот день.

По пятницам феи посещали дома людей, и люди старались не говорить ничего такого, что могло бы их обидеть. Пятница называлась не своим именем, а "днем города" (*la bhaile ud thall*), и если кто-нибудь по несчастью упоминал это имя, то зло отводилось тем, что прохожие добавляли "на скоте города". Старухи в Тири предотвращали дурные последствия заточки ножей в пятницу, говоря "на ферме Кларка", имея в виду большого сильного человека с таким именем, к которому питали всеобщую неприязнь и который, как говорили, вошел в сказочный холм и заставил его обитателя дать ему лекарство от больной ноги.

Неприязнь эльфов к железу была заметной чертой их характера, а нежелание класть железо в землю, возможно, означало нежелание тревожить (особенно тем, что эльфам так не нравилось) землю, под поверхностью которой живет эта легко обижаемая раса. Маленький народ" быстро обижается, и ему неприятно слышать имя Пятницы, видеть, как точат железо или тревожат им землю. Если случалось упомянуть об этих существах, все опасность дурных последствий предотвращалась словами: "Благословение на их путешествия и поездки, это пятница, и они нас не услышат".

На западных островах горьким проклятием считалось пожелать, чтобы на человека обрушилось "число пятницы" или "крест числа пятницы" (*crois àireamh na h-aoine dh'amas*

ort). Если в этот день трижды пересчитать скот, кур, людей и т. д., то в конце года ни один из них не останется в живых. Многие в Тири помнят, что в их молодости верным способом привести старуху в ярость было начать считать цыплят в пятницу. Она редко позволяла им досчитать до трех или четырех. Вероятно, это суеверие возникло из-за веры в то, что именно в пятницу царь Давид пересчитал детей Израиля.

Люди не любили убивать корову, овцу или другого зверя, резать или клеймить телят или ягнят в пятницу, и многие не позволяли переводить свой скот с одного места на другое. Они не меняли своего склада. Если, например, наступал день перевода коров на летние пастбища, то более суеверные не позволяли этого делать, если этот день приходился на пятницу.

Поскольку работа, начатая в понедельник, шла слишком быстро или слишком медленно, о работе, начатой в пятницу, говорили, что она всегда будет сделана в спешке, "она будет бежать" (*bi i na ruith*). "Человек, родившийся в пятницу, всегда спешит" (*Bi neach a rugadh Di-haoine driopail*); отсюда и проклятие: "Бег, или спешка, пятницы да будет на вас" (*Ruith na h-aoine ort*).

"Угрожающая пятница делает слезливой субботу" (*'Si 'n Aoine bhagarach ni 'n Sathurna deurach*), и если в пятницу рано пойдет дождь, или (как гласит поговорка) если пятница поймает дождь "в рот" (*Nan glacadh an t-aoine na bhial e*), то весь день будет мокрым.

Di-sathuirne, SATURDAY (Dies Saturni).

Этот день, как и следовало ожидать, не считался удачным для начала работы. Считалось, что не имеет особого значения, начнется пахота или нет, но ни в коем случае нельзя было начинать изготовление ткани. "Основа, приготовленная в субботу, будет иметь на себе отпечаток семи суббот" (*An rud theid a dheilbh Di-Sathuirne, bi stad nan seachd Sathurn' air*). После захода солнца нельзя было заниматься прядением, но другие работы можно было продолжать, как обычно. Все работы должны прекращаться в девять часов вечера. Среди стариков в Кинтайле до сих пор считается дурным тоном работать дольше этого часа.

В Тири есть человек, который не разрешает вновь нанятому слуге приходить домой, чтобы поступить на службу в субботу. Однажды, когда день увольнения пришелся на субботу, он уговорил слугу прийти в пятницу, но только для того, чтобы постоять в доме несколько минут, чтобы отвести дурное предзнаменование.

Новолуние в субботу считалось предвестием бурной погоды. "Субботний свет семь раз сходит с ума, прежде чем погаснуть" (*Solus Sathurna gabhaidh e na seachd cuthaich mun d' theid e mach*).

Злое пожелание: "Да будет на тебе конец семи суббот" (*Deire nan seachd Sathurn' ort*), Macintosh's *Prov.*, p. 78; а в Ковале это порочное высказывание одной женщины другой: "Хуже того, на тебя обрушится болезнь семи суббот" (*Thig na 's miosa na sin ort, thig galar nan seachd Sathurn' ort*).

Возражение против удаления в субботу уже упоминалось в разделе "Понедельник".^[78] Такое же возражение существует и в Ирландии.

Конец недели очень благодарен рабочему человеку. "Увы! и увы! понедельник, но моя любовь - суббота" (*och is och! Di-luain, ach 's e mo luaidh Di-Sathuirne*).

ПОГОДНЫЕ ПРЕМУДРОСТИ И Т. Д.

Выражения, обозначающие сильный ветер, такие: "сдувание бугров с их мест" (*seideadh nan spòs*), "ветер, срывающий хвосты с лошадей" (*Bheireadh i na h-earbuill bhar nan each*), и "сдувание сарая над домом" (*chuir an t-sabhuill thar an tìghe*); сильный дождь вынимает "куски из земли" (*mìrean as an talamh*) и дает "молоко китам" (*bainne do na muca mara*), предполагается, что во время сильного дождя киты лежат на поверхности, чтобы охладиться; сильный снег "приковывает немощных к их кроватям" (*chròdhadh e na giùigirean*), сильные крепкие мужчины могут идти по своим делам. Мертвый штиль называют "спокойствием птиц" (*fia' nan ian*); в дни, когда ветер не шевелит ни волоска, а море не волнуется, мальки рыб выходят на поверхность, а морские птицы, которые и сами заметны в такую погоду, могут высматривать добычу.

Первое дуновение ветра после штиля приходит с юга, поэтому "Когда ветер стихает, ищите его на юге" (*Nuair a bhios gaoth air chall iarr a deas i*). После сильного дождя ветер приходит с запада, о чем говорит поговорка: "Западный ветер после жирного дождя" (*Gaoth 'n iar 'n déigh uisge reamhar*). Если наступают морозы, когда реки и водоемы вздуваются, а земля очень мокрая, то они длятся недолго; "замерзший полный бассейн долго не успокаивается" (*reodhadh an lodain làin, cha mhair e fada*). Самый сильный дождь идет с севера (точнее, с северо-востока), а самая долгая засуха - с юга; "нет дождя, кроме как с севера, или продолжительной сухой погоды, кроме как с юга" (*Cha-n uisge ach o'n tuath, 's cha turadh buan ach o'n deas*). Частота, с которой сила ветра ослабевает после дождя, породила пословицу "после ветра приходит дождь" (*an déigh gaoth mhor thig uisge*), чтобы обозначить, что после шумного веселья и смеха приходят печаль и заботы, вызванные размышлениями. "Северный ветер разгоняет туман" (*s's i gaoth tuath sgaoileas ceò*); "в первый день южный ветер, а в третий - северный" (*chiad latha de 'n ghaoth deas 's an treas latha de 'n ghaoth tuath*), то есть тогда они умеренные и лучше всего подходят для переправы на пароме. "Крапчатое лето дает белый, солнечный урожай" (*ni samhraidh breac riabhach fogharadh geal grianach*). Юго-запад - направление, откуда обычно приходят дожди, - известен на Гебридах как "Кахлаид на Буигейсг", ворота мягкой погоды.

ЛУНА.

И солнце (*a Ghrian*), и луна (*a Ghealach*) в гэльском языке женского рода, и их названия просто описывают их внешний вид. Нет никаких следов Бога-Солнца или Богини-Луны. Корень *gr* в слове *Grian* означает "рогатый" или "щетинистый" и указывает на солнечные лучи. Некоторые авторы утверждают, что это имя связано с именем Аполлона Граннуа, но эта связь - просто случайное сходство начальных букв. Корень *gr*, обозначающий то, что струится или щетинится, встречается в *gruag* - парик, струящиеся волосы; *greann* - угрюмый вид, щетина, как у разъяренной собаки; *grāin* - отвращение, от выворачивания носа и живота и щетинистого вида человека, испытывающего сильное отвращение, поэтому *отвращение* и т. д. *Gealach*, луна, происходит от *geal*, белый. Названия *luan*, *easga* или *easgann* приводятся в словарях, но уже вышли из употребления. Предполагается, что с первым связано *luaineach*, беспокойный, и *luaisg*, двигаться. *R'* обозначает любую планету.

Момент, когда луна начинает увеличиваться, называется *gob soillse* (букв. счет или клюв светила). Высота прилива, которая следует за его изменениями, - *bolg reothairt* (букв. раздутое чрево весеннего прилива). Рост луны - *fās*, а когда она убывает - *san earra-dhubh* (дословно: в своих черных границах).^[79]

В тот момент, когда луна начинает расти, (*air gob na gealaiche*) рога коров расшатываются на стержне (*slabhagan*), их можно отрывать и снова прикреплять. Рассказывают, что однажды возник спор о правильности альманаха, касающегося смены луны, и старик, поднявший вопрос, доказал свою правоту, повернувшись и сняв рог с одной из своих коров, как снимают ножны с ножа, и снова приклеив его. Эту историю рассказывают о человеке, жившем в Сконсере на острове Скай, о нескольких людях в Тири, и, несомненно, о людях в разных местах.

Говорили, что в *gob gealaich* никогда не бывает северного ветра.

Когда неженатый человек впервые увидит новую луну, он должен опуститься и поднять все, что попадется ему под руку. Если при поднесении к свету среди них окажется хоть один волос, то его цвет окажется цветом будущего мужа или жены. Несчастливо увидеть новую луну в первый раз, когда моешь руки или прикладываешь ладонь к лицу.

В старину большое внимание уделялось росту и убыванию луны. Садовые семена, такие как лук, кайла и т. д., если их сеяли в рост, всходили, а если в убывь, то росли как горшечные травы. Вити или тонкие веточки (*каол*), предназначенные для вертепов и корзин, срезали только на убывь. Ветки, срезанные в рост, оказывались хрупкими. Считалось, что деревья, срезанные в период роста, снова распускаются, но не те, что были срезаны в период спада. Яйца, снесенные в период межени, сохраняли для высиживания, а не те, что были снесены в период роста. Из первых выводились куры, из вторых - петухи. Птиц, вылупившихся в период роста, считали трудновыводимыми, и было сомнительно, что кто-то из них в итоге выживет. Отсюда *Eòin an fhàs*, птицы роста, - название слабых, тоскующих детей. Они не годятся для высиживания.

Многие не стали бы резать (*то есть* кастрировать) животное, теленка, жеребенка или свинью, во время роста луны, и существовало поверье, что коровы ищут быка только в первую и третью четверти луны и никогда во время приливов и отливов. Один человек на острове Айлей утверждал, что по тому, как корова навестит быка, можно определить, будет ли ее потомство быком-теленком или коровой-теленком. Если в первой четверти - первый, если на убыви - второй.

Вторая луна осени, луна сбора урожая или первая после осеннего равноденствия, по-разному называлась *Gealach an abachaidh*, "созревающая луна", из убеждения, что при ней урожай созревает в той же степени, что и днем; *Gealach bhuidhe nam broc*, "желтая луна барсука", поскольку эти настороженные животные, как говорили, занимаются тем, что уносят домой свои зимние запасы; *Gealach an t-sealgair*, "луна охотника"; и последняя луна сбора урожая, продолжающаяся в течение месяца перед Halloween (*Samhain*). Первая луна зимы называлась *Gealach a ruadhain*, "краснеющая луна", во время которой растительность росла ночью так же, как и днем.

Говорили, что именно в период появления новой луны (*gob gealaich*) не было северного ветра.

ССЫЛКИ

[1] Gheibh baoth 'guidhe ach cha-n fhaigh a h-anam tròcair.

[2] *Prov.*, p. 143.

[3] Is mairg is màthair do mhacan baoth, dar is ann air Di'rdaoin bhios a Bhealltainn.

[4] В Германии было распространено поверье, что ведьмы собирались в ночь перед первым мая (*т. е. в ночь на Бельтайн*) на горе под названием Блокберг, чтобы танцевать и пировать с чертями.

[5] По-видимому, крюк или вешалка для горшков были важным предметом атрибутики ведьм. Один пастух в Малле, придя поздно с холма с мокрыми ногами, повесил свои чулки сушиться на вешалку. Присутствовавшая при этом пожилая женщина снова стянула чулки, сказав пастуху: "Не делай этого; помни, что ты человек, который путешествует по холму днем и ночью". (*Cuimhnich gur duin' thus' tha siubhal a mhonaidh latha 's a dh'oidhche.*) Он так и не смог понять, что она имела в виду.

[6] Древний кувшин был шире с одного конца, чем с другого, а его узкий конец, или горлышко, закрывался подготовленной овчиной, которая называлась *fùileach* в Малле, *iomaideil* в Морвене и вообще на материке. Крест или обруч, который закреплял это покрытие на своем месте, также должен быть из рябины. Чурна работала, когда ее маленький конец многократно поднимали и опускали.

[7]

Badan de ni 'chaorruinn

Thig o aodunn Ealasaid,

Cuir snaithn' dearg 'us sreang as

Cuir sid an ceann a chrathadair;

'S ged thigeadh buidseach Endor

Gun ceannsaicheadh Ailein i.

Рифма была сочинена бардом Айлейном Даллом.

[8] De'n riabhach thug a' so sibh?

[9]

Di-luain a dh'éirich a ghaoth,

'S thog i orra fraoch us fearg,

Us innis do mhathair mo chuirp,

Gur h-e na h-uilc a rinn an t-sealg.

[10] В этой сказке есть доля правды: один из кораблей злополучной испанской армады был взорван в гавани Тобермори в 1589 году н.э. В те времена, когда новости распространялись медленно или не распространялись вовсе, было бы удивительно, если бы история или цели испанского флота были известны в Горных горах, или если бы жители Малла знали, что в

составе флота был какой-либо корабль, кроме того, который пришел к их собственным берегам.

[11] Семья из этого рода до сегодняшнего дня имеет репутацию колдовской. Последняя из них была известна писателю как бедная женщина, отличавшаяся большой проникательностью и мягким характером. Она исповедовала большое мастерство в исцелении скота с помощью чар и тому подобного *белого* колдовства.

[12] *Cùl a's aghaidh mo spòige ri Macillduinn.*

[13] Tha m'iteagun's m'atagun ag atadh ris na h-eibhleagun.

[14]

"Sann a nochd a thorchanaich leinn

Mharbhadh an urchuill earchaill mhòr."

"An do mharbhadh Maol Meanachan nan cat? Mar bhi na h-uile oidhche fhuair mi biadh 'us bainne na d'theaglach, bhiodh do sgòrnan fada riabhach ann am ìnein. Innis do Bhruc Riabhach gun d'eug Bladrum."

[15] Mhami, mhami! tha mo sheanair ag éiridh.

[16] Котта, *"Краткое открытие ненаблюдаемых опасностей"*, 1612. Цитируется по Beand, iii. 3.

[17] Автор написал эту главу в 1874 г. - Прим. ред.

[18]

Dia bheannachadh do shùil

Deur muin mu d' chridhe,

An luchaidh san tom

'S an otm ri theine.

[19] Ал. Рано в воскресенье, к ровному камню на берегу.

[20]

Teine dé air do bhus,

Rug do mhàthair chéil ubh,

'S thug thu fhéin mach an gur.

[21]

Beairt ribeach

Dubhan bradach

Slat cham chaoruinn.

[22]

Buainidh mise a mòthan
An luibh a dh'òrduich Criosd
Chaneil eagal losga-teine dhuit
No cogadh nam ban shìth.

[23]

Achlusan Challum Chille,
Gun sireadh gun iarraidh,
Cha d'thoir iad as do chadal thu,
Is cha ghabh thu fiabhrus.
Buainidh mis' an donn duilleach,
Luibh a fhuaradh an taobh bearraidh,
Cha tugainn e do dhuine
Gun tuilleadh air mo bheannachd.

[24]

Buainidh mis' an t-achlasan,
'S e luibh nam ban fionn e,
'S e chuir e eireachdail e
'S a chuir shòghail.
Luibh fhirionn e, luibh bhoirionn e,
Luibh bh'aig eòin an allt e,
Luibh bh'aig Ni Math na eiginn
'S aig Chrisd air aineol,
'S b'fhearr a dhuais do'n laimh dheas,
Am bitheadh e.

[25]

Buainidh mis' an t-iubhar àigh
Roimh chòig aisneam croma Chrìosd
An ainm an athar, a Mhic, 's an Spioraid Naoimh
Air bhàthadh, air ghàbhadh, 's air ghriobhadh.

[26]

Buainidh mis' a chathair làir

Mar bhuain Moire le da làimh,
Buainidh mi le m' neart i,
'S buainidh mi le m' ghlaic i, etc.

[27]

"A'v a chuis a choinneal
Thuair mi an'am laimh ga cumail
Um sheasamh a' s an deathaich
'S cha be sin m' abhaist
Un tigh mo mhathar 's m' athar."
"A'r a shocair a bhuinneag
'S math a b'aithne dhomhsa chuideachd
Aona mhart air thri sinnean
'S naoinear do mhuinntir."
"Cha be sin an gnathas
Bha 'n tigh m' athur no momhathar
Cha robh aona mhart air thré sinnean
Na naoinear 'a mhuinntir
Ach naoi slabhrinnean òir
An crocha 'n tigh Rìgh Sionnach".

[28] Другие говорят, что первым ее увидел его слуга - традиция, которая находит готовое объяснение всему рассказу, в попытке отговорить Хью с помощью преобладающего суеверия.

[29] После победы Дауарт взял в плен своего брата Лохбуя и отправил его в Кернебург, крепость, которой Даварты стали наследственными владельцами, на одном из Трешинишских островов, недалеко от Стаффы, к западу от Малла. Заботиться о нем он отправил "Черную Сару Макфи" (*Mòr dhu nic a Phi*) из Суидхе, что в Росс оф Малл, - самую нескладную женщину, которую он только мог заполучить, настолько уродливую, что ее прозвали "Вьючное седло" (*an t-srathair*). Черная Сара, однако, стала матерью *Мурча Гирра*, который в итоге стал хозяином отцовских акров.

[30] Кэмпбелл из "Рассказов Западного нагорья", ii. 83.

[31] Старика в Ахаракле, на севере Аргайлшира, побрили, вымыли ему лицо, расчесали волосы и позаботились о его внешнем виде в преддверии его скорой кончины. Когда ему попытались подстричь ногти, он сказал своим друзьям, чтобы они оставили их в покое: "Они, - воскликнул он, - лишь легкое оружие для меня самого, ведь я не знаю, куда иду". (*'S beag an t-armachd dhomh fhìn iad, 's gun fhios 'am cean' tha mi dol.*)

[32] MacGlumag na mias, o liath tarrang shìoda, burrach mòr.

[33]

'S gum b'ainm do'n fhuath nach robh tiòm
A mhuireartach maol, ruadh, muing-fhionn;
Bha-aodunn du-ghlas, air dhreach guail;
Bha-deud a carbaid claon-ruadh;
Bha aon sùil ghlogach na ceann,
'S gum bu luaith i na rionnach maghair;
Bha greann glas-dhu air a ceann
Mar choille chrionaich roi chrith-reothadh.
M. S.

[34] Северный Морар известен как *Mòrair mhic shimidh*, а Южный Морар - как *Mòrair mhic Dhùghaill*.

[35]

Dar chaidh Fionn don Bheinn
Thachair ris Colann gun cheann.

[36]

Коланн гун чинн,
Thig a nall 's thoir leat mi.

[37] Fhaic thu 'n t-sean bho liath, 's i gun bhiadh, a thàillear.

[38] Sgòrnan fada riabhach, 'se gun bhiadh, a thàillear.

[39] Chì-sa, mhic, chì-sa, mhic, chì-sa sid 's fuaigheam so an dràsda.

[40] Gairdean fada riabhach 's e gun fheòil gun bhiadh, a thàillear.

[41] Spòg mhòr liath gun fhuil, gun fheòil, gun fhéithean, 's i gun bhiadh, a thàillear.

[42] Spòg mhòr liath, 's i gun bhiadh, a thàillear.

[43] Возможно, с этим связана поговорка: "Проси у Камерона все, но не проси у Камерона масла" (*Iarr gach nì air Camsrhon ach, ach na iarr ìm air Camsrhonach*). Клан также называют "мягкими Камеронами масла" (*Camsrhronaich bhog an ime*).

[44] Отсюда происходит, по крайней мере, иллюстрация к поговорке: "Возьми жену из ада, и она приведет тебя в свой собственный дом" (*Thoir bean a ifrinn, 's bheir i gu tigh fhein thu*).

[45] Именно в доме этого человека, по преданию, останавливался на ночь после убийства Аллан Брик, настоящий убийца Колина Кэмпбелла из Гленура, когда совершал побег. Джеймс Стюарт из Ардшила был повешен в цепях за это убийство в 1752 году.

[46] О чрезмерном употреблении вина вождями Западного Хайленда свидетельствует дистих:

"Нил, сын Рори, быстро путешествующий,
Который давал вино своим лошадям,
Чтобы они избегали луговых вод".

[Nial Mac Ruaraidh 'n astair
Bheireadh fìon da chuid eachaibh
Air son bùrn an lòn a sheachnadh].

[47]

Bha mi'n Dun-Eideann an raoir,
Tha mi'm thalla féin a nochd;
'S fiach an, dadum ud 'sa ghréin
Chaneil annam féin do neart.

[48]

Mar bhi na gathannan caol giuthais
Bhiodh so gu d'phuthar-sa, Dhò'uill Ghuirm Oig.

[49]

Bhean, thug mo thriubhas dhìom
'S mo bhrògan grinne dubha bhuam,
'S an léine thug mo phiuthar dhomh, -
Thuige, thuige, chasan fuara,
'S ioma cuan a shiubhail sibh.

[50]

Thàinig ceathrar a nall,
Gun bhàta, gun long,
Страх buidhe, fionn,
Бойся слатагача, донн,
Fear a bhualadh na sùisde,
'S fear a rùsgadh nan crann.
Toimhseagan.

[51] Словарь Общества Хайленда, *sub voce*.

[52] *Am fear nach dean a Nollaig sunndach ni e chàisg gu tursach deurach.*

[53] *Chaneil Nollaig gun fheòil.*

[54]

A challuinn a bhuilg bhuidhe bhoicinn

Buail an craicionn (air an tota)

Cailleach sa chill,

Cailleach sa chùil,

Cailleach eile 'n cùl an teine

Bior na da shùil

Bior na goile

A challuinn so,

Leig astigh mi.

[55]

Gaoth deas, teas is toradh

Gaoth tuath, fuachd is gaillionn,

Gaoth 'n iar, iasg is bainne,

Gaoth 'n ear, meas air chrannaibh.

[56]

B' fhearr leam a chreach thigh'nn do'n tìr

Na mhaduinn chiùin 'san Fhaoilleach fhuar.

[57]

Faoilleach Faoilleach, cruth an crios

Faoilte mhòr bu chòir bhi ris;

Crodh us caoraich ruith air theas,

Gul us caoidh bu chòir bhi ris.

[58]

"Nead air Brithid, ubh air Inid,

'S eun air Càisg,

'S mar bi sin aig an fhitheach

Bithidh am bàs".

[59]

"Feadag, Feadag, màthair Faoilleach fuar,
Marbhaidh i caoraich us uain,
Marbhaidh i 'n cro mòr mu seach,
'S an t-each ris an aon uair."

[60]

"Thuart an Gearran ris an Fhaoilleach,
C'àit an d' fhàg thu 'n gamhuinn bochd!
Dh' fhàg mi e aig an Fhear rinn na dùilean,
'S dhà shùil air an t-sop.
Ma bheireas mis', thuirt a mios Màigh,
Air an anail am barraibh a chluas,
Cuiridh mi ruideis air an tràigh e,
'S fheaman air a ghualainn."

[61]

"Sin thuirt an Gearran gearr,
Nì mi farran ort nach fhearr,
Cuiridh mi bhò mhòr sa pholl,
Gus an d' thig an tonn far a ceann."

[62]

"Buailidh i thall, buailidh i bhos,
Buailidh i eadar a da chois;
...
Thilg i e fo 'n chraoibh chruidh chuilinn,
Air nach do chinn gas feur no fionnadh riamh."

[63]

An linge làn air chionn a Mhàrt,
'S tugha nan tighean an claisean nan iomairean.

[64]

Leig seachad a chiad Mhàrt
S an dàrna Mhàrt màs fheudar e,
Ach olc air mhath gan d'thig an t-sìd,

Cuir do shìol san fhìor Mhàrt.

[65] Campbell's *Superstitions of the Scottish Highlands*, p. 296.

[66]

Thuir an Inid ris a Chàisg,

C'àit am faigh mi àite cluich?

Thoir thusa dhomhsa pàilliun geamhraidh

'S togaidh mi tigh samhraidh dhuit.

[67] Эта деривация была получена из, а другие подтверждены Lhuud (*Archæologia Britannica*, опубл. в Оксфорде, 1707). Работа имеет размер фолианта и содержит много любопытных и разумных филологических наблюдений. Ее главный недостаток в том, что ценное погребено на страницах неинтересных глоссариев.

[68]

Reothairt na Feill Moire

'S boilich na Feill Pàruig.

[69]

Mas a bailc Bhealltainn bhlàth,

Mas a turadh an treas là,

'S mas a gaoth an ear a rithis,

'S cinnteach gum bi meas air chrannaibh.

[70] На Гебридских островах название "канун Святого Брендана" для праздника Уитсанди совершенно неизвестно. Рассказывают, что одному тирийцу из последнего поколения тогдашний камергер острова, уроженец материка, пообещал крофт или участок земли и сказал: "Твое имя будет внесено в арендную ведомость в день святого Брендана". Тириец отправился домой и спросил у своего крестного отца (*goistidh*), какой день имеется в виду. "Не знаю, - сказал его крестный отец, - если только это не судный день".

[71]

Bròg thana, 's i gun mheas,

Gun fhios co chaitheas i.

[72] Кэмпбелл *"Суеверия Шотландского нагорья"*, стр. 260.

[73]

Togaidh mise chlach,

Mar a thog Moire da Mac,

Air bhrìgh, air bhuidh, 's air neart;

Gun robh a chlachsa am dhòrn,

Gus an ruig mi mo cheann uidhe.

[74]

Feill Fionnain nam fleadh

S' oidhche Nollaig na mòr bhladh.

[75]

Tinnste (tionnsgnadh?) nitear Di-luain,

Bithidh e luath no bi e mall.

[76]

Imrich an t-sathurna mu thuath,

Imrich an Luain mu dheas,

Ged nach biodh agam ach an t-uan

'S ann Di-luain a dh 'fhalbhainn leis.

[77]

(1) Di'rdaoin, latha Challum-chille chaoin

Latha chuir chaorach air seilbh,

A dheilbh, 's a chuir bo air laogh.

(2) T' fhalt 's t' fhionna Di'rdaoin,

'S t' ionga mhaol Di-sathuirne.

[78] V. стр. 293.

[79] Когда луна скрывается в своей пустой межлунной пещере, *то есть* когда она убывает и поздно восходит, темный период ночи называется *rath dorch*a (темный круг). "Сын темного круга луны" (*mhic an rath dorch*a) - выражение легкого оскорбления.
